

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**УЧЕНЫЕ
ЗАПИСКИ**
юридического факультета
Выпуск 31(41)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2013

ББК 67
У91

Председатель редакционной коллегии
ректор СПбГЭУ, д. э. н. **И. А. Максимцев**

Научный редактор
декан юридического факультета, д. ю. н. **А. А. Ливеровский**

Редакционная коллегия:

д. п. н., проф. **В. А. Ачкасов**, д. ю. н., проф. **Г. Г. Бернацкий**,
д. э. н., д. ю. н., проф. **М. Н. Бродский**, д. ю. н., проф. **Г. П. Ермолович**,
д. ю. н., проф. **М. И. Клеандров**, д. ю. н., проф. **В. А. Кряжков**,
д. ю. н., проф. **В. В. Мамонов**, к. ю. н., проф. **М. А. Митюков**,
д. ю. н. **А. Б. Новиков**, д. ю. н., проф. **В. А. Сапун**, д. ю. н.,
проф. **А. П. Сергеев**, д. ю. н., проф. **В. И. Тюнин**

Ответственный секретарь
к. т. н., доцент **В. Н. Антонов**

У91 **Ученые записки юридического факультета**. Вып. 31 (41) / Под ред. А. А. Ливеровского. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2013. – 105 с.

Первый выпуск журнала «Ученые записки» Института права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов вышел в 1999 году. До 2004 года было опубликовано 10 выпусков журнала. В июне 2004 года журнал зарегистрирован как средство массовой информации под названием «Ученые записки юридического факультета». В журнале печатаются работы, посвященные теоретическим исследованиям в различных отраслях права и анализу юридической практики.

ББК 67

ISSN-1563-2547

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Теоретические исследования

<i>Андреева Е. М.</i> Организация государственного управления рынком ценных бумаг Российской Федерации в ретроспективе.....	5
<i>Бернацкий Г. Г.</i> Сильное государство невозможно без идеологии	9
<i>Крайнова Н. А.</i> Рецидивная преступность как угроза общественной безопасности.....	14
<i>Максуров А. А.</i> Дефиниции правового проекта	20
<i>Струкова М. А.</i> Система и виды преступлений в сфере оборота единых государственных реестров	23
<i>Тюнин В. И., Радошнова Н. В.</i> Применение оценочных признаков как инструмент дополнительной криминализации и декриминализации	27

Раздел 2. Юридическая практика

<i>Бродский М. Н., Костенко С. И., Бродская О. С.</i> Финансово-правовые проблемы организации городского хозяйства	31
<i>Вольфсон В. Л.</i> Оккупационный процесс. Об интервенции публичного права в основания отмены действующих судебных актов	47
<i>Дубровская И. И.</i> Применение срока исковой давности к обязательствам, срок исполнения которых определен моментом востребования, в современном российском праве	59
<i>Сапун В. А., Турбова Я. В.</i> Нормативное и индивидуальное в правоприменительной деятельности.....	64

Раздел 3. Право и политика

<i>Гончаров В. Э., Елизаров В. П.</i> Правовое регулирование электорального фандрайзинга: мировой опыт и российская практика	70

Раздел 4. Конференции и семинары

<i>Ливеровский А. А.</i> Петербургские конференции по конституционному праву.....	78

Part 1. Theory of law

Andreeva E. M. Organization of government securities market of the Russian Federation in retrospect.....	5
Bernatsky G. G. Strong State impossible without ideology	9
Krainova N. A. Recidivism as a threat to public safety	14
Maksurov A. A. Definitions of the legal project	20
Strukova M. A. The system and types of crimes in the sphere of circulation the Unified State Register	23
Tyunin V. I., Radoshnova N. V. Application of estimated signs as instrument of additional criminalization and decriminalization	27

Part 2. Legal practice

Brodsky M. N., Kostenko S. I., Brodskaya O. S. Financial and legal problems of the organisation of municipal services	31
Wolfson V. L. Occupation process. Of intervention in public law grounds to abolish existing judicial acts.....	47
Dubrovsckaya I. I. Application of limitation to commitments whose execution date determined by the time demand in modern Russian law.....	59
Sapun V. A., Turbova Y. V. Normative and individual in law enforcement.....	64

Part 3. Law and Politics

Goncharov V. E., Elizarov V. P. Legal regulation of election fundraising: world experience and the Russian practice	70

Part 4. Conferences and seminars

Liverovsky A. A. Petersburg conferences of constitutional law	78

Раздел
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. М. Андреева
E. M. Andreeva

**ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РЫНКОМ
ЦЕННЫХ БУМАГ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В РЕТРОСПЕКТИВЕ**

**ORGANIZATION OF GOVERNMENT SECURITIES MARKET
OF THE RUSSIAN FEDERATION IN RETROSPECT**

Зарождение рыночных отношений в России, в том числе и в области оборота ценных бумаг, связано с изменением в нашей стране политического и экономического строя, произошедшим в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века. Переход России к новой системе хозяйствования, основанной на конкуренции и свободе торговли, вызвал необходимость серьезного реформирования государственного аппарата. Как результат – в структуре органов государственного управления стали создаваться новые регулирующие органы, основными целями которых были недопущение злоупотреблений на складывающихся рынках, а также защита прав и материальных интересов граждан.

Значительные изменения коснулись и системы государственного регулирования финансовых рынков, в том числе фондового. В постсоветской истории организации управления рынком ценных бумаг можно выделить три этапа, характеризующихся разными подходами.

Первый этап – этап «зарождения системы управления финансовым рынком» – включает в себя период с 1988 по 1994 год. В этот период отсутствовал специальный государственный орган в области рынка ценных бумаг, да и сам рынок находился на начальной стадии развития. Исторически первыми российскими государственными органами, наделенными определенными полномочиями по управлению «молодым» рынком ценных бумаг, были Государственный банк СССР, Министерство финансов СССР и их областные, краевые или республиканские структуры на местах. В соответствии с Постановлением Совета министров СССР от 15 октября 1988 г. № 1195 «О выпуске предприятиями и организациями ценных бумаг» Госбанк СССР был уполномочен выдавать разрешения на выпуск и свободную продажу акций предприятий, переведенных на полный хозяйственный расчет и самофинансирование, а на Министерство финансов СССР возлагались обязанности по регистрации произведенных выпусков акций и контроль¹. На республиканском уровне данные функции выполнялись Министерством финансов РСФСР и Госбанком РСФСР. В связи с постепенным распадом СССР с ноября 1991 г. функции Министерства финансов СССР были закреплены за сформированным Министерством экономики и финансов РСФСР², а функции Госбанка СССР принял на себя созданный в ноябре 1990 г. Центральный банк РСФСР (Банк России)³. С февраля 1992 г. по ноябрь 1994 г. основным

© Е. М. Андреева, 2013

¹ Собрание Постановлений СССР. 1988. № 35. Ст. 100.

² Указ Президента РСФСР от 28 ноября 1991 г. № 242 «О реорганизации центральных органов государственного управления РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 48. Ст. 1696.

³ Декларация Совета народных депутатов РСФСР от 12 июня 1990 г. № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» // Там же. 1990.

регулирующим органом на рынке ценных бумаг являлось выделенное из Министерства экономики и финансов РСФСР Министерство финансов Российской Федерации. В частности, оно занималось государственной регистрацией выпусков ценных бумаг, выдавало лицензии профессиональных участников рынка, осуществляло проверки соблюдения законодательства о рынке ценных бумаг и др. Справедливости ради следует указать, что в тот же период – с марта 1993 г. по ноябрь 1994 г. функционировала Комиссия по ценным бумагам и фондовым биржам при Президенте Российской Федерации. Комиссия не являлась федеральным органом исполнительной власти, работала на безвозмездных началах и не имела значимых полномочий по регулированию рынка ценных бумаг⁴.

Второй этап – этап «специального регулирования» – длился с 1994 по 2013 год. Его отличительным признаком являлось создание первого в истории России государственного органа исполнительной власти в области рынка ценных бумаг. Им стала созданная в ноябре 1994 г. Федеральная комиссия по ценным бумагам и фондовому рынку⁵. В июле 1996 г. она была преобразована в Федеральную комиссию по рынку ценных бумаг (ФКЦБ РФ)⁶. Последняя комиссия функционировала относительно недолгое время, а именно до марта 2004 г. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» на ее базе была создана Федеральная служба по финансовым рынкам Российской Федерации (ФСФР РФ). В компетенцию ФСФР входили следующие наиболее существенные вопросы:

- разработка основных направлений развития рынка ценных бумаг, единых требований к правилам осуществления профессиональной деятельности с ценными бумагами;
- утверждение стандартов эмиссии ценных бумаг и порядок государственной регистрации выпуска эмиссионных ценных бумаг;
- установление обязательных требований к операциям с ценными бумагами, норм допуска ценных бумаг к их публичному размещению, правил ведения учета и составления отчетности эмитентами и профессиональными участниками рынка ценных бумаг, требований к порядку ведения реестра;
- осуществление лицензирования различных видов профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг;
- обеспечение раскрытия информации о зарегистрированных выпусках ценных бумаг, профессиональных участниках рынка ценных бумаг и регулировании рынка ценных бумаг;
- обращение в арбитражный суд с иском о ликвидации юридического лица, нарушившего требования законодательства Российской Федерации о ценных бумагах и о применении к нарушителям санкций, установленных законодательством Российской Федерации.

С постепенным усложнением правовых связей на рынке ценных бумаг увеличивалась и работа регулирующих органов. Кроме прежних полномочий добавлялись новые, например, с созданием системы инвестирования через различные негосударственные пенсионные и инвестиционные фонды появились функции лицензирования и контроля и в данной сфере.

Необходимо отметить, что на этапе «специального регулирования» кроме названного уполномоченного государственного органа на рынке ценных бумаг действовали и другие регуляторы. В частности, Банк России осуществлял государственную регистрацию выпусков ценных бумаг кредитными организациями, а также управление и контроль деятельности кредитных организаций на рынке ценных бумаг (за исключением лицензирования). Ми-

№ 2. Ст. 22; Постановление Верховного Совета РСФСР от 13 июля 1990 г. «О Государственном банке РСФСР и банках на территории республики» // Там же. № 6. Ст. 98; Закон РСФСР от 2 декабря 1990 г. № 394-1 «О Центральном банке РСФСР (Банке России)» // Там же. № 27. Ст. 356.

⁴ Распоряжение Президента Российской Федерации от 9 марта 1993 г. № 163-рп «О Комиссии по ценным бумагам и фондовым биржам при Президенте Российской Федерации» // Российские вести. 1993. № 51.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 4 ноября 1994 г. № 2063 «О мерах по государственному регулированию рынка ценных бумаг в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 28. Ст. 2972.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 1009 // Российская газета. 1996. № 130.

нистерство финансов Российской Федерации сохраняло за собой функции по управлению выпусками государственных и муниципальных ценных бумаг. Кроме того, с марта 2011 г. по сентябрь 2013 г. Министерство финансов Российской Федерации осуществляло полномочия по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере финансовых рынков⁷.

Третий этап, современный, можно назвать этапом «мегарегулирования». Указом Президента Российской Федерации от 25 июля 2013 г. № 645 «Об упразднении Федеральной службы по финансовым рынкам, изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации»⁸ была упразднена Федеральная служба по финансовым рынкам. В соответствии с Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков» (далее – Закон № 251-ФЗ) с 1 сентября 2013 г. на Банк России возложены функции регулирования и надзора *на всех секторах финансового рынка*⁹. Согласно новым подходам Банк России на рынке ценных бумаг представляет государство и выполняет функции органа управления рынком ценных бумаг.

Изменения не коснулись сути задач, ранее выполняемых Федеральной службой по финансовым рынкам и Министерством финансов Российской Федерации, а были направлены на сосредоточение всех полномочий в «одних руках». Так, Банк России сегодня наделен следующими полномочиями на рынке ценных бумаг:

- разработка политики развития и обеспечения стабильности функционирования финансового рынка Российской Федерации (во взаимодействии с Правительством Российской Федерации);
- осуществление регулирования, контроля и надзора за деятельностью некредитных финансовых организаций (в том числе страховых, клиринговых, микрофинансовых организаций и др.), профессиональных участников рынка ценных бумаг, за соблюдением эмитентами требований законодательства об акционерных обществах и ценных бумагах;
- защита прав и законных интересов акционеров и инвесторов на финансовых рынках.

Правовой статус Банка России определяется Федеральным законом от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» далее – «Закон о Центральном банке»¹⁰. В Законе указывается, что рассматриваемый орган является юридическим лицом, однако не установлена его организационно-правовая форма. Банк России не относится к органам государственной или муниципальной власти. Особенностью правового положения Банка России является то, что Банк России, не являясь государственным органом, обладает государственно-властными полномочиями¹¹.

Несмотря на создание «мегарегулятора», за Министерством финансов Российской Федерации сохранились полномочия по управлению рынком государственных и муниципальных ценных бумаг. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2004 г. № 329 «О Министерстве финансов Российской Федерации» данный орган по-прежнему занимается формированием государственного регистрационного номера для государственных и муниципальных ценных бумаг, утверждает стандарты раскрытия информации о государственных ценных бумагах субъектов Российской Федерации или муниципальных ценных бумагах; осуществляет государственную регистрацию условий эмиссии и обращения государственных ценных бумаг субъектов Российской Федерации или муниципальных ценных бумаг и др.¹²

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 4 марта 2011 г. № 270 «О мерах по совершенствованию государственного регулирования в сфере финансового рынка Российской Федерации» // Там же. 2011. № 51.

⁸ СЗ РФ. 2013. № 30. Ст. 4086.

⁹ Российская газета. 2013. № 166.

¹⁰ Там же. 2002. № 127.

¹¹ Финансовое право. Учебник / А. Р. Батяева, К. С. Бельский, Т. А. Вершило и др.; отв. ред. С. В. Запольский. 2-е изд., испр. и доп. М., 2011. С. 703.

¹² Российская газета. 2004. № 162.

Последняя реформа системы управления финансовым рынком вызвала большой общественный резонанс. В юридической и экономической литературе отмечаются как положительные, так и отрицательные ее стороны. В качестве первых можно назвать последующую за объединением управленческих функций унификацию требований законодательства к выпускам и обороту эмиссионных ценных бумаг кредитных организаций и других юридических лиц, а также неизбежную гармонизацию законодательства в данной сфере по отношению ко всем участникам рынка ценных бумаг. К недостаткам причисляются функциональная «перегрузка» Банка России, конфликт интересов ЦБ РФ как регулятора и эмитента ценных бумаг¹³. Так, в соответствии со ст. 44 Федерального закона «О Центральном банке» Банк России в целях реализации денежно-кредитной политики может от своего имени осуществлять эмиссию облигаций. В данном случае названный орган регулирует рынок ценных бумаг и одновременно является его самостоятельным участником. Сомнения вызывает также возможность осуществления государственного управления и контроля структурой, которая не входит в систему федеральных органов исполнительной власти и осуществляет свою деятельность за счет собственных доходов (ст. 2 Закона о Центральном банке). Согласно ст. 26 того же Закона 50% прибыли Банка России направляется Советом директоров в резервы и фонды различного назначения.

Кроме того, кажется спорной позиция законодателя о необходимости полного обновления нормативной базы по рынку ценных бумаг. Так, в ст. 49 Закона № 251-ФЗ сказано, что нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти применяются до вступления в силу соответствующих нормативных актов Банка России. Во-первых, на взгляд автора, отсутствуют юридические основания для приоритетного использования ведомственных нормативных актов по отношению к постановлениям Правительства Российской Федерации. Во-вторых, отметим, что за время работы Федеральной службы по финансовым рынкам России ею было разработано и принято около двухсот документов в сфере фондового рынка, не считая акты о внесении изменений и дополнений. Деятельность по обновлению уже принятого правового материала не позволит соответствующим структурным единицам Банка России в полной мере сосредоточиться на решении стратегических задач. В-третьих, комментируемое положение Закона № 251-ФЗ входит в противоречие с постулатами о стабильности права и преемственности принимаемых управленческих решений.

В заключение хотелось бы обобщить сказанное. Следует выделить три этапа в становлении системы государственного управления рынком ценных бумаг: первый этап – «зарождение системы управления финансовым рынком»; второй этап – «этап специального регулирования»; третий современный, этап – «этап мегарегулирования». В настоящее время функции регулирования и надзора за всеми секторами финансового рынка закреплены за единым органом – Банком России, тем не менее полномочия по управлению рынком государственных и муниципальных ценных бумаг сохранились за Министерством финансов Российской Федерации.

За недолгую историю функционирования рынка ценных бумаг России система его управления в большей или меньшей степени менялась неоднократно, в среднем с периодичностью один раз в восемь лет. В основном данные изменения являлись следствием экономического развития фондового рынка. Трудно объективно оценить результаты последних управленческих реформ. Надеемся, что они станут важным шагом к достижению целей государственной политики в области финансовых рынков, озвученной в Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 г., утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. № 2043-р¹⁴, – совершенствование российского законодательства, обеспечение эффективного контроля и надзора в сфере финансового рынка.

¹³ Подробнее см.: *Зенькович Е. В.* Реорганизация системы регулирования финансового рынка: временные подходы // *Налоги.* 2013. № 9. С. 21–24.

¹⁴ СЗ РФ. 2009. № 3. Ст. 423.

Аннотация. Данная статья посвящена истории организации государственного управления рынком ценных бумаг. В статье выделены этапы управления в данной сфере и дана характеристика каждому из них.

Ключевые слова. Ценные бумаги, мегарегулятор, Центральный банк Российской Федерации, Федеральная служба по финансовым рынкам, управление рынком ценных бумаг, финансовый рынок.

Annotation. Given article is devoted history of state management of Securities market. The author divides history of state management of Securities market into stages and gives the characteristics each of them.

Keywords. Securities, mega-regulator, the Central bank of the Russian Federation, the Federal Service for Financial Markets, management of a securities market, the financial market.

Г. Г. Бернацкий
G. G. Bernatsky

СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО НЕВОЗМОЖНО БЕЗ ИДЕОЛОГИИ

STRONG STATE IMPOSSIBLE WITHOUT IDEOLOGY

Сильное государство не может существовать без единой государственной идеологии, которую разделяет и поддерживает население страны. Можно утверждать, что не столько экономика и военная мощь, сколько духовное единство народа и государства составляет оплот силы государства. Идеология – это система базовых ценностей (экономических, политических, нравственных и т. д.), выражающая общие интересы определенной социальной группы, класса, нации. Государственная идеология – это обязательная идеология, которая защищается и проводится в жизнь, даже насаждается государством. Сильное государство всей мощью своего аппарата убеждения и принуждения проводит в жизнь определенную идеологию. В сильном государстве эта идеология поддерживается большинством населения. И наоборот, идеологический разброд в умах разных слоев населения свидетельствует о слабости государства.

Знаменитые слова Библии: «В начале было слово»¹ вполне можно отнести и к государству, его силе и жизнеспособности. Выдающийся древнегреческий историк и политический мыслитель Полибий считал, что оплотом силы и могущества Римского государства являлись богобоязненность народа Рима, вера римлян в своих богов². Боги олицетворяют систему ценностей народа. В те времена государственная идеология могла выражаться только в религиозной идеологии. Для В. И. Ленина после победы Октябрьской революции было жизненно необходимо построить сильное социалистическое государство. Отметим, что Ленин отдавал приоритет в социалистическом строительстве укреплению государственной идеологии. В армии был введен институт военных комиссаров, в государстве в целом

© Г. Г. Бернацкий, 2013

¹ Св. Евангелие от Иоанна. Гл. 1. Ст. 1.

² Это отмечают многие исследователи творчества Полибия (см., напр.: *Нерсесянц В. И.* История политических и правовых учений. М., 2005. С. 88–91).

началось систематическое распространение и насаждение коммунистической идеологии. Ленин указывал: «Буржуазия только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители. Наше понятие о силе иное. По нашему представлению, государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»³.

Если государство в силу своего легкомыслия не хочет утвердить в обществе определенную идеологию, или же государство в силу своей слабости не может утвердить в обществе государственную идеологию, то такое государство быстро распадается. Оно не имеет будущего. В наших учебниках по теории государства пишется о том, что признаками государства являются: территория с границами, публичная политическая власть, юридические законы, налоги... Мы полагаем, что необходимым признаком государства является и наличие государственной идеологии. Нет государственной идеологии – нет и сильного, стабильного государства. Во всяком случае, оно либо еще на стадии формирования, либо уже на этапе распада.

Великий киевский князь Владимир Святославич был в былинах прославлен как Владимир Красное Солнышко за то, что крестил Русь. Владимир захватил киевский престол в 978 г. и правил почти 40 лет. В те времена Киевская Русь контролировала несколько разрозненных славянских племен, объединенных силой оружия. Племена сопротивлялись власти киевских князей. Князь Игорь был убит древлянами при сборе дани. Киевское государство было внутренне слабым военно-политическим объединением. Князь Владимир стремился создать сильное государство и видел путь к этому в достижении духовного единства славянских племен. Первоначально он решил объединить в Киеве языческих богов разных племен. Владимир воздвиг в Киеве пантеон языческих богов разных славянских племен (Перун, Дажьбог, Стрибог, Хорс, Семаргл и Мокоша). Владимир использовал даже практику человеческих жертвоприношений богам разных племен. Однако, по мнению летописцев, Владимир сам убедился, что кровожадные языческие боги не объединяют, а разобщают людей. Их чествование с жертвоприношениями порождает в человеке страх, а не духовный подъем и восторг. Но кровожадность богов – не главная опасность. Владимир с точки зрения государственного строительства увидел другую более серьезную угрозу. В каждом племени – свои боги и свои ценности. Такие боги не объединяют духовно людей в единый народ, а разъединяют. Такие боги не укрепляют власть князя. Нужен единый Бог для всего народа государства, нужна единая государственная идеология, причем идеология, которая бы освящала власть единого правителя государства. Владимир нашел в себе силы и крестился сам, выбросил статуи языческих богов в Днепр, затем крестил своих приближенных, крестил всех киевлян, и потом начал крестить всех подданных Киевского государства. Он крестил не только водой, но и мечом – насильственно. И это было великим прогрессивным историческим преобразованием. Русь приобщилась к мировой цивилизованной религии, обрела единую духовную основу для государства и народа, начала строительство сплоченного сильного государства. Можно утверждать, что это спасло Русь от распада в период татаро-монгольского ига. Н. М. Карамзин писал: «Владимир с помощью злодеяния и храбрых Варягов овладел Государством; но скоро доказал, что он родился быть Государем великим... Сей Князь, названный церковию Равноапостольным, заслужил и в истории имя Великого»⁴.

Советский Союз был сильным государством – великой мировой сверхдержавой, противостоящей другой сверхдержаве – США. Мы утверждаем, что СССР достиг своего могущества, прежде всего, благодаря господству коммунистической идеологии, веры в ее идеалы большинства населения. Сталин обладал абсолютной властью благодаря опоре на коммунистическую идеологию. Народ допускал тиранию, потому что глубоко верил в правильность выбранного пути. Президент России В. В. Путин недавно заявил, что раз-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 21.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. В 12 т. Т. 1, гл. 9. <http://www.bibliotekar.ru/karamzin/9.htm>

рушение Российской Империи и распад Советского Союза были вызваны увяданием их государственной идеологии⁵.

Дмитрий Быков – современный поэт и публицист либеральных взглядов – не так давно прочитал прекрасную лекцию о творчестве советского писателя Аркадия Гайдара. Быков утверждает, что Гайдар – писатель, который придумал для детей удивительную страну под названием Советский Союз. Гайдар искренне верил в идеалы коммунизма и привил эту веру детям. Когда читаешь Гайдара, говорит Быков, то тебя охватывает острое чувство счастья, что ты живешь в самой лучшей и самой правильной стране мира. На книгах Гайдара были воспитаны дети, которые родились в 1921 или 1922 г. А в 1941 г. этим детям было 20 лет. И многие эти мальчишки-романтики погибли на полях Великой Отечественной войны. Они, как Мальчиш-Кибальчиш, защитили грудью свою самую лучшую страну в мире, защитили от жадных и жестоких буржуинов⁶. Быков указывает: «Марья Васильевна Розанова, которую очень сложно заподозрить в любви к “архипелагу ГУЛАГ” хотя бы потому, что она шесть лет выцарапывала оттуда собственного мужа и возила ему туда передачи, когда-то заметила: “Советская власть делала много отвратительных дел, но говорила при этом очень правильные слова, которые воспитывали удивительно правильных людей”»⁷.

Для целей нашей статьи важно задать вопрос, например, тому же Быкову: нужна ли современному государству единая государственная идеология в условиях, когда провозглашаются идеологический плюрализм и свобода мысли и слова. На лекции Быкова спросили: «Нужно ли в наше обывательское время детям читать Гайдара – ведь они вырастут несчастными». Быков ответил блестяще: «В наше время, – сказал он, – детям надо обязательно читать Гайдара. Да, дети вырастут несчастными, но кто вырастет счастливыми, то лучше бы их вообще не было. Надо читать ту литературу, от которой дети становятся несчастными, потому что от счастливых уже не продохнешь»⁸.

Единая государственная идеология необходима государству и сегодня, и завтра. Мы надеемся, что и Быков согласен с этим. Свою лекцию он закончил словами: «И вот что самое удивительное. Пройдет еще немного лет, я думаю, и изгладится, испарится благодарное потомство, то, что такое советская власть, что она наделала, что такое были мы все, ее несчастные последыши. Но многие еще поколения детей, я думаю, будут ощущать что-то такое необычное, перечитывая вот эти слова Гайдара: “И тогда все люди встали, поздравили друг друга с Новым годом и пожелали всем счастья. Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной”»⁹.

О роли государственной идеологии в современном демократическом государстве нам приходилось уже несколько раз высказываться¹⁰. Обратим внимание на позицию видного теоретика государства и права Н. И. Матузова, с которой мы согласны. Он пишет: «Без политико-правовой идеологии немислимо современное цивилизованное общество. Примерами высокоидеологичных документов могут служить Конституция США, Конституция ФРГ, французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г., которые выступают идеологическим фундаментом демократий и правовых систем западных стран»¹¹.

После распада Советского Союза, создания в России демократического государства, утверждения в стране свободы слова и свободы печати возникает мощное движение в сто-

⁵ <http://the-day-x.ru/putin-o-novoj-ideologii-rossii.html>

⁶ Быков Д. Лекция: «СССР – страна, которую придумал Гайдар». http://gaidarovka-metod.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=435:-q-q&catid=96:2011-10-11-09-44-01&Itemid=145

⁷ Там же.

⁸ <http://rutube.ru/video/866aeb9e16d6f9f5aeeb7079d9bddcb1/>

⁹ – http://gaidarovka-metod.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=435:-q-q&catid=96:2011-10-11-09-44-01&Itemid=145

¹⁰ См., напр.: *Бернацкий Г. Г.* Государственная идеология: pro et contra // Ценностные миры современного человечества: Дни философии в Санкт-Петербурге – 2011. Сб. статей СПб., 2012. С. 90–98.

¹¹ Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 1997. С. 561.

рону деидеологизации страны. И теоретики, и журналисты с восторгом приветствуют плюрализм идеологий. Они не видят опасности размывания незыблемых ценностей общества и государства, что неминуемо ведет к распаду и гибели. Почему-то многие из нас решили, что в современном мире уже нет идеологической борьбы, нет враждебной растлевающей молодежь идеологии, что исчезла пропаганда враждебной идеологии. Многие из нас обрадовались, что наступила долгожданная идеологическая свобода. И эта свобода означает, что можно думать как хочешь, и говорить что хочешь, и даже делать что хочешь.

Так незаметно мы пришли к тому, что уже перестали различать добро и зло, справедливость и несправедливость, истину и ложь. Господствуют полный релятивизм и софистика. Нет истины, а есть мнения. Нет зла, а есть индивидуальное самовыражение. Нет несправедливости, а есть позиция той или иной национальной группировки. Софистика захлестывает нашу высшую школу. Видный отечественный философ А. С. Кармин вспоминает случай из своей преподавательской практики. На экзамене по логике студент делает неправильный вывод по силлогизму. Преподаватель его поправляет, а студент возражает: «Почему я должен соблюдать *ваши* законы логики? У вас своя логика, а у меня своя!»¹².

Миссия современных юристов, на наш взгляд, состоит в том, чтобы, не уставая доказывать, возможно, даже как во времена Цицерона и Ульпиана, что есть объективная истина, справедливость и правда. И теоретики начинают это осознавать¹³. Когда подлинные ценности вытесняются из сознания, то падает престиж науки, юриспруденции, философии. Их место занимают мистика, кощунство, блуд. Мы вдруг обнаружили, что прилавки с научными книгами в магазинах стали короче. Их вытеснили книги по магии, колдовству, ворожбе, теософии, экстрасенсорике. Кино, телевидение, интернет пропагандируют насилие, преступность, терроризм, проституцию, гомосексуализм, наркоманию. Но ведь это растлевающее идеологическое воздействие на сознание людей и, прежде всего, на сознание молодежи. Не надо думать, что все это безобидные вещи. Не надо думать, что это формирует законопослушное население. Не надо думать, что так может формироваться социально активная, патриотически настроенная молодежь.

Нельзя согласиться с Б. С. Эбзеевым в том, что признание идеологического многообразия в Конституции России «означает существенное сужение пределов государственной власти, поскольку из-под контроля государства выводится сфера идеологии»¹⁴. Государство не имеет права устраняться от «идеологической борьбы», не может находиться над схваткой идеологических противников. Наоборот, государство должно находиться в гуще идеологической борьбы и защищать основы общественного строя. Государство должно решительно бороться против попыток идеологического разложения нации.

Враждебная идеология может взорвать не только социальный мир, но и политико-правовые отношения в обществе. Вспомним Германию в первой половине XX в. В стране действует демократическая Веймарская конституция 1919 г. Нацисты начали борьбу за власть с распространения фашистской идеологии. Именно идеология стала главным козырем в победе Гитлера. Фашистская идеология противоречила демократической Конституции Германии 1919 г. Однако на это легкомысленно не обращали внимания.

Немцы извлекли уроки из ошибок фашистского периода. Ныне действующая Конституция ФРГ 1949 г. содержит механизмы защиты конституционного строя. Эти механизмы направлены, прежде всего, против распространения враждебной идеологии. Конституция ФРГ защищает страну от индивидуальной антиконституционной пропаганды. Статья 18 Основного закона ФРГ гласит: «Каждый, кто использует свободу выражения мнений, в частности свободу печати, свободу преподавания, свободу собраний, свободу объединений, тайну переписки, почтовых, телеграфных и телефонных сообщений, право собственности или право убежища для борьбы против основ свободного демократического строя, утра-

¹² Кармин А. С. Интуиция: Философские концепции и научное исследование. СПб., 2011. С. 8.

¹³ См., напр.: Гаджиев Г. А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.

¹⁴ Комментарий к Конституции Российской Федерации / Под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. М., 2009. С. 145.

чивает эти основные права». Конституция ФРГ защищает страну от партийной антиконституционной пропаганды. Статья 9 Основного закона устанавливает, что деятельность политической партии, враждебная Конституции, может вести к запрету партии. Дольф Штернбергер – немецкий философ и идеолог послевоенного периода – выдвинул концепцию защиты конституционного строя Германии. Он провозгласил лозунг: «Никакой свободы врагам свободы»¹⁵.

Мы приходим к выводу о том, что надо перестать стыдиться признавать в современном обществе наличие государственной идеологии и идеологической борьбы. Представители философии и науки должны решительно отстаивать незыблемые ценности общества и государства.

Аннотация. В статье утверждается, что сильное государство не может существовать без единой государственной идеологии.

Ключевые слова. Идеология, государство.

Annotation. The article insists that a powerful state must have the state ideology.

Keywords. Ideology, State.

¹⁵ Государственное и административное устройство Германии. Мюнхен; Бонн, 1994.

РЕЦИДИВНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК УГРОЗА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

RECIDIVISM AS A TREAT TO PUBLIC SAFETY

«Нынешнему человеку постоянно угрожает то, что является делом его рук, что является результатом деятельности его ума, устремлений, его воли. В этом и состоит трагедия человеческого существования в его широком смысле».

Иоанн Павел II

Безопасность общества и государства, прежде всего, безопасность, как состояние защищенности от внутренних и внешних угроз, во все времена являлась одной из наиболее важных государственных задач. Как отмечают специалисты, безопасность государства можно охарактеризовать такими параметрами, как поддержание конституционных общественных отношений, укрепление государственной власти, экономическое могущество, законность, территориальная целостность и нерушимость границ. Они предопределяют политическую стабильность как интегральный параметр безопасности¹.

Законность как политико-правовая категория подразумевает верховенство закона, соблюдение принятых в государстве норм и правил всеми находящимися на его территории индивидами, борьбу с нарушениями закона, предупреждение противоправного поведения. Сдерживание преступности, поддержание постоянного контроля над уровнем преступности, ее структурой и динамикой – суть необходимые элементы поддержания законности в государстве.

По сути можно сказать, что преступность, ее уровень, структура и динамика являются показателями состояния защищенности общества и государства от внутренних угроз, показателем безопасности. Государство предпринимает необходимые меры для поддержания преступности на социально терпимом уровне, гарантирует законность и правопорядок в обществе. Анализ состояния преступности демонстрирует, насколько те или иные принятые меры были своевременны и адекватны, насколько они отражают уголовно-правовую политику в данной сфере, «работают» на внутреннюю общественную безопасность.

Современное состояние преступности характеризуется определенной стабильностью. Как представляется, можно наблюдать некоторое преобладание так называемой «беловоротничковой» преступности над общеуголовной. Этот факт вызывает определенное состояние спокойствия в обществе, которое по большей части весьма эфемерно. Безусловно, преступность в любой своей форме представляет угрозу для общества. Крупные коррупционные скандалы, возбуждение уголовных дел за должностные преступления и преступления экономической направленности в отношении значимых фигур российского «политического олимпа» и их партнеров широко освещаются средствами массовой информации, но тем не менее практически являются каплей в море аналогичных преступлений, совершаемых рядовыми чиновниками и бизнесменами. Кроме того, в России по-прежнему достаточно высок уровень тяжких и особо тяжких преступлений, высока латентность многих видов преступлений, процветают коррупция, наркобизнес, криминальная торговля людьми, незаконный оборот оружия, мошенничество в сфере государственных заказов, криминал в финансово-кредитной сфере и т. д.

Статистические данные за текущий год свидетельствуют о некотором снижении уровня преступности в целом. Так в январе–ноябре 2013 г. зарегистрировано 2038,6 тыс. преступлений, что на 4,6% меньше, чем за аналогичный период прошлого года². Однако это не дает повода для спокойствия. Снижение уровня преступности отмечено не во всех регионах России, в некоторых наблюдается даже его рост. Так, по данным МВД РФ, рост регистрируемых преступлений отмечен в 20 субъектах Российской Федерации, снижение – в 63 субъектах. Продолжает ухудшаться структура преступности. Количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, в 2013 г., по сравнению с январем–ноябром 2012 г., возросло на 1,8% и составило 25,2 тыс., а количество выявленных фактов хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств возросло на 11,0% (1,4 тыс. фактов). В январе–ноябре 2013 г. выявлено 214,7 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 5,2% больше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом сотрудниками органов наркоконтроля выявлено 74 тыс. преступлений (+0,8%), сотрудниками органов внутренних дел – 135,9 тыс. преступлений (+6,9%). По сравнению с январем–ноябром 2012 г. на 6,5% возросло число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, вырос с 46,3% в январе–ноябре 2012 г. до 46,8%³.

Нельзя не отметить, что государством принимаются меры, направленные на борьбу с преступностью, имеющие в том числе и предупредительный эффект. Тем не менее не все из них, несмотря на серьезные экономические затраты, как представляется, можно признать оправданными в достаточной степени. В качестве наглядного примера можно привести весьма сомнительное с точки зрения эффективности решение о переименовании милиции в полицию. По словам теперь уже бывшего министра финансов А. Кудрина, расходы на создание полиции «должны составить условно 280 млрд рублей в 2012 году и 608 млрд в 2013 году, но мы добавили резерв на реформу МВД – еще 138 млрд рублей на 2012 год и 189 млрд на 2013 год»⁴. Достаточно серьезные суммы, которые могли бы быть выделены на социальные нужды населения страны, в частности, на финансирование постпенитенциарной политики государства, однако деньги были потрачены на весьма сомнительную в плане эффективности фактически замену наименования правоохранительной структуры.

Неудачи в проведении реформ, их однобокость и непродуманность признаются и правоприменителями. «Реформа МВД не оправдала ожиданий общества, результаты, на которые надеялись граждане, не достигнуты», – признал глава ведомства Владимир Колокольцев, выступая в среду на «Правительственном часе» в Совете Федерации. При этом, как противоречиво это ни прозвучит, он оценил систему МВД как «все более и более профессиональную» и заявил, что «сотрудники полностью обеспечат выполнение возложенных на них задач»⁵.

В определенной степени лакмусом эффективности деятельности государства в сфере борьбы с преступностью является уровень рецидивной преступности. И это действительно так, ведь совершение преступлений после осуждения за предыдущее преступление в определенной степени свидетельствует о некоей ущербности государственно-властных усилий, направленных на реализацию уголовной репрессии.

Рецидивная преступность стабильно остается одним из наиболее опасных видов преступности, для которой традиционно характерны криминальная профессионализация, организованность, совершение преступлений так называемой «общуголовной направленности».

Статистические данные с завидным постоянством демонстрируют показатели рецидива на уровне 30–50%. Так, по данным МВД РФ, каждое второе (49,4%) расследованное

² Состояние преступности в России. За январь–декабрь 2012 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item/1388663/>

³ Там же.

⁴ У Минфина не нашлось денег на создание полиции. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gazeta.spb.ru/416542-0/>

⁵ Колокольцев признал провал реформы МВД и призвал карать за проявления экстремизма в интернете. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/30oct2013/kolokoltsev.html>

преступление в январе-декабре 2013 г. было совершено лицами, ранее совершавшими преступления⁶.

По данным уголовной статистики, в 2011 г. уровень рецидива составил 30,1%. Выявлено 1041,3 тыс. лиц, совершивших преступления (6,3%), удельный вес лиц без постоянного источника дохода возрос с 65,7% в январе-декабре 2010 г. до 66,3%, а удельный вес ранее судимых лиц – с 26,5 до 28,7%. Почти каждое третье (40,7%) расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления⁷. В январе-ноябре 2013 г. выявлено 924,4 тыс. лиц, совершивших преступления (-0,6%), удельный вес лиц без постоянного источника дохода сократился с 66,4% в январе-ноябре 2012 г. до 65,9%, а удельный вес ранее судимых лиц – с 32,3 до 32,1%. Данный факт, безусловно, не дает повода для оптимизма. Впереди еще декабрь 2013 г. – традиционно декабрь является самым «насыщенным» месяцем с точки зрения совершения преступлений ранее судимыми лицами.

Достаточно высокий уровень рецидива свидетельствует, на наш взгляд, о низкой эффективности механизмов предупреждения преступлений, в том числе мер, направленных на недопущение совершения преступления ранее судимыми лицами. Иными словами, следует признать наличие некоторых пробелов в уголовной политике в сфере борьбы с рецидивной преступностью, что негативным образом сказывается на состоянии безопасности государства в целом. Как отмечает А. П. Фильченко, самую серьезную озабоченность вызывает уровень рецидивной преступности, уровень которой в зависимости от региона России колеблется от 25 до 40%⁸.

Рецидивная преступность, являясь частью преступности в целом, отчасти характеризуется теми же закономерностями, обусловлена теми же объективными и субъективными факторами. Но в то же время она представляет собой особое социальное явление, гораздо более опасное, чем первичная преступность. Феномен рецидива заключается, во-первых, в том, что преступники совершают новые преступления, несмотря на применявшееся к ним наказание, во-вторых, в том, что его уровень в структуре всей преступности остается относительно стабильным, в-третьих, в том, что по мере увеличения числа судимостей повышается профессионализм, растет квалификация рецидивистов.

Тенденция рецидивной преступности в России за последние пять лет в целом является неблагоприятной. Имеют место: увеличение количества преступлений, совершаемых при рецидиве, и увеличение их удельного веса в структуре всей преступности; преобладание в структуре рецидивной преступности тяжких и особо тяжких преступлений, носящих преимущественно корыстный и насильственно-корыстный характер; увеличение количества преступлений экономической направленности, совершаемых рецидивистами; увеличение количества преступлений, совершаемых рецидивистами в составе организованных преступных групп, где они занимают ключевые позиции и определяют политику противодействия правоохранительной системе; возрастание численности, профессионализма, организованности преступных групп с участием рецидивистов. Как отмечают специалисты, на протяжении нескольких десятков лет, при всех изменениях рецидивной преступности сохраняется неизменным основной принцип, согласно которому рецидивоопасность тем выше, чем выше степень тяжести совершенных преступлений. Так, в числе лиц, совершивших умышленные убийства, доля рецидивистов (36,6%) выше, чем в числе лиц, совершивших умышленные тяжкие телесные повреждения (32,6%), последних выше, чем в числе хулиганов (18,8%), и т. д. Точно так же в числе лиц, совершивших разбой, доля рецидивистов (36,2%) выше, чем среди грабителей (31,5%), а среди грабителей, в свою очередь, выше, чем в числе воров (26,1%). Это свидетельствует об особой общественной опасности преступлений, совершаемых рецидивистами⁹.

⁶ Состояние преступности в России. За январь-декабрь 2012 г.

⁷ Состояние преступности в России. За январь-декабрь 2011 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_102505/.

⁸ Фильченко А. П. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: правовая природа и перспективы законодательного регулирования // Административное право и процесс. 2012. № 2. С. 54–57.

⁹ Криминологическая характеристика рецидивной преступности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://evcppk.ru/kriminologiya/1472-kriminologicheskaya-karakteristika-recidivnoj-prestupnosti.html>

Общее увеличение количества совершаемых противоправных деяний, ухудшение структуры преступности не может не сказываться на уровне криминального рецидива. Проведенный нами анализ данных о состоянии преступности в Санкт-Петербурге и Ленинградской области за последние 10 лет свидетельствует о стабильном увеличении количества преступлений, совершенных лицами, ранее их совершавшими. Реальное состояние дел в рассматриваемой области в России намного хуже, чем об этом говорит официальная статистика. Данное предположение было подтверждено результатами анонимного экспертного опроса специалистов правоохранительных органов и работников юридических вузов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Так, абсолютное большинство опрошенных лиц (97,3%) считают, что в настоящее время наблюдается рост уровня преступности вообще и рецидивной в частности. Только 1% специалистов полагают, что такого роста не происходит, и 1,66% затруднились с ответом. При ответе на вопрос, какими причинами обусловлен рост рецидивной преступности, на первое место были поставлены экономические причины (80,66%), на второе – социальные (59,33%). Третье место заняли причины политического характера (17%), четвертое – культурные (13,13%), пятое – обострение социальной обстановки (6,33%), и 3,66% опрошенных указали на иные причины. Большинство экспертов считали, что рост рецидивной преступности обусловлен действием не одной, а нескольких причин. Наиболее часто ими выбирался комплекс экономических, социальных и политических факторов (43%). На наш взгляд, такой выбор вполне обоснован, поскольку именно эти причины являются наиболее социально значимыми. Частота выборки иных причин была незначительна, что может быть следствием их некоторой второстепенности по сравнению с вышеупомянутыми.

Если анализировать ситуацию с другой стороны, со стороны общего количества осужденных, отбывающих наказание второй и более раз, то ситуация в настоящее время выглядит плачевно. Как отмечается в отчете Счетной палаты РФ, одним из основных показателей эффективности исправления осужденных к лишению свободы при исполнении наказания и процесса их социальной реабилитации является уровень рецидива преступлений среди них после освобождения. Анализ статистических данных о числе лиц, отбывающих наказание к лишению свободы во второй и третий раз, позволяет сделать вывод о том, что за истекшие 6 лет ситуация изменилась в худшую сторону.

Доля лиц в колониях строгого режима, отбывающих наказание к лишению свободы во второй раз, составляет в среднем около 30% (от общего числа спецконтингента), в третий раз – в среднем 40%. В 2006 г. таких лиц насчитывалось около 98 тыс. человек, а в 2010 г. – уже свыше 125 тыс. человек. Аналогичные тенденции сохраняются и в исправительных колониях особого режима. За истекшие 5 лет число лиц, отбывающих наказание к лишению свободы в третий раз, увеличилось в среднем на 20%. В исправительных колониях общего режима за аналогичный период доля лиц, отбывающих наказание в третий раз, увеличилась в среднем на 30%. Негативные тенденции рецидивной преступности сохраняются и среди осужденных женского пола. Количество осужденных данной категории увеличилось с 3857 человек в 2006 г. до 7723 человек в 2010 г.¹⁰

Условия, способствующие сохранению достаточно высокого уровня рецидивной преступности, специфичны. Криминологи классифицируют их на следующие группы:

- 1) связанные с недостатками дознания, следствия и суда;
- 2) обусловленные ошибками и нарушениями при исполнении наказания;
- 3) относящиеся к постпенитенциарному периоду¹¹.

¹⁰ Отчет о результатах контрольного мероприятия «Аудит эффективности расходования средств федерального бюджета, выделенных Федеральной службе исполнения наказаний в 2009 и 2010 гг. на содержание, трудовую адаптацию и обучение осужденных, и мер, принимаемых органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации по их последующей социальной реабилитации» (совместно с контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации) // Бюллетень Счетной палаты РФ. 2012. № 6(174). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ach.gov.ru/ru/>.

¹¹ Криминология / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. М., 1998. С. 401; Криминология / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Э. Эминова. М., 1995. С. 224.

Существование проблем постпенитенциарного периода обусловлено отсутствием продуманной уголовной политики в данной сфере. Выходя на свободу, осужденный остается предоставленным сам себе, что зачастую приводит его к повторному совершению преступлений¹².

Наше исследование показало, что большинство судимых лиц совершили повторное преступление вскоре после отбытия наказания за предыдущее. Так, по данным анкетного опроса осужденных, большинство повторных преступлений было совершено ими в первый год после отбытия наказания (57,9%). Сходные данные приводились и другими исследователями. Например, по данным В. И. Гуськова, эта цифра составляет 56,4%¹³.

Решение проблем ресоциализации осужденных в рамках постпенитенциарной политики государства требует значительных финансовых затрат. По данным проведенного Счетной палатой РФ исследования уголовно-исполнительной системы РФ, анализ расходов средств федерального бюджета показал, что по всем видам расходов затраты на содержание спецконтингента составили: в 2009 г. – 29 963 423,1 тыс. рублей, в 2010 г. – 31 528 206,3 тыс. рублей, в том числе расходы на подготовку к освобождению и жизни на свободе (социальная и трудовая адаптация)¹⁴. Однако, несмотря на достаточно серьезные вложения, существуют и определенные проблемы. Так, более 13 тыс. осужденных, не получивших по различным причинам профессии, ежегодно освобождаются из мест лишения свободы. В течение ряда лет наблюдается рост количества поступающих в исправительные учреждения осужденных, которые не имеют рабочей профессии или специальности, никогда ранее не работали и не учились. Только за прошедший 2010/2011 учебный год численность этой категории осужденных увеличилась до 224 тыс. человек. В то же время ежегодные расходы средств федерального бюджета на содержание осужденных по рецидивным преступлениям составляют около 14 млрд рублей¹⁵.

Следует отметить, что эти затраты касаются только подготовки к освобождению, иными словами, государственное финансирование распространяется только на отношения в рамках исполнения наказания в исправительных учреждениях. Проблемы финансирования ресоциализации осужденных после освобождения остаются за пределами внимания государства. Так, в отчете Счетной палаты отмечено, что в настоящее время успешность решения вопросов социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, во многом зависит от инициативы и заинтересованности как представителей органов государственной власти субъектов Российской Федерации, общественных организаций, общественных объединений, так и руководителей органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. Об отсутствии какой-либо системы в субъектах Российской Федерации по мероприятиям, связанным с реабилитацией и трудовой адаптацией освобожденных, можно судить по реакции контрольных органов субъектов на обращение Счетной палаты Российской Федерации по направлению сведений о проведенных мероприятиях и эффективности мер в 2009–2010 гг. органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации по социальной реабилитации лиц, освободившихся из мест заключения. Получен ответ только от 30 контрольных органов, 12 контрольных органов отписались об отсутствии

¹² На существование такой зависимости уже указывалось в научной литературе (см., напр.: Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века / Под общ. ред. А. И. Гурова. М.: ВНИИ МВД России, 2000. С. 67; Агамов Г. Д. К разработке программы борьбы с рецидивной преступностью // Рецидивная преступность: правовые и социальные проблемы. Сб. науч. тр. М., 1993. С. 71.

¹³ Гуськов В. И. Характеристика осужденных, освобожденных из исправительно-трудовых учреждений, и проблема их социальной адаптации // Труды Рязанской высшей школы МВД СССР (Проблемы уголовного и исправительно-трудового права). Вып. 3. Рязань, 1975. С. 98.

¹⁴ Отчет о результатах контрольного мероприятия «Аудит эффективности расходования средств федерального бюджета, выделенных Федеральной службе исполнения наказаний в 2009 и 2010 годах на содержание, трудовую адаптацию и обучение осужденных, и мер, принимаемых органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации по их последующей социальной реабилитации» (совместно с контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации) // Бюллетень Счетной палаты РФ. 2012. № 6(174). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ach.gov.ru/ru/>.

¹⁵ Там же.

данных. Судя по полученной информации, в 28 субъектах Российской Федерации во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № Пр-444 приняты целевые программы по решению данной проблемы. В 2009 г. профинансированы мероприятия по адаптации осужденных в 13 субъектах Российской Федерации на сумму 183 337,5 тыс. рублей, в 2010 г. – в 23 субъектах на сумму 251 677,3 тыс. рублей, в 2011 г. – в 26 субъектах на сумму 354 468,5 тыс. рублей. Из приведенного анализа видно, что рост как по количеству, так и по финансированию есть, но незначительный. Можно отметить Пермский край, Красноярский край, Томскую, Саратовскую, Волгоградскую области, Республику Мордовия, г. Санкт-Петербург, Ямало-Ненецкий автономный округ. Квоты на выделение рабочих мест для освободившихся осужденных на законодательном уровне закреплены в Республике Башкортостан, Республике Тыва, Тюменской, Сахалинской, Липецкой, Тверской областях и Чукотском автономном округе, т. е. в 7 субъектах Российской Федерации. Единые центры трудовой адаптации созданы в 12 субъектах Российской Федерации (Свердловская область, Алтайский край (2), Иркутская область (2), Волгоградская область, Тюменская область, г. Санкт-Петербург (2), Красноярский край, Пермский край). Соответственно, и решение проблем по трудоустройству, бытовым вопросам и проч. лучше обстоит в тех же регионах¹⁶.

Причинами такого положения дел можно назвать отсутствие единой государственной политики в области ресоциализации, недостаток преемственности между исправлением осужденных в ИУ и деятельностью местной власти на завершающем этапе их ресоциализации, а также неэффективность функционирования системы предупреждения рецидивной преступности в целом.

Таким образом, при анализе криминологической характеристики рецидива, причин и условий рецидивной преступности следует обратить внимание на следующие моменты.

1. В настоящее время в России наблюдается тенденция снижения уровня преступности в целом по стране, роста уровня преступности по некоторым регионам.

2. В последнее время наблюдается ухудшение структуры рецидивной преступности. Увеличивается доля умышленных, заранее подготовленных преступлений (кража, грабеж, разбой, преступления против здоровья населения и общественной нравственности и др.).

3. Рецидивная преступность обусловлена теми же причинами, что и преступность вообще. Однако в качестве специфического условия следует назвать отсутствие в государстве четкой постпенитенциарной политики, о чем в том числе может свидетельствовать весьма непродолжительный срок перерыва между преступлениями.

4. В современных условиях в России отсутствует продуманная, четко отлаженная постпенитенциарная уголовная политика, что на практике проявляется также в отсутствии должной системы финансирования. Средства федерального бюджета направляются на трудовую и социальную адаптацию осужденных в исправительных учреждениях, не затрагивая проблемы ресоциализации после освобождения.

5. О неэффективности предпринимаемых (разрозненных и рассогласованных друг с другом) мер в сфере противодействия рецидивной преступности свидетельствует высокий уровень рецидива, в том числе многократного. В такой ситуации, думается, рецидивная преступность представляет серьезную угрозу общественной безопасности и требует комплексного подхода к выработке мер, направленных на противодействие данному негативному явлению.

Аннотация. В своей работе автор исследует феномен рецидивной преступности как угрозу общественной безопасности, раскрывает свое видение единой комплексной системы, включающей совокупность мероприятий, направленных на ресоциализацию бывших осужденных и недопущение совершения ими повторных преступлений.

¹⁶ Отчет о результатах контрольного мероприятия «Аудит эффективности расходования средств федерального бюджета, выделенных Федеральной службе исполнения наказаний в 2009 и 2010 годах на содержание, трудовую адаптацию и обучение осужденных, и мер, принимаемых органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации по их последующей социальной реабилитации» (совместно с контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации).

Ключевые слова. Преступность, рецидивная преступность, уголовная политика, ресоциализация, предупреждение преступлений, осужденный, общественная безопасность.

Annotation. The author gives analysis of recidivism as a threat to public safety, discloses her view at a unified comprehensive system that includes a set of measures for ex-convict resocialisation and exclusion of their return to crime.

Keywords. Criminality, recidivism, criminal policy, resocialization, prevention of crime, convict, public safety.

А. А. Максуров
А. А. Maksurov

ДЕФИНИЦИИ ПРАВОВОГО ПРОЕКТА DEFINITIONS OF THE LEGAL PROJECT

На наш взгляд, проект – это относительно обособленная и уникальная сознательная человеческая деятельность, направленная на достижение определенной цели по изменению какой-либо системы, характеризующаяся комплексом взаимосвязанных действий, в процессе реализации которых потребляется некое количество ресурсов.

Данное определение, как мы полагаем, в целом можно принять за основу для дальнейшей работы по определению сущности юридического проекта.

Прежде всего, вполне можно вести речь об относительной уникальности и неповторимости каждого юридического проекта хотя бы потому, что его элементом является человек и само это уже привносит субъективное во внешне объективный процесс.

Можно даже сказать, что достижение того же юридически значимого результата с теми же затратами (человеческими, финансовыми, временными и т. п.) все равно в каждом конкретном случае будет уникальным. Этот результат априори будет обладать новизной и неповторимостью. Совокупность действий и потребленных ресурсов апостериори всегда уникальна и неповторима.

Всегда ли данная деятельность по реализации проекта в праве будет сознательной? Думается, что нет. В праве вообще недооценивается роль бессознательного, интуитивного и т. п., хотя это, конечно же, предмет отдельного разговора.

Между тем нередко интуитивный поиск преступника, бессознательное разрешение сложной конфликтной юридической ситуации. Сами действия преступника, если рассматривать их в рамках правонарушительной деятельности, зачастую являются бессознательными, когда, например, преступник пытается убить свидетеля преступления, спрятать похищенное, скрыться от преследования. Это, конечно же, тоже правовой проект, хотя и со знаком «минус».

Можно говорить и о рефлексивных движениях, об ошибках в сознании, о подавленном сознании, о выработке бессознательных алгоритмов поведения путем правовой пропаганды (рекламы).

Всегда ли данная деятельность будет являться юридической (как нам, в принципе, хотелось бы видеть)? Ответ также отрицательный, хотя бы потому, что об этом красноре-

чиво свидетельствуют современные концепции юридической (правовой) деятельности.

В связи с этим нельзя не отметить, что «деятельность» в праве понимается по-разному. Джон Дьюи вообще указывал, что само право есть деятельность, посредством которой можно осуществлять вмешательство в другую деятельность¹, но это, конечно же, не так².

Концепция правовой деятельности была широко разработана Р. В. Шагиевой³ и некоторыми другими авторами. Шагиева понимает под правовой деятельностью «такую социальную активность (свободу выбора и свободу самовыражения), которая осознанно и целенаправленно предпринимается субъектами – носителями субъективных прав и юридических обязанностей в различных сферах общественной жизни в целях организации удовлетворения их разнообразных потребностей специфическим духовно-практическим способом – в рамках правоотношений и которая поэтому признается обществом и государством правильной, справедливой, а значит – юстициабельной и юридически значимой»⁴.

Между тем проф. Карташовым уже давно предложена подробная разработка юридической деятельности, под которой он понимает «такую опосредованную правом трудовую, управленческую, государственно-властную деятельность компетентных органов, которая нацелена на выполнение общественных задач и функций (создание законов, осуществление правосудия, конкретизацию права и т. п.) и удовлетворение тем самым как общесоциальных, групповых, так и индивидуальных потребностей и интересов»⁵.

Как пишет Р. В. Шагиева, «в определенном смысле категория “правовая деятельность” шире по объему категории «юридическая деятельность»⁶, ибо первая призвана охватить не только гарантированные и охраняемые государством действия публичных субъектов, осуществляющих государственную власть, но и всех юридических и физических лиц⁷.

Данная дискуссия продолжается и сегодня. Вместе с тем уже из приведенных выше определений видно, что мы не можем сводить понимание юридического проекта лишь к юридической (правовой) деятельности. Юридический проект может быть юридической деятельностью или не быть таковой.

Следовательно, юридический проект – это уникальная в каждом конкретном случае и относительно обособленная человеческая (в том числе и юридическая, правовая) деятельность, нацеленная на изменение какой-либо системы, причем системы не обязательно (и, как правило) неправовой, и даже социальной. То, что в результате реализации юридического проекта, очевидно, изменяется правовая система (система права), является следствием, но не целью юридического проекта.

Мы указывали выше, что юридический проект характеризуется комплексом взаимосвязанных действий, в процессе осуществления которых потребляется некое количество ресурсов. В данном случае мы неминуемо обращаемся к юридической технологии, как упоминалось выше, основательно разработанной проф. Карташовым и его последователями. Действительно, совокупность действий и ресурсов (а также многого другого) является основой технологии.

Вместе с тем в случае с юридическим проектом технологические параметры (действия и операции субъектов и участников, ресурсы, стратегия, тактика и пр.) должны быть уже заданы заранее и привязаны к конкретному проекту. Они не могут существовать вне его и помимо него. Их предполагаемый объем (количество) и качество уже в той или иной степени зафиксированы, стандартизированы, формализованы.

¹ Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. С. 39.

² Там же.

³ См., напр.: Шагиева Р. В. Правовая деятельность в современном российском обществе (Проблемы теории и методологии). М., 2004.

⁴ Шагиева Р. В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. Казань, 2005. С. 84–85.

⁵ Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989. С. 31.

⁶ Шагиева Р. В. Правовая деятельность в современном российском обществе (Проблемы теории и методологии). С. 20.

⁷ Политико-правовые средства обеспечения перестройки / Под ред. И. А. Тарханова. Казань, 1990. С. 15–17.

Таким образом, мы приходим к пониманию того, что *юридический проект – это уникальная в каждом конкретном случае и относительно обособленная человеческая деятельность, нацеленная на изменение какой-либо системы, которой соответствует формально-определенная совокупность («объем») элементов юридической технологии.*

Возникает закономерный вопрос: что нового дает нам правопроектирование, ведь, по существу, оно базируется на стабильно развивающихся теориях юридической (правовой) деятельности и юридической технологии?

Если рассматривать правовое проектирование «в статике», то очевидна как минимум практическая польза, поскольку по сходным юридическим проектам мы сможем определить стандартную целевую, затратную и прочие сферы в рамках реализации этих проектов.

Но мы предлагаем рассматривать вопрос шире, а именно подходить к любому юридическому проекту как к объекту управления, к тому, чем можно и нужно управлять, – ресурсами проекта, в том числе *временем, рисками, деятельностью и ее структурами, качеством и эффективностью.* В этом смысле финансовые ресурсы мы вообще планируем рассматривать с позиций *проектного финансирования.* Станут возможными и востребованными *экспертиза и оценка юридического проекта.* С новых позиций можно будет взглянуть на *маркетинг юридических проектов.* В рамках проектного понимания права следует ставить вопрос и об *управлении юридическими конфликтами, а также управлении развитием юридических проектов и их изменениями.*

Аннотация. В работе впервые правовые явления рассматриваются как проекты, а деятельность по их реализации – как проектная деятельность. Успешно введен новый категориальный аппарат. Применен управленческий и иной новый для исследования правовых явлений инструментарий.

Ключевые слова. Проект, право, управление, юридическая деятельность, эффективность.

Annotation. For the first time legal phenomena are treated as projects and activities for their implementation in the project activity. Successfully introduced a new categorical apparatus. Applied management and other new legal research of the phenomena of the Toolkit.

Keywords. Project, law, management, legal activities, efficiency.

М. А. Струкова
M. A. Strukova

СИСТЕМА И ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ОБОРОТА ЕДИНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕЕСТРОВ

THE SYSTEM AND TYPES OF CRIMES IN THE SPHERE OF CIRCULATION THE UNIFIED STATE REGISTER

Значение единых государственных реестров в обеспечении верховенства Конституции Российской Федерации и федеральных законов; учета и систематизации нормативных правовых актов; реализации конституционного права граждан на получение достоверной информации о правовых актах; создания условий для получения правовой информации органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами и организациями очевидно.

В связи с этим очевидным стало и обеспечение правовой охраны оборота единых государственных реестров, прежде всего уголовно-правовыми средствами.

Оборот единых государственных реестров как система урегулированных нормами права общественных отношений, обеспечивающий защиту установленного государством порядка обращения государственных реестров, включает в себя: сбор, анализ, структурирование, внесение изменений, хранение, учет, регистрацию, пересылку, замену, уничтожение, изъятие, использование, копирование, утрату и иные действия для правомерных владельцев и пользователей¹.

Учитывая эти элементы законного оборота, следует определить следующие возможные незаконные деяния в отношении единых государственных реестров: неправомерный доступ, фальсификация, противоправное собирание информации, содержащейся в реестре, искажение, предоставление и распространение заведомо ложной информации, уклонение и отказ от предоставления информации/документов в реестр, предоставление неполной информации, уничтожение или подлог документов, на основании которых вносятся запись или изменения в единые государственные реестры.

Анализ действующего уголовного закона и тенденций его развития в области регулирования охраняемой государством официальной информации позволяет сделать вывод, что в настоящее время уголовное законодательство переживает этап формирования цельного по своей природе, системного по характеру взаимосвязи элементов объекта уголовно-правовой охраны – общественных отношений в сфере оборота единых государственных реестров. В настоящее время они разбросаны по различным главам и статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), что вполне объяснимо исходя из последовательности их возникновения.

Так, деяния, предусматривающие ответственность за регистрацию незаконных сделок с землей (ст. 170 УК РФ), за фальсификацию ЕГРЮЛ (ч. 1 ст. 170.1 УК РФ), за незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1 УК РФ), за незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173.2 УК РФ), расположены в разделе VIII «Преступления в сфере экономики», главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» УК РФ².

Ответственность за фальсификацию единых государственных реестров предусмотрена разделом X «Преступления против государственной власти», главой 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», ст. 285.3 УК РФ.

© М. А. Струкова, 2013

¹ Букалерова Л. А. Уголовно-правовая охрана официального информационного оборота. Монография. М., 2006.

² СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

В отношении преступлений, расположенных в главе 22 УК РФ, речь идет о посягательстве на целый ряд важнейших прав граждан, содержание которых раскрывает, прежде всего, Конституция РФ³: в Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности, признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (ст. 8). Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (ст. 34).

Необходимо отметить, что в экономической теории, как правило, не делается различий между понятиями «экономика» и «экономическая деятельность», они используются как синонимы⁴. Вследствие фактического отождествления понятий «экономика» и «экономическая деятельность» в экономической теории последнее, как правило, отдельно не рассматривается. Зато исследование понятия «экономическая деятельность» проводилось в юридической науке и в частности – в науке предпринимательского права. Так, В. В. Лаптев указывает на то, что понятие «экономическая деятельность» является более широким по отношению к понятию «предпринимательская (хозяйственная) деятельность» и «включает не только производство продукции, выполнение работ и оказание услуг, но и другие виды деятельности в сфере экономики, например, трудовую деятельность»⁵.

Таким образом, можно говорить о широком и узком понимании термина «экономическая деятельность». Широкое понимание данного термина идентично пониманию термина «экономика» и используется специалистами в области экономической теории. Узкое понимание выработано специалистами в области юриспруденции, и оно является в большей степени «техническим».

Фактически глава 22 УК РФ охраняет восемь видов специфических общественных отношений:

- общественные отношения в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности;
- общественные отношения в кредитной сфере;
- общественные отношения, обеспечивающие свободу и добросовестность конкуренции;
- общественные отношения в сфере обращения денег и ценных бумаг;
- общественные отношения в сфере внешнеэкономической деятельности и таможенного контроля;
- общественные отношения в сфере оборота драгоценных камней и валютных ценностей;
- общественные отношения в сфере налоговых платежей;
- общественные отношения в сфере осуществления банкротства.

Таким образом, видовым объектом преступлений в сфере оборота единых государственных реестров, предусмотренных ст. 170, ч. 1 ст. 170.1, ст. 173.1, ст. 173.2 УК РФ, являются общественные отношения в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности.

Настоящие общественные отношения можно классифицировать, исходя из еще одной классификации, существующей в настоящее время в теории уголовного права, – чьи интересы в первую очередь данными отношениями обеспечиваются⁶. Так, вышеуказанные

³ Российская газета. 2009. 1 янв.

⁴ См., напр.: *Иохин В. Я.* Экономическая теория. М., 2005. С. 29–30; *Экономика: Учебник для вузов / Под ред. А. И. Архипова, А. К. Большакова.* М., 2005. С. 27–30.

⁵ *Предпринимательское (хозяйственное право) право / Под ред. В. В. Лаптева и С. С. Занковского.* М., 2006. С. 5.

⁶ См., напр.: *Русанов Г. А.* Преступления в сфере экономической деятельности. Учеб. пособие. М., 2011. С. 19.

составы преступлений в рамках установленного видового объекта охраняют общественные отношения, которые обеспечивают интересы как государства, так и граждан и организаций в процессе экономической деятельности.

Важно отметить, что общественные отношения в сфере экономической деятельности являются одними из наиболее динамичных. Косвенно об этом можно судить исходя из того, что глава 22 УК РФ является наиболее подверженной изменениям со стороны законодателя. И. В. Шишко относительно данного признака экономических отношений пишет следующее: «Экономические отношения чрезвычайно подвижны: они развиваются, подчиняясь не только экономическим законам. На них оказывают влияние природные катаклизмы и политические события (засуха, война, длительное отсутствие избранного в надлежащем порядке президента, популистские меры в предвыборный период и т. д.). Реагирование экономических отношений на множество внутригосударственных внешних факторов – одна из причин высокой динамичности регулирующего их законодательства»⁷.

Динамичность развития экономических отношений сама по себе предполагает проблему отставания государственного реагирования на динамику экономических отношений, что выражается в несвоевременном принятии необходимых нормативных правовых актов в сфере регулирования данной группы отношений. Сложность уголовно-правового регулирования экономических отношений еще более усугубляется бланкетностью диспозиций многих уголовно-правовых норм в данной области, а следовательно, зависимостью от норм иных отраслей права. В результате на данный момент отношения в сфере экономики регулируются огромным массивом нормативных правовых актов в различных областях права.

Родовым и видовым объектом фальсификации единых государственных реестров (ст. 285.3 УК РФ) являются общественные отношения, обеспечивающие и регулирующие нормальное функционирование органов государственной власти.

Нормальное функционирование большинства управленческих структур предполагает соблюдение ряда важных принципов. Это внутрисистемная субординация, дисциплина, четкое распределение функций между структурами по горизонтали и вертикали, а также выполнение своих обязанностей в четком соответствии с установленными требованиями.

Иными словами, существование правопорядка и функционирование демократического общества с гарантией широкого перечня прав граждан опирается на эффективно функционирующие государственные и муниципальные управленческие механизмы, внутри которых свобода поведения служащих минимальна, а дисциплина и ответственность максимальны.

Соблюдение действующих предписаний, совершение всех действий по службе только во имя официально установленных интересов службы, запрещение выходить за пределы предоставленных полномочий и требование выполнять свои функции добросовестно, а также в объеме, установленном предписаниями, – вот основные идейные требования, предъявляемые к государственным и муниципальным служащим.

Нарушение установленного режима функционирования управленческих структур органов государственной власти и местного самоуправления резко снижает эффективность их деятельности, порой искажая их функции, смысл законов и подзаконных нормативных актов, что дискредитирует власть в представлениях общества. В юридической литературе с составами преступлений, закрепленных в главе 30 УК РФ, традиционно связывают такое понятие, как коррупция. Именно в таком ключе трактует целевые особенности механизма правовой охраны в статьях главы 30 УК РФ и Пленум Верховного Суда РФ. Давая судам руководящие разъяснения, он отмечает, что уголовная ответственность за преступления против интересов государственной службы направлена «на обеспечение защиты граждан от коррупции и других общественно опасных деяний, совершенных должностными лицами по службе»⁸.

⁷ Шишко И. В. Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности. СПб., 2004. С. 35.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

Таким образом, объектом уголовно-правовой охраны в случае посягательств на законный оборот единых государственных реестров выступают значимые общественные отношения, обеспечивающие нормальную экономическую деятельность хозяйствующих субъектов и деятельность органов государственной власти.

Проведенный анализ позволяет установить следующие признаки преступлений, посягающих на законный оборот единых государственных реестров:

1) непосредственное нанесение ущерба экономической деятельности хозяйствующих субъектов, авторитету публичной службы, обеспечивающей государственную регистрацию или учет значимой информации;

2) наличие у субъекта преступления признаков лица, принадлежащего к одной из категорий, указанных в примечании к ст. 285 УК РФ, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 170.1, ч. 1 ст. 173.1, ст. 173.2 УК РФ;

3) наличие у виновного умысла, причем прямого, на причинение ущерба экономической деятельности хозяйствующих субъектов, деятельности государственного аппарата, авторитету государственной службы;

4) наличие у виновного корыстной или личной заинтересованности.

На основании установленных признаков предлагается следующее определение преступлений в отношении единых государственных реестров: предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, совершаемые с прямым умыслом и целью получения выгоды для себя или своих близких, непосредственно посягающие на законный оборот единых государственных реестров и причиняющие тем самым ущерб экономической деятельности хозяйствующих субъектов, деятельности государственного аппарата и авторитету государственной службы.

Важно обратить внимание, что уголовно-правовая охрана оборота единых государственных реестров во многом базируется на законодательном опыте зарубежных стран.

Имеющиеся достижения зарубежных ученых и правоохранительных органов в части противодействия организованной экономической преступности, против государственной власти, интересов государственной службы, безусловно, представляют практический и теоретический интерес.

Так, например, в уголовном законодательстве Франции существуют юридические нормы об ответственности за нарушение порядка ведения различных государственных информационных ресурсов, которые могут быть квалифицированы согласно нормам главы III УК Франции «О посягательствах на системы автоматизированной обработки данных». Для примера, в ст. 323-1 УК Франции закреплена ответственность за «деяние, выразившееся в обманном получении или обманном сохранении доступа ко всей или части системы автоматизированной обработки данных»⁹.

По праву Германии ответственность за посягательства на государственные информационные ресурсы закреплена в разделе XXIX «Должностные преступления». Так, согласно § 348 «должностное лицо, которое будучи назначено для оформления публичных документов, в пределах своей компетенции ложно удостоверяет как факт или вносит ложные сведения в публичные регистры книги или данные или их предьявляет...»¹⁰.

Поэтому в таком вопросе, как охрана значимых государственных информационных ресурсов, следует более пристально изучать зарубежный опыт законотворческой деятельности, проводить его мониторинг и, учитывая национальные особенности и российские традиции, на его основе разрабатывать российское уголовное законодательство, адекватное российским реалиям и необходимости уголовно-правовой защиты.

Аннотация. Единые государственные реестры являются составной частью государственных информационных ресурсов, обеспечивающих решение стратегических и

⁹ Уголовный кодекс Франции / Науч. ред. Л. В. Головки, Н. Е. Крыловой; пер. с франц. и предисл. Н. Е. Крыловой. СПб., 2002. С. 536.

¹⁰ Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германии. Науч.-практ. комментарий и перевод текста закона. М., 2012. С. 294.

оперативных задач социального, политического, экономического развития Российской Федерации и ее информационной безопасности. Учитывая исключительные признаки и свойства, присущие единым государственным реестрам, рассматриваемые государственные ресурсы охраняются уголовно-правовыми средствами. В статье рассматриваются система и виды преступлений в сфере оборота единых государственных реестров.

Ключевые слова. Единые государственные реестры, государственный информационный ресурс, оборот единых государственных реестров, ответственность, незаконное посягательство, система преступлений.

Annotation. Unified state register are part of the state information resources that support the strategic and operational objectives of social, political and economic development of the Russian Federation and its information security. Taking into account exceptional features and inherent properties of the unified state register, the public resources are protected by criminal law means. In this article considered the system and types of crimes in the sphere of turnover the unified state register

Keywords. Unified state register, state information resource, turnover of the unified state register, liability, illegal encroachment, system of crime.

*В. И. Тюнин, Н. В. Радошнова
V. I. Tyunin, N. V. Radoshnova*

ПРИМЕНЕНИЕ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЗНАКОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ

APPLICATION OF ESTIMATED SIGNS AS INSTRUMENT OF ADDITIONAL CRIMINALIZATION AND DECRIMINALIZATION

В уголовном праве Российской Федерации используются нормы, с помощью которых формулируется общее понятие преступления в определенной группе деяний. Такие нормы называются дефинициями – нормативными определениями используемых в уголовном законе специальных терминов¹. Внесение в текст закона «дефиниций, официальных легальных определений используемых в нем понятий... позволяет обеспечить всеобщую ясность, популярность законодательства, в котором для обеспечения его полноты и краткости используется специальная терминология»².

Начиная с 80-х гг. XX в. учеными постоянно вносятся предложения о необходимости формирования общих понятий преступлений определенного рода, которые следует закрепить в соответствующих статьях, открывающих каждую главу Особенной части Уголовного кодекса.

© В. И. Тюнин, Н. В. Радошнова, 2013

¹ Чухвичев Д. В. Законодательная техника. Учеб. пособие. М., 2012. С. 286.

² Там же. С. 236–237.

В настоящее время в УК РФ существуют только две дефиниции: «хищение чужого имущества» (примечание к ст. 158 УК РФ) и «преступление против воинской службы» (ст. 331 УК РФ).

Именно отсутствие в УК РФ дефиниций делает необходимым для законодателя применение в тексте уголовного закона оценочных понятий, или категорий, часть которых сформулирована в статьях и примечаниях к статьям Особенной части. К ним относятся такие понятия, как, например, «крупный ущерб», «значительный ущерб», «тяжкие последствия», «существенный вред правам и законным интересам».

Основным признаком оценочных категорий является употребление терминов, смысловое содержание которых в уголовном законе не определено. Из этого следует, что оценочные понятия могут быть различно истолкованы. В таком случае состав преступления будет устанавливаться не законодателем, а правоприменителем.

Использование оценочных понятий в уголовном законе не соответствует обязательным требованиям, предъявляемым учеными к терминам, используемым в законодательных актах, самым главным из которых является ясность и понятность применяемых в законе терминов для сознания людей³.

В УК РСФСР 1960 г. более трети всех квалифицирующих обстоятельств было описано с помощью оценочных категорий⁴. Т. А. Лесниевки-Костарева в свое время обратила внимание на то, что большинство судебных ошибок при применении норм УК РСФСР 1960 г. было связано именно с использованием оценочных понятий, таких как, например, тяжкие последствия, существенный и значительный ущерб, злостность, крупный и особо крупный размер, ответственное положение виновного⁵.

В 2007 г. М. А. Кауфман указал на то, что оценочные категории в УК РФ используются в 39% статей Особенной части⁶.

В настоящее время, по нашим подсчетам, оценочные категории применяются уже в более чем половине статей Особенной части УК РФ. Их максимальное количество (37) сосредоточено в статьях главы 22 («Преступления в сфере экономической деятельности») УК РФ.

Применение большого количества оценочных категорий в этой главе изначально было вызвано стремительным переходом от плановой экономики и ее всеобъемлющего регулирования государством к рыночной экономике, когда у законодателя не было сформировано четкое понимание сущности отношений, складывающихся в рыночной экономике.

Научные исследования того периода, в большинстве своем опиравшиеся на достижения уголовно-правовой науки советского периода, не могли оказать законодателю существенную помощь.

Все это соответственно сказалось на качестве статей главы 22 УК РФ. Именно поэтому законодателем проводится постоянная работа по уточнению существующих составов преступлений, в том числе предусмотренных указанной главой.

Рассмотрим изменение законодателем содержания такого оценочного понятия, как, например, «крупный размер», указанный в примечании к ст. 174 («Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного другими лицами преступным путем») УК РФ.

Нам представляется интересным тот факт, что ученые считают настоящей трагедией использование в уголовном законодательстве терминов, заимствованных из уголовного жаргона. Примером является словосочетание «отмывание денежных средств», использованное в ст. 174 УК РФ⁷.

Диспозиция ст. 174 УК РФ в первоначальной редакции состояла практически полностью из оценочных понятий и выглядела следующим образом: «Совершение финансовых операций или других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенным заведомо незаконным путем, а равно использование указанных средств или иного

³ Там же. С. 236; *Кашанина Т. В.* Юридическая техника. Учебник. М., 2008. С. 237.

⁴ *Кауфман М. А.* Пробелы в уголовном праве: понятие, причины, способы преодоления. М., 2007. С. 114.

⁵ *Лесниевски-Костарева Т. А.* Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 305.

⁶ *Кауфман М. А.* Пробелы в уголовном праве: понятие, причины, способы преодоления. С. 114.

⁷ *Чухвичев Д. В.* Законодательная техника. Учеб. пособие. С. 241.

имущества средствами для осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности – наказывается...». Примечание, в котором был бы определен крупный размер, в ст. 174 УК РФ отсутствовало.

В первоначальной редакции УК РФ крупный размер исчислялся в МРОТ (минимальном размере оплаты труда).

В примечании к ст. 158 («Кража») УК РФ крупный размер был установлен суммой, в 500 раз превышающей 1 МРОТ. Он распространялся на статьи главы 22, за исключением ст. 171 («Незаконное предпринимательство»), 172 («Незаконная банковская деятельность») УК РФ. В указанных статьях крупный размер превышал 200 МРОТ. Поэтому крупный размер, предусмотренный ст. 174 УК РФ, определялся учеными в различных суммах: от 200 до 500 МРОТ⁸.

Соответственно, случаи правильной квалификации дел по ст. 174 УК РФ, по данным М. Костровой, по состоянию на 2000 г. были единичными⁹.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ были внесены изменения в диспозицию ст. 174 УК РФ. Законодатель указал цель легализации денежных средств или имущества, а именно придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом. Крупный размер в примечании к ст. 174 УК РФ стал исчисляться конкретной суммой, а именно суммой, превышающей один миллион рублей¹⁰.

Федеральным законом от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ в примечании к ст. 174 УК РФ крупный размер стал определяться суммой, превышающей шесть миллионов рублей¹¹.

Начиная с 28 июня 2013 г. содержание оценочного признака «крупный размер» в примечании к ст. 174 УК РФ было вновь изменено законодателем. Крупным ущербом стала считаться сумма, превышающая полтора миллиона рублей¹².

Следовательно, законодателем вносятся изменения в диспозицию ст. 174 УК РФ и примечание к ней для уточнения состава преступления, предусмотренного указанной статьей. С другой стороны, путем изменения содержания оценочного признака «крупный размер» проводится как криминализация, так и декриминализация противоправного деяния, предусмотренного ст. 174 УК РФ.

Необходимую помощь правоприменителю для единообразного толкования содержания оценочных понятий оказывают постановления Верховного Суда Российской Федерации, в которых рассматриваются вопросы, связанные с квалификацией преступлений.

Например, в Постановлении Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» раскрывается содержание таких оценочных понятий, как «финансовые операции», «другие сделки с денежными средствами и иным имуществом», и приводятся их отдельные примеры¹³.

С помощью изменения содержания оценочных понятий проводится криминализация и декриминализация деяний в других статьях УК РФ.

⁸ Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности (Комментарий в главе 22 УК РФ). Ростов н/Д, 1999. С. 103; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. Н. Наумов. М., 1996. С. 447; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. И. Радченко. М., 1996. С. 284.

⁹ Кострова М. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона // Уголовное право. 2001. № 4. С. 41.

¹⁰ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон РФ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон РФ от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям [Электронный ресурс]: Федер. закон РФ от 28 июля 2013 г. № 134-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23: по состоянию на 23 дек. 2010 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Например, в 2011 г. в ст. 194 («Уклонение от таможенных платежей») УК РФ был понижен размер сумм неуплаты таможенных платежей в крупном и особо крупном размерах. В примечании к ст. 194 УК РФ было введено разделение лиц, уклоняющихся от уплаты таможенных платежей на физические лица и организации.

Крупный и особо крупный размеры в примечании к ст. 194 УК РФ для физических лиц стали определяться, соответственно, суммами, превышающими один и три миллиона рублей, а с организации – суммами, превышающими два и десять миллионов рублей, по сравнению с предыдущей редакцией статьи, когда крупным и особо крупным размером неуплаты таможенных платежей являлись суммы, превышающие три и тридцать шесть миллионов рублей¹⁴.

В 2013 г. в примечании к ст. 194 УК РФ законодатель устранил разделение лиц, уклоняющихся от уплаты таможенных платежей, на физические лица и организации, установив определенный в 2011 г. крупный и особо крупный размеры в суммах, превышающих, соответственно, один и три миллиона рублей не только для физических лиц, но и для организаций¹⁵.

Таким образом, в 2011 г. была проведена криминализация противоправного деяния, предусмотренного ст. 194 УК РФ для физических лиц и организаций, а в 2013 г. была проведена его криминализация только для организаций.

В 2003 г. в ст. 293 («Халатность») УК РФ размер крупного ущерба был повышен, по сравнению с предыдущей редакцией указанной статьи, от ста тысяч до одного миллиона рублей¹⁶. Таким образом, законодателем была проведена декриминализация противоправного деяния, предусмотренного ст. 293 УК РФ.

В настоящее время применяемые в УК РФ оценочные понятия являются инструментами дополнительной криминализации и декриминализации деяний.

Для усовершенствования уголовного закона и эффективности его применения, по нашему мнению, законодателю необходимо проводить планомерную работу по формированию дефиниций (общих понятий) преступлений определенного рода, которые необходимо закрепить в соответствующих статьях, открывающих собой каждую главу Особенной части УК РФ. Мы считаем необходимым продолжение дальнейшей работы над конкретизацией содержания оценочных признаков в УК РФ и, по возможности, их сокращение в тексте УК РФ.

Аннотация. В тексте уголовного закона применяются термины, которые в работах ученых определяются как «оценочные признаки», или «оценочные категории». Основным признаком оценочных категорий является употребление терминов, смысловое содержание которых не определено уголовным законом. По мнению авторов статьи, применение оценочных категорий в уголовном законе является инструментом дополнительной криминализации и декриминализации деяний. Рассмотрению указанного вопроса посвящена данная статья.

Ключевые слова. Оценочные понятия, состав преступления, диспозиция статьи, дефиниция, крупный ущерб, криминализация, декриминализация.

Annotation. In the text of the criminal law terms which in works of scientists are defined as «estimated categories», or «estimated signs» are applied. The main sign of estimated categories is the use of the terms which semantic contents isn't defined by the criminal law. According to the authors of article, application of estimated categories in the criminal law is the instrument of additional criminalization and decriminalization of acts. This articles also is devoted to consideration of the specified questions.

Keywords. Estimated concepts, crime structure, article disposition, crime definition, large damage, criminalization, decriminalization.

¹⁴ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон РФ от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям [Электронный ресурс]: Федер. закон РФ от 28 июня 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон РФ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Раздел
ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

М. Н. Бродский, С. И. Костенко, О. С. Бродская
M. N. Brodsky, S. I. Kostenko, O. S. Brodskaya

**ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА**

**FINANCIAL AND LEGAL PROBLEMS OF THE ORGANISATION
OF MUNICIPAL SERVICES**

Проблема защиты природы от влияния отходов человеческой деятельности с каждым днем становится все более актуальной. Государство в лице органов надзора в сфере экологии и природопользования предпринимает огромные усилия по сдерживанию напора на окружающую среду от все более увеличивающегося потока различного рода отходов. Так, разрабатываются новые законодательные и нормативные документы, к предприятиям предъявляются серьезные постоянно возрастающие требования, размеры платежей за отходы неизменно увеличиваются, расходы по организации и содержанию мест захоронения бытовых отходов, а также другие расходы по благоустройству в границах муниципальных образований в муниципальных бюджетах растут.

Например, за последний год трижды корректировался Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»¹, внесены изменения в Постановление Правительства Российской Федерации от 28 августа 1992 г. № 632 «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия»², утверждена Государственная программа Российской Федерации «Охрана окружающей среды» на 2012 – 2020 гг.³, которая стала первым программным документом государственного уровня, предусматривающим план конкретных действий в сфере охраны окружающей среды с момента досрочного завершения в 2005 г. Федеральной целевой программы «Экология и природные ресурсы России (2002–2010 годы)», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 7 декабря 2001 г. № 860⁴. К этому стоит добавить и тот факт, что 2013 год был объявлен годом экологической культуры и охраны окружающей среды как в России, так и во всех странах СНГ. Это позволило скоординировать силы государств – участников СНГ для решения ряда

© М. Н. Бродский, С. И. Костенко, О. С. Бродская, 2013

¹ Федеральный закон от 25.06.2012 г. № 93-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 25.06.2012; Федеральный закон от 29.06.2012 г. № 96-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Там же. 01.07.2012; Федеральный закон от 28.07.2012 г. № 128-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об отходах производства и потребления” и ст. 51 Бюджетного кодекса Российской Федерации» // Там же. 30.07.2012.

² Постановление Правительства РФ от 6.03.2012 г. № 192 «О внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 28 августа 1992 г. № 632» // СЗ РФ. 2012. № 11. Ст. 1309.

³ Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2012 г. № 2552-р «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Охрана окружающей среды” на 2012–2020 годы» // Там же.

⁴ Постановление Правительства РФ от 7.12.2001 г. № 860 (с изм. от 17.11.2005) «О Федеральной целевой программе “Экология и природные ресурсы России (2002–2010 годы)”» // Там же. № 52 (ч. II). Ст. 4973.

трансграничных экологических проблем, одной из которых является проблема обращения с отходами производства и потребления. Торгово-промышленные связи, исторически сложившиеся между государствами, входящими в СНГ, определяют большой объем товарооборота и сопряженные с ним проблемы экологического характера, в том числе касающиеся трансграничного перемещения отходов с территории одного государства на (или через) территорию другого, трансграничного загрязнения окружающей среды несанкционированными свалками отходов, загрязнения трансграничных рек и водоемов, а также другие проблемы, решение которых возможно только путем согласованного взаимодействия государств.

В то же время в последние десятилетия вокруг наших городов и поселков появилось много так называемых несанкционированных свалок бытового и строительного мусора. С этим сталкивается почти каждый житель нашей страны. Не секрет, что практически любая лесная дорожка или тропинка, по которой способен проехать небольшой грузовой автомобиль, заканчивается кучей мусора. Количество этих свалок и их масштаб имеют тенденцию к интенсивному росту.

В чем специфика таких свалок?

Если на полигонах ТБО ведется элементарный учет ввозимого мусора и с помощью лабораторных служб пытаются проводить фракционный, морфологический и химический состав отходов, то на несанкционированных свалках совсем другая ситуация. На эти свалки сбрасываются без ограничений любые виды отходов, включая опасные биологические, медицинские, промышленные, сельскохозяйственные, возможно и радиоактивные. Никто не может знать, что скопилось на них за десятки лет и какую опасность они таят в себе.

Тем не менее для некоторых граждан процессы нелегитимной утилизации отходов стали средством существования, а для других источником предпринимательской деятельности. Наряду с опасными отходами там много подлежащих вторичной переработке металла, пластмасс, стекла и пр. Не пропадать же добру, если оно никому не нужно и доступ к нему открыт. А потому на таких свалках редко уже найдешь металлические изделия – все вывезено и вынесено.

Специфика свалок еще и в том, что они образуются в трудно доступных местах, а некоторые из этих свалок уже давно заросли травой и скрыты от людских глаз, несмотря на их расположение среди густо населенных новых кварталов.

Так, результаты выборочных обследований показали, что морфологический состав стихийных свалок неоднороден. Преобладают строительные и промышленные отходы, использованный полиэтилен, невозвращенная тара, а также отходы торговых зон. В последнее время наблюдается увеличение количества единиц отслужившего свой срок грузового и легкового автотранспорта. Не исключено присутствие в свалочных массах токсичных, особо токсичных и опасных веществ, так как современные бытовые отходы характеризуются высокими концентрациями веществ техногенного происхождения, в частности тяжелых и редких металлов, кислот, щелочей, органических соединений, которые могут образовывать в результате химических реакций новые токсиканты. Кроме того, наличие органической составляющей в отходах превращает свалочные массы в газогенерирующие объекты, загрязняющие атмосферный и почвенный воздух⁵.

Свалки являются признаком несоответствия экологическим стандартам жизнедеятельности городов и других населенных территорий, поскольку в настоящее время промышленность и жилые массивы производят большое количество отходов, которые невозможно бесследно переработать по причинам технологического и экономического характера.

По сути, создается целая отрасль народного хозяйства, сфера пересечения многих бизнес-интересов, в частности криминальных. Стоимость перевозки, размещения, компенсации нанесенного природе вреда составляет значительный процент инвестиционного проекта, снижая его прибыльность и побуждая инвесторов искать пути сокращения своих затрат. Технологические регламенты предполагают перемещение этой свалочной массы, разумеется, не на территории города, а на специально оборудованные полигоны или места, требующие рекультивации (например, карьеры, образованные в результате добычи песка и щебня). Везти далеко, дорого – и вертолетные облеты, к примеру, Санкт-Петербурга, обнаруживают ежемесячно от трех до шести новых несанкционированных свалок на территории городских поселений.

⁵ Донченко В. К. О неотложных мерах по ликвидации несанкционированных свалок в пригородах Санкт-Петербурга и в Ленинградской области // Экологическая безопасность. 1997. № 1–2.

В ходе совместной работы Комитета по природопользованию, охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности и Управления экономической безопасности и противодействия коррупции ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (УЭБ и ПК) меры по выявлению мест несанкционированного размещения строительных отходов и пресечению деятельности, осуществляемой с нарушением природоохранного законодательства, становятся ежемесячно предметом административного регулирования целого ряда процессов.

Проверка территорий в поселке Шушары, которую проводили в 2013 г. сотрудники городского Комитета по природопользованию, охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности совместно с оперативниками Управления экономической безопасности ГУ МВД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, выявила три гектара незаконной свалки строительного мусора по адресу 3-й Бадаевский проезд. Несанкционированное складирование мусора осуществлялось промышленным способом с применением тяжелой техники и продолжалось там с начала 2013 г. В ходе проверки полицейские задержали экскаватор, его водителя, приемщика мусора и семь самосвалов, приехавших сбрасывать отходы. Оперативниками были получены объяснения, что мусор на автомашинах привозился с ближайшей стройки терминалов компании «Дженерал Моторс» по адресу: Автозаводская, дом 2. В результате сотрудники УЭБ и ПК зарегистрировали рапорт об обнаружении признаков состава преступления по ст. 171 УК («Незаконное предпринимательство») и 247 УК РФ («Нарушения правил обращения экологически опасных веществ и отходов»). По информации Управления экономической безопасности и противодействия коррупции ГУ МВД по Санкт-Петербургу и Ленобласти за 2012 год возбуждено несколько дел по ст. 247: «Это мало, так как все знают, что незаконных свалок много. В суд пока не направлено ни одного дела. Отчасти это связано с трудностями, возникающими у следствия при оценке ущерба региону, а также с фиктивностью фирм, которые берутся за мусор... Иногда вообще работы идут вне юридического лица. То есть – ничто. Но это не повод, чтобы мы прекратили выявлять и задерживать. А статус нарушителя значения не имеет»⁶.

Также в Санкт-Петербурге в 300 метрах от дома № 61 по Пулковскому шоссе в направлении Пулковских высот производились работы по отсыпке территории строительными отходами. Принадлежность указанного земельного участка на момент осмотра не установлена.

На въезде установлены вагончик и шлагбаум, осуществляется учет принимаемых отходов. Учетчиком предоставлены сведения, что он работает в ООО «СК Лидер». Сотрудниками Управления экономической безопасности и противодействия коррупции ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области изъяты талоны с печатью ООО «Брик», протокол исследований проб грунта с объекта строительства конгрессно-выставочного центра ЗАО «Экспо Форум» по адресу: Санкт-Петербург, Пушкинский район, п. Шушары, участок 17 (Пулковский), согласно которому грунт на указанном объекте относится к 4-му и 5-му классу опасности.

На месте производства работ находились два бульдозера без государственных регистрационных знаков и 4 большегрузных автотранспортных средства (гос. рег. № В192МС178, Т839СС98, М324КЕ178, К030НХ178). Автомшины имели логотип «ЮгТранс перевозка сыпучих материалов 9329662».

Указанными автотранспортными средствами осуществлялось транспортирование строительных отходов (грунта с вкраплениями отходов бетона в кусковой форме и боя кирпича) в отсутствие документации для транспортирования и передачи отходов с указанием количества транспортируемых отходов, цели и места их транспортирования, паспорта опасного отхода. Изъятые товарно-транспортные накладные и путевые листы имели печати ООО «Городская многопрофильная компания» (ИНН 7801505101, адрес: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Каховского, д. 7, лит. А, ОГРН 1097847300473) и ООО «ЮгТранс» (ИНН 7813455254, адрес: 197110, Санкт-Петербург, пр. Маршала Говорова, тел. 252-8333).

⁶ Вышенков Евгений. «Дженерал Моторс» построил свалку в Петербурге // Интернет-газета «Фонтанка.ру», 22.01.2013 16:11 // <http://www.fontanka.ru/2013/01/22/107/>

Строительные отходы были сброшены на территории Московского района Санкт-Петербурга, в 300 м от дома № 61 по Пулковскому шоссе в направлении Пулковских высот. Указанная территория не является объектом размещения отходов. Общая площадь захламления составляет 90 тыс. кв. м, высота отсыпки – 1–1,5 м.

На данный участок вместе с грунтом сброшены отходы бетона и железобетона в кусковой форме, древесные отходы, лом черных металлов, бой кирпича и крупные фрагменты кирпичной кладки. Бульдозером проводились работы по планировке территории с использованием сброшенных отходов. Произведена фотосъемка. Сотрудниками Управления экономической безопасности и противодействия коррупции ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области произведены видеозапись, фотофиксация и определение координат площадки производства работ.

По информации Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по состоянию на 14 марта 2013 г. на территории Российской Федерации всего выявлено 47 112 мест несанкционированного размещения ТБО (на суммарной площади 14 661 га), из которых 25% выявлено в результате рейдовых мероприятий, организованных Росприроднадзором (11 830 шт., 4849 га).

Из выявленных Росприроднадзором мест несанкционированного размещения ТБО:

- 57% расположено на землях населенных пунктов;
- 15% – в водоохранных зонах;
- 16% – на землях сельскохозяйственного назначения;
- 8% – на землях лесного фонда⁷.

Приведенные выше примеры в принципе дают нам основание говорить о тотальном захламлении и экологическом бедствии пригородных территорий. Вопрос: «Что оставим потомкам?» приобретает все большую остроту. Его решение зависит от нас, от нашего сегодняшнего понимания проблемы и желания ее осилить, наконец.

Борьба с несанкционированными свалками представляет проблему, волнующую население, органы местного самоуправления, государственные органы. Поэтому целесообразно остановиться на ней более подробно, используя, может быть, более широкие подходы. И важнейший вопрос – как законодательно регламентируется «жизнь» свалок?

Федеральный закон № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»⁸ регламентирует основы обращения с отходами производства и потребления в целях предотвращения их вредного воздействия на здоровье человека и окружающую среду, а также вовлечения таких отходов в хозяйственный оборот в качестве дополнительных источников сырья.

Оборудование законной свалки осуществляется, в первую очередь, путем устройства на ней системы удержания и дренажа, для избегания попадания в почву вредных токсичных веществ. Незаконные же захоронения отходов приводят к самым негативным последствиям.

Опасность незаконных свалок, в первую очередь, состоит в том, что, организуя свалки в недопустимых местах, не учитывают следующие особенности:

1. Выпуск газа из органических отходов. Отходы могут содержать тот или иной уровень токсичных химических веществ, которые, испаряясь через почву, перемешиваются с воздухом.
2. Производство фильтрата. Фильтрат – это токсичная жидкость, получаемая при смешении твердых бытовых отходов с дождевой водой или другой жидкостью. При ее образовании внутри почвы есть опасность попадания данного вещества в грунтовые воды.
3. Парниковый эффект. В связи с неустойчивыми погодными условиями при резкой смене температуры незакрытые свалки могут наносить вред испарениями вредных газов в атмосферу.
4. При сжигании мусора на подобных свалках образуется целый комплекс вредных веществ, таких, например, как канцерогены.

⁷ Информация о реализации комплекса мер по выявлению и ликвидации мест несанкционированного размещения ТБО на территории Российской Федерации / http://vtorres.samregion.ru/portal/content?menu_id=628.

⁸ Федеральный закон от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.

При этом не приходится говорить о невнимании со стороны природоохранных служб, правительств города и области, а также общественных и государственных экологических организаций к проблемам несанкционированных свалок. Время от времени они проявляют свою активность, в результате чего в СМИ периодически появляются публикации о том, что в таком-то районе ликвидировано столько-то свалок. Однако следует признать, что эта деятельность заранее обречена на неудачу и ликвидация нескольких свалок не решает проблему в целом. По нашему мнению, причина кроется в существующем порядке и правилах вывоза и утилизации отходов и связанном с этим порядком стремлении каким-либо способом обойти данный порядок.

В настоящее время правовые основы государственной политики в области охраны окружающей среды определяет Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ⁹. Административную ответственность за правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования в Санкт-Петербурге устанавливает городской закон от 12 мая 2010 г. № 273-70¹⁰.

Действующие «санкционированные» свалки принимают промышленные и бытовые отходы на платной основе. В случае с промышленными отходами более или менее все ясно, поскольку по законодательству каждое предприятие обязано иметь проект нормативов образования и лимитов размещения отходов, о выполнении которого оно периодически отчитывается перед контролирующими органами. Несоблюдение правил и нормативов чревато определенными штрафными санкциями, поэтому, как правило, все отходы учитываются, собираются, временно хранятся и по договорам вывозятся в установленном порядке.

Малые частные предприятия, индивидуальные предприниматели и население никакими правилами и обязательствами не связаны и действуют по своему усмотрению. Поскольку за прием отходов на свалку надо заплатить, а предварительно необходимо получить еще и надлежащее разрешение (талон), можно предположить, каким будет это «усмотрение». В условиях рыночного отношения ко всему, что имеет какую-нибудь цену (в частности, имеет свою рыночную цену и фальшивая справка о сдаче отходов в установленное место), раздающиеся в обществе призывы охранять природу не оказывают необходимого воздействия, и действующие запретительные и карательные меры не способны дать требуемый природоохранный эффект. Скорее, наоборот, имеет место желание проявить некое «партизанское» ухарство: «вывалить мусор, пока никто не видит, и смыться, остальное меня не касается». Именно этот психологический фактор и не учитывается при установлении правил и порядков обращения с отходами. Вместе с тем отсутствие в федеральном законодательстве понятия несанкционированной свалки и прямо установленной ответственности за ее организацию существенно затрудняет деятельность уполномоченных на осуществление экологического контроля органов по борьбе со свалками.

Властям всех уровней необходимо понять чрезвычайную важность срочного принятия мер по предотвращению развития экологического бедствия вокруг наших городов. Однако для перехода на новый принцип необходимы не только понимание и желание руководства и депутатов выборных региональных и муниципальных органов. Требуется разработать и утвердить региональные нормативные документы, регламентирующие новый порядок. Ведь Федеральный центр не будет решать наши проблемы, надеяться нужно только на собственные силы и разум. И не следует ждать, когда «гром грянет» и «барин рассудит» на федеральном олимпе, надо не откладывать, а принимать решения хотя бы на местном уровне для обеспечения чистоты на близкой нам земле, по которой мы ходим каждый день.

В соответствии с диспозицией ст. 8.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)¹¹ лицо может быть привлечено к административной ответственности за несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований

⁹ Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (с изменениями на 5 марта 2013 г.). // Российская газета. 2002. 12 янв.

¹⁰ Закон Санкт-Петербурга от 31.05.2010 г. № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» (с изменениями на 23 апреля 2013 г.). // Вестник Законодательного собрания Санкт-Петербурга. 2010. № 21.

¹¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 дек.

при сборе, накоплении, использовании, обезвреживании, транспортировании, размещении и ином обращении с отходами производства и потребления или иными опасными веществами.

Составляющие понятия «обращение с отходами производства и потребления» содержатся в ст. 1 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ (ред. от 29 июня 2012 г.) «Об отходах производства и потребления»¹². Однако зачастую лица, виновные в появлении новых и росте существующих несанкционированных свалок на территории Санкт-Петербурга, не приступают ни к одному из действий, предусмотренных ст. 8.2 КоАП РФ, в смысле, придаваемом им Федеральным законом «Об отходах производства и потребления».

Квалификационным признаком подобных действий является установление определенных препятствий (шлагбаумы, будки охраны и т. д.) для проезда на территории общего пользования с целью допуска туда транспортных средств, перевозящих отходы, только за плату, т. е. с целью извлечения прибыли.

В данной ситуации лицо не осуществляет действий по сбору, накоплению, использованию, обезвреживанию, транспортированию, размещению отходов, однако своими действиями способствует появлению (росту) несанкционированной свалки.

Учитывая такое положение дел, губернатор Санкт-Петербурга предложил депутатам Законодательного Собрания Санкт-Петербурга дополнить ст. 2 Закона Санкт-Петербурга от 12 мая 2010 г. № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге»¹³ определением «несанкционированная свалка отходов». Такого определения нет даже в КоАП РФ. «Несанкционированной свалкой отходов» будет считаться «место нахождения отходов производства и потребления» площадью более 10 кв. м, не обустроенное «в соответствии с требованиями законодательства в области охраны окружающей среды». Предполагается увеличить штрафы за несанкционированные свалки (от 2 до 5 тыс. рублей, для должностных лиц – от 20 до 50 тыс. рублей, для юридических лиц – от 200 до 500 тыс. рублей) и установить право привлечения к ответственности лиц за деяние правонарушение, тогда как диспозицией ст. 28 Федерального закона от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ предполагается наступление ответственности за единичный факт, который помимо всего прочего должен быть надлежащим образом зафиксирован. Такой законопроект градоначальник внес на рассмотрение Законодательного Собрания Санкт-Петербурга.

Казалось бы, все логично, и у депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга к проекту закона особых вопросов, а тем более претензий не возникло. Законопроект был рассмотрен и одобрен такими органами Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, как Комитет по законодательству и постоянная комиссия по городскому хозяйству, градостроительству и земельным вопросам. 5 сентября 2012 г. законопроект был рассмотрен и принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга в первом чтении. 19 сентября 2012 г. прошло его второе чтение, и 26 сентября 2012 г. он был принят в целом и направлен губернатору Санкт-Петербурга на подписание. 6 ноября 2012 г. губернатор Санкт-Петербурга обнародовал Закон Санкт-Петербурга:

**ЗАКОН САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ЗАКОН САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
«ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ»**

Принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга
26 сентября 2012 года

Статья 1

Внести в Закон Санкт-Петербурга от 12 мая 2010 года № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» следующие изменения:

1. Статью 2 дополнить абзацем следующего содержания:

¹² Федеральный закон от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления». // СЗ РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.

¹³ Закон Санкт-Петербурга от 31.05.2010 г. № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» // Петербургский дневник. 2010. 14 июня.

«несанкционированная свалка отходов – место нахождения отходов производства и потребления площадью более 10 квадратных метров, не обустроенное в соответствии с требованиями законодательства в области охраны окружающей среды».

2. Дополнить статьей 11-1 следующего содержания:

«Статья 11-1. Организация несанкционированной свалки отходов

Организация несанкционированной свалки отходов влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц – от двадцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц – от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей».

3. В статье 28 слова «от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей» заменить словами «от двадцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей», слова «от ста тысяч до двухсот тысяч рублей» заменить словами «от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей».

4. Подпункт 3 пункта 1 статьи 48 дополнить абзацем следующего содержания:

«исполнительным органом государственной власти Санкт-Петербурга, уполномоченным на проведение государственной политики в сфере природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, – дела об административных правонарушениях, предусмотренных в статьях 11-1 и 28 настоящего Закона Санкт-Петербурга».

Статья 2

Настоящий Закон Санкт-Петербурга вступает в силу через 10 дней после дня его официального опубликования.

**Губернатор Санкт-Петербурга
Г. С. Полтавченко**

**Санкт-Петербург
25 октября 2012 года
№ 487-88¹⁴**

Вместе с тем неоднократно в юридических дискуссиях возникали соображения, что принятый по инициативе губернатора Санкт-Петербурга Закон Санкт-Петербурга противоречит действующему законодательству.

В частности, прокурор Санкт-Петербурга в своем письме на имя Председателя Законодательного Собрания Санкт-Петербурга утверждал, что «в соответствии с пунктом 1 статьи 22 Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»¹⁵ отходы производства и потребления подлежат сбору, использованию, обезвреживанию, транспортировке, хранению и захоронению, условия и способы которых должны быть безопасными для здоровья населения и среды обитания и которые должны осуществляться в соответствии с санитарными правилами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации».

Организация несанкционированной свалки отходов является нарушением требований пунктов 3.2, 4.3 и других норм Санитарно-эпидемиологических правил и нормативов 2.1.7.1322-03 «Почва. Очистка населенных мест, отходы производства и потребления, санитарная охрана почвы. Гигиенические требования к размещению и обезвреживанию отходов производства и потребления», утвержденных постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 30.04.2003 г. № 80, а также положений статьи 51 Федерального закона от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», статьи 12 Федерального закона от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления», согласно которой размещение отходов осуществляется только на основании разрешения, выданного федеральными органами исполнительной власти в области обращения с отходами.

¹⁴ Закон Санкт-Петербурга от 25.10.2012 г. № 487-88 «О внесении изменения в Закон Санкт-Петербурга «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2012. № 33.

¹⁵ Федеральный закон от 30.03.1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

Ответственность за несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при сборе, накоплении, использовании, обезвреживании, транспортировании, размещении и ином обращении с отходами производства и потребления или иными опасными веществами предусмотрена статьей 8.2 КоАП РФ. Диспозиция статьи включает в себя действия в том числе по организации несанкционированной свалки отходов.

Установление административной ответственности за организацию несанкционированной свалки отходов противоречит положениям статей 1.3, 1.3.1 КоАП РФ, поскольку предусматривает наступление ответственности за нарушение федеральных норм, а не законов и иных нормативных актов Санкт-Петербурга. Квалификация указанного нарушения не исключается по статье 8.2 КоАП РФ, так как действия по организации несанкционированной свалки отходов прямо указывают на нарушение требований, предъявляемых к сбору, накоплению, использованию, транспортированию, размещению отходов, регламентированных Федеральным законом «Об отходах производства и потребления» и обязательных к соблюдению на всей территории Российской Федерации всеми субъектами (физическими, юридическими лицами) при осуществлении деятельности по сбору, накоплению, использованию, транспортированию, размещению отходов.

Предлагаемое определение несанкционированной свалки отходов, как «места нахождения отходов производства и потребления площадью более 10 квадратных метров, не обустроенного в соответствии с требованиями законодательства в области охраны окружающей среды», не соответствует требованиям статьи 12 Федерального закона «Об отходах производства и потребления», согласно которой несанкционированной является любая свалка, не оборудованная, не организованная без выданных в установленном порядке разрешений, вне зависимости от ее размера.

Кроме того, понятие несанкционированной свалки отходов как территории, используемой, но не предназначенной для размещения на ней отходов, определено пунктом 4.13 ГОСТа 30772-2001 г. «Ресурсосбережение. Обращение с отходами. Термины и определения», введенного Постановлением Госстандарта Российской Федерации от 28.12.2001 г. № 607-ст в качестве государственного стандарта Российской Федерации. Данным ГОСТом при определении понятия несанкционированной свалки отходов площадь ее территории также не ограничивается».

На основании изложенного прокуратура Санкт-Петербурга выразила сомнение в целесообразности принятия указанного проекта закона Санкт-Петербурга в предложенной редакции.

По сути же, возникший юридический спор касается, прежде всего, вопроса разграничения предметов ведения и полномочий между Федерацией и субъектами Федерации. И если даже предположить, что прокуратура Санкт-Петербурга права в этом споре, то по своей юридической природе возникшую коллизию следовало бы расценивать как законодательскую ошибку, допущенную правотворческим органом. В борьбе с таким злом, как несанкционированные свалки, подобная ошибка в норме не просто автоматически мультиплицирует массу конкретных ошибок на практике, а в принципе делает невозможным сколь-нибудь эффективное противодействие на местах нарушениям закона в данной сфере.

Вот почему, на наш взгляд, позиция, выраженная прокуратурой Санкт-Петербурга, была изначально ошибочной.

Отношения, возникающие в области охраны окружающей среды в той мере, в какой это необходимо для обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, регулируются законодательством о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения и законодательством об охране здоровья, иным направленным на обеспечение благоприятной для человека окружающей среды законодательством. В соответствии с п. 1 ст. 22 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» отходы производства и потребления (здесь можно задать себе вопрос: «Является ли материал разобранного здания или грунт, вырытый для прокладки инженерной коммуникации, отходом производства или потребления?») подлежат сбору, использованию, обезвреживанию, транспортировке, хранению и захоронению, условия и способы которых должны быть безопасными для здоровья населения и среды обитания и

которые должны осуществляться в соответствии с санитарными правилами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. На взгляд сторонников, эта фраза относится только к тем субъектам, которые занимаются сбором, использованием, обезвреживанием и транспортировкой, хранением и захоронением отходов. Они действительно вправе осуществлять свою деятельность с правилами и нормативными актами.

В этом смысле очень интересным является постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 13 апреля 2011 г. по делу № А56-46698/2010¹⁶, которое мы приводим ниже.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ АРБИТРАЖНЫЙ СУД СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ОКРУГА ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 13 апреля 2011 г. по делу № А56-46698/2010

Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа в составе председательствующего Матлиной Е. О., судей Алешикевича О. А., Михайловской Е. А., при участии от Государственной административно-технической инспекции Буслаевой О. А. (доверенность от 30.12.2010 № 01-04-2272/10), от общества с ограниченной ответственностью «Современные технологии строительства» Ковальчук Л. К. (доверенность от 10.12.2010 № 183/10), рассмотрев в открытом судебном заседании кассационную жалобу Государственной административно-технической инспекции на постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.01.2011 по делу № А56-46698/2010 (судьи Фокина Е. А., Борисова Г. В., Есипова О. И.),

установил:

Общество с ограниченной ответственностью «Современные технологии строительства» (далее – Общество) обратилось в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области с заявлением о признании незаконным и отмене постановления Государственной административно-технической инспекции (далее – ГАТИ) от 13.08.2010 № 2214 о привлечении заявителя к административной ответственности по пункту 2 статьи 26 Закона Санкт-Петербурга от 23.05.2003 № 239-29 «Об административных правонарушениях в сфере благоустройства в Санкт-Петербурге» (далее – Закон № 239-29) в виде штрафа в размере 200 000 руб.

Решением от 25.10.2010 (судья Королева Т. В.) в удовлетворении заявленных требований отказано.

Постановлением апелляционной инстанции от 20.01.2011 решение от 25.10.2010 отменено. Требования Общества удовлетворены, оспариваемое постановление признано незаконным и отменено.

В кассационной жалобе ГАТИ просит отменить постановление апелляционной инстанции от 20.01.2011, ссылаясь на несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела и неправильное применение норм права.

В отзыве на кассационную жалобу Общество просит оставить постановление апелляционной инстанции от 20.01.2011 без изменения, полагая его правомерным.

В судебном заседании представитель ГАТИ подтвердил доводы, изложенные в кассационной жалобе, а представитель Общества – доводы, изложенные в отзыве на нее.

Законность обжалуемого судебного акта проверена в кассационном порядке.

Как следует из материалов дела, Обществу выдан ордер № У-1584 от 18.06.2010 на производство плановых работ по ограждению строительной площадки с обустройством временного въезда – въезда на Ропшинскую улицу. Согласно акту о приемке работ от 31.07.2010 работы по устройству въезда на строительную площадку и временной дороги на объекте по адресу: Санкт-Петербург, ул. Большая Зеленина, 10, лит. «А», произведенные по договору подряда, выполнены в полном объеме.

В ходе проведенной ГАТИ 29.07.2010 проверки установлен факт размещения и хранения на газоне грунта, образовавшегося в результате произведенных по обустройству въезда-выезда на стройплощадку с временным ограждением работ.

¹⁶ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 13.04.2011 г. по делу № А56-46698/2010.

По данному факту составлены акт (с фототаблицей) от 29.07.2010, протокол осмотра территории от 30.07.2010 и протокол № 62132 от той же даты об административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена пунктом 2 статьи 32 Закона № 239-29, а постановлением ГАТИ от 13.08.2010 № 2214 (с учетом полномочий должностного лица, рассматривающего административное дело, относительно окончательной квалификации действий (бездействия) привлекаемого к административной ответственности лица) Общество привлечено к административной ответственности по пункту 2 статьи 26 Закона № 239-29 в виде штрафа в размере 200 000 руб.

Полагая постановление ГАТИ от 13.08.2010 № 2214 незаконным, Общество оспорило его в арбитражный суд.

Пунктом 2 статьи 26 Закона № 239-29 (действовавшего в рассматриваемый период) предусмотрена административная ответственность за сброс мусора, иных отходов производства и потребления вне специально отведенных для этого мест, совершенный лицом, которое в течение года подвергалось административному наказанию за одно из правонарушений, предусмотренных настоящим Законом Санкт-Петербурга. В этом случае для юридических лиц предусмотрен административный штраф в размере двухсот тысяч рублей.

В силу статьи 210 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации по делам об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности обязанность доказывания обстоятельств, послуживших основанием для привлечения к административной ответственности, возлагается на административный орган, принявший оспариваемое решение.

Как установлено судом по материалам дела, Обществу вменено нарушение пункта 3.2.8 (обязывающего производителя работ осуществлять складирование материалов, временное хранение техники и размещение бытового городка в соответствии с проектом, правилами, особыми условиями ордера ГАТИ), пункта 13.15 (предусматривающего немедленный вывоз образовавшегося в процессе производства работ грунта во временный отвал на специальные площадки, предоставленные администрацией соответствующего района Санкт-Петербурга) Правил производства земляных, строительных и ремонтных работ, связанных с благоустройством территорий Санкт-Петербурга, утвержденных распоряжением ГАТИ от 22.01.2008 № 4, а также пунктов 3.4.3 (невыполнение обеспечения регулярной уборки зоны производства работ); 3.16.1 (сброс мусора, иных отходов вне специально отведенных для этого мест); 6.2.5 (нарушение требований, предъявляемых к летней уборке, предусматривающих вывоз мусора, смета и иных загрязнений только в специально отведенные места); 6.8.2 (нарушение запрета вывозить смет и отходы в несанкционированные места); 7.7.1 (нарушение запрета сброса крупногабаритных, а также строительных отходов в мусоропроводы, контейнеры и на контейнерные площадки для сброса коммунальных и бытовых отходов); 7.7.3 (нарушение запрета на складирование (хранение) крупногабаритных и строительных отходов на уличной, дворовой, внутриквартальной территории вне специально отведенных мест) Правил уборки, обеспечения чистоты и порядка на территории Санкт-Петербурга, утвержденных постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 16.10.2007 № 1334.

Вместе с тем, как пояснил представитель ГАТИ, оспариваемым постановлением Общество привлечено к административной ответственности за сброс грунта в неустановленном месте (вне специально отведенных для этого мест), то есть за неисполнение обязанности по размещению образовавшегося в процессе работ грунта, определенного как отходы производства и потребления.

В соответствии со статьей 1 Федерального закона от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» отходами производства и потребления являются остатки сырья, материалов, полуфабрикатов, иных изделий или продуктов, которые образовались в процессе производства и потребления, а также товары (продукция), утратившие свои потребительские свойства.

Согласно ГОСТу 25100-95 «Грунты. Классификация», введенному в действие постановлением Минстроя РФ от 20.02.1996 № 18-10, грунт – это горные породы, почвы, техногенные образования, представляющие собой многокомпонентную и многообразную геологическую систему и являющиеся объектом инженерно-хозяйственной деятельности человека.

С учетом изложенного, кассационная инстанция считает правомерным вывод суда апелляционной инстанции о том, что образовавшийся в процессе обустройства въезда на строительную площадку грунт не может быть расценен как отходы производства и потребления в смысле, придаваемом ему Федеральным законом от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления», равно как и вывод об отсутствии в данном случае объективной стороны правонарушения, ответственность за которое предусмотрена пунктом 2 статьи 26 Закона № 239-29. Утверждение представителя ГАТИ о том, что согласно произведенным работам образовавшийся грунт следовало расценить как сырье, а его неиспользованную часть как оставшиеся отходы, в материалах дела не нашло своего подтверждения. Нарушение порядка вывоза образовавшегося в процессе производства работ грунта также не образует объективной стороны предусмотренного пунктом 2 статьи 26 Закона № 239-29 правонарушения.

При таких обстоятельствах, учитывая положения статьи 24.5 КоАП РФ, кассационная инстанция считает правильным вывод суда апелляционной инстанции об удовлетворении заявленных Обществом требований и, не усматривая при принятии обжалуемого судебного акта каких-либо нарушений норм материального или процессуального права, не находит оснований для его отмены.

Учитывая изложенное и руководствуясь статьями 286, 287, 289 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа

постановил:

постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.01.2011 по делу № А56-46698/2010 оставить без изменения, а кассационную жалобу Государственной административно-технической инспекции – без удовлетворения.

Председательствующий
Е. О. Матлина
Судьи
О. А. Алешкевич
Е. А. Михайловская

В соответствии с указанием п. 2.2 Санитарно-эпидемиологических правил и нормативов «Гигиенические требования к размещению и обезвреживанию отходов производства и потребления. СанПиН 2.1.7.1322-03», утвержденных Постановлением Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 30.04.2003 №80 (далее – СанПиН 2.1.7.1322-03)¹⁷, процессы обращения с отходами включают в себя следующие этапы: образование, накопление и временное хранение, первичную обработку (сортировку, дегидратацию, нейтрализацию, прессование, тарирование и др.), транспортировку, вторичную переработку (обезвреживание, модификацию, утилизацию, использование в качестве вторичного сырья), складирование, захоронение и сжигание.

Нарушение природоохранного законодательства, выразившееся в несанкционированном размещении отходов, возможно квалифицировать по следующим составам правонарушений: ст. 8.2, ч. 2 ст. 8.6, ч. 2 ст. 8.7, ч. 2 ст. 8.12, ч. 1 ст. 8.13, ст. 8.19, ч. 2 и 3 ст. 8.31, ст. 8.39 или ч. 1 ст. 8.42 КоАП РФ. На это указано в п. 3 Методических рекомендаций по проведению рейдовых мероприятий в целях выявления мест несанкционированного размещения твердых бытовых отходов (далее – Рекомендации)¹⁸. Материалы по факту выявленных

¹⁷ О введении в действие Санитарно-эпидемиологических правил и нормативов СанПиН 2.1.7.1322-03 (вместе с «СанПиН 2.1.7.1322-03. 2.1.7. Почва. Очистка населенных мест, отходы производства и потребления, санитарная охрана почвы. Гигиенические требования к размещению и обезвреживанию отходов производства и потребления. Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы», утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 30.04.2003 г.) (Зарегистрировано в Минюсте РФ 12.05.2003 г. № 4526). Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 30.04.2003 г. № 80 // Российская газета. 2003. 28 мая.

¹⁸ Указанные Рекомендации размещены на официальном сайте Росприроднадзора (<http://rpn.gov.ru>) в подразделе «Методические документы» раздела «Документы».

нарушений могут быть переданы в Россельхознадзор, в органы государственного лесного надзора либо в прокуратуру. Если в процессе рейдовых мероприятий обнаружены факты хранения, захоронения или иного обращения радиоактивных, бактериологических, химических веществ и отходов с несоблюдением установленных правил и эти деяния создали угрозу причинения существенного вреда здоровью человека или окружающей среде, то это уже уголовно наказуемое преступление. Данный вывод следует из п. 5 Рекомендаций.

В Федеральном законе от 24.06.1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (ст. 1. «Основные понятия») размещение трактуется как **хранение и захоронение**, причем **хранение** как содержание отходов в объектах размещения отходов в целях их последующего захоронения, обезвреживания или использования, а **захоронение** как изоляция отходов в специальных хранилищах.

Исходя из вышеизложенного, организаторов несанкционированной свалки нельзя определить как лиц, занимающихся размещением отходов. Диспозиция ст. 8.2 КоАП РФ включает в себя действия, в том числе по организации несанкционированной свалки отходов, и предусматривает административную ответственность за «несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований (**лишь**. – *Замечание авт.*) при сборе, накоплении, использовании, обезвреживании, транспортировании, размещении и ином обращении с отходами производства и потребления или иными опасными веществами». Ни одного из этих действий организаторы не совершают, а лишь способствуют образованию свалки путем распространения о ней информации и организации пропуска транспортных средств на территорию, которая, как правило, им не принадлежит, и никакой ответственности за ее состояние они не несут. Таким образом, их действия логично было бы определить как **платный пропуск транспортных средств для разгрузки отходов или грунта на территорию, для этих целей не предназначенную**. Однако федеральный законодатель пока не обозначил такие действия как административно наказуемые.

Несостоятельным представляется и утверждение противников рассматриваемой законодательной инициативы, что «установление административной ответственности за организацию несанкционированной свалки отходов противоречит положениям статей 1.3, 1.3.1 КоАП РФ, поскольку предусматривает наступление ответственности за нарушение федеральных норм, а не законов и иных нормативных актов Санкт-Петербурга». Квалификация указанного нарушения якобы не исключается по ст. 8.2 КоАП РФ, так как действия по организации несанкционированной свалки отходов прямо указывают на нарушение требований, предъявляемых к сбору, накоплению, использованию, транспортированию, размещению отходов, регламентированных Федеральным законом «Об отходах производства и потребления» и обязательных к соблюдению на всей территории Российской Федерации всеми субъектами (физическими, юридическими лицами) при осуществлении деятельности по сбору, накоплению, использованию, транспортированию, размещению отходов. К сожалению, это положение чрезвычайно спорно, учитывая изложенные выше особенности определения основных положений и действия организаторов несанкционированных свалок.

Данная правовая неопределенность в конце концов привела к тому, что прокурор Санкт-Петербурга обратился в Санкт-Петербургский городской суд с заявлением о признании недействующими отдельных положений Закона Санкт-Петербурга от 31 мая 2010 г. № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге». Санкт-Петербургский городской суд, рассмотрев это заявление в открытом заседании 21 марта 2013 г., пришел к выводу о том, что оспариваемая норма Закона установлена с превышением нормотворческой компетенции субъекта Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях, и признал ее недействующей.

Принятое решение Санкт-Петербургского городского суда позволило некоторым из привлеченных к административной ответственности за сброс мусора, иных отходов производства и потребления вне специально отведенных для этого мест также оспорить принятые к ним меры и потребовать признать недействующей ст. 28 Закона Санкт-Петербурга от 31 мая 2010 г. № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге», ссылаясь на то, что данная норма, устанавливающая административную ответственность, противоречит федеральному законодательству и нарушает права и свободы заявителя.

В частности, решением Санкт-Петербургского городского суда от 30 апреля 2013 г. было удовлетворено заявление ООО «Эверест» о признании недействующей статьи 28 Закона Санкт-Петербурга от 31 мая 2010 г. № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге»¹⁹.

Безусловно, ни градоначальник Санкт-Петербурга, ни законодатели Северной столицы не могли согласиться с такими решениями и совместно поставили вопрос об отмене соответствующих решений суда и о принятии по делам новых решений об отказе в удовлетворении заявленных требований, обратившись с апелляционными жалобами в Верховный Суд Российской Федерации.

Верховный Суд Российской Федерации 14 июля 2013 г. рассмотрел в открытом судебном заседании гражданское дело – апелляционную жалобу Законодательного Собрания Санкт-Петербурга на решение Санкт-Петербургского городского суда от 30 апреля 2013 г., которым удовлетворено заявление ООО «Эверест» о признании недействующей ст. 28 Закона Санкт-Петербурга от 31 мая 2010 г. № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге»²⁰, а 17 июля 2013 г. – апелляционные жалобы Законодательного Собрания Санкт-Петербурга и Губернатора Санкт-Петербурга на решение Санкт-Петербургского городского суда от 21 марта 2013 г. В обоих случаях определения Верховного Суда Российской Федерации были однозначными и аналогичными: решения Санкт-Петербургского городского суда отменить, принять по делам новые решения, которыми отказать в удовлетворении требований о признании недействующей статьи 28 Закона Санкт-Петербурга от 31 мая 2010 г. № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге».

В принятом по итогам заседания определении Верховного Суда Российской Федерации от 17.07.2013 г. № 78-АПГ12-11²¹ отмечается нижеследующее.

«Проверив материалы дела, обсудив доводы апелляционных жалоб, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации считает решение суда неправильным и подлежащим отмене.

Согласно пункту “д” части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации административное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

В соответствии с частью 1 статьи 1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, законодательство об административных правонарушениях состоит из указанного Кодекса и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

Пунктом 1 части 1 статьи 1.3.1 указанного Кодекса к ведению субъектов Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях отнесено установление законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления.

В силу подпункта 39 пункта 2 статьи 26.3 Федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета), от-

¹⁹ Определение Верховного Суда РФ от 14.07.2013 г. № 78-АПГ13-14 «Об отмене решения Санкт-Петербургского городского суда от 30.04.2013 г. и отказе в удовлетворении заявления о признании недействующей статьи 28 Закона Санкт-Петербурга от 31.05.2010 г. № 273-70 “Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге”» (опубликовано не было).

²⁰ Там же.

²¹ Определение Верховного Суда РФ от 17.07.2013 г. № 78-АПГ12-11 «Об отмене решения Санкт-Петербургского городского суда от 21.03.2013 г. и отказе в удовлетворении заявления о признании недействующими отдельных положений Закона Санкт-Петербурга от 31.05.2010 г. № 273-70 “Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге”» (опубликовано не было).

носит решение вопросов установления административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления, определения подведомственности дел об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, организации производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации.

Пунктом 1 статьи 2 Федерального закона от 10 января 2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» установлено, что законодательство в области охраны окружающей среды основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из данного Федерального закона, других федеральных законов, а также принимаемых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

Отношения, возникающие в области охраны окружающей среды, в той мере, в какой это необходимо для обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, регулируются законодательством о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения и законодательством об охране здоровья, иным направленным на обеспечение благоприятной для человека окружающей среды законодательством (пункт 6 статьи 2).

При этом к вопросам местного значения в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 7 этого же Федерального закона относятся организация мероприятий по охране окружающей среды в муниципальном образовании; организация сбора, вывоза, утилизации и переработки бытовых и промышленных отходов. В субъектах Российской Федерации – городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге полномочия органов местного самоуправления, предусмотренные данным Федеральным законом, исходя из необходимости сохранения единства городского хозяйства, могут быть возложены законами соответствующих субъектов Российской Федерации на органы государственной власти городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга.

Из анализа приведенного законодательства следует, что вопросы организации в указанной области охраны окружающей среды относятся к полномочиям органов государственной власти Москвы и Санкт-Петербурга.

Об этом свидетельствуют и положения Приказа Министерства регионального развития Российской Федерации от 27 декабря 2011 г. № 613, утвердившего Методические рекомендации по разработке норм и правил по благоустройству территорий муниципальных образований, из которых также следует, что разработка норм и правил благоустройства территорий муниципальных районов, городских округов либо внутригородских территорий города федерального значения относится к полномочиям органов местного самоуправления. При этом в состав таких правил рекомендовано включать такой раздел (подраздел), как уборка территории.

Из указанного раздела названных Методических рекомендаций следует, что порядок сбора, вывоза и утилизации отходов производства и потребления утверждается органом местного самоуправления.

В частности, на территории муниципального образования запрещается накапливать и размещать отходы в несанкционированном месте.

Из изложенного выше и положений статьи 1.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях следует, что субъект Российской Федерации – Санкт-Петербург за нарушения в указанной сфере был вправе установить административную ответственность.

В этой связи вывод суда о том, что статьей 8.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях уже предусмотрена административная ответственность в сфере обращения с отходами производства и потребления, является ошибочным.

Судом не учтено, что указанной нормой административная ответственность предусмотрена за несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований, установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации, а не актами органов местного самоуправления (органов государственной власти Москвы и Санкт-Петербурга) при сборе, накоплении, использовании, обезвреживании, транспортировании, размещении и

ином обращении с отходами производства и потребления или иными опасными веществами, и именно в области обращения с отходами производства и потребления, как специальном виде хозяйственной деятельности, требующей в установленных законом случаях получения лицензий.

Как следует из содержания оспариваемой прокурором статьи 11.1 Закона, ею установлена ответственность за организацию несанкционированной свалки отходов, то есть вне отношений, возникающих в сфере обращения с отходами, урегулированных соответствующим федеральным законодательством.

Кроме того, вывод суда о несоответствии определенного в Законе понятия «несанкционированная свалка отходов» требованиям ГОСТ 30772-2001, в котором отсутствует ограничение свалки по площади, обоснованным признать нельзя, поскольку указанное понятие определено законодателем Санкт-Петербурга в оспариваемом Законе Санкт-Петербурга в целях настоящего Закона.

Суд не учел, что истолкование оспариваемого положения, содержащего в понятии «несанкционированная свалка отходов» ограничение по ее площади, является усмотрением законодателя и установлено в целях правильного определения состава административного правонарушения.

В частности, при организации несанкционированной свалки отходов на площади менее 10 квадратных метров административная ответственность может наступать не по статье 11.1 Закона, а по другим предусмотренным им составам правонарушений.

При таких обстоятельствах решение Санкт-Петербургского городского суда от 21 марта 2013 года является незаконным, в связи с чем подлежит отмене»²².

Повторимся, сегодня проблема борьбы с несанкционированными свалками заключается в том, как оштрафовать тех, кто создает несанкционированные свалки, – кто имеет право наложить на нарушителя административное взыскание. Действующее законодательство, даже в случае поимки за руку тех, кто привозит целые фуруны отходов от строительства и вываливает в местах несанкционированных свалок, не предоставляет право уполномоченным на то органам и лицам принять к нарушителям меры административного воздействия, кроме как устно предупредить: «Больше так не делайте». У нас есть дыра в законодательстве о том, как привлечь к ответственности и за что тех людей, кто не заключил договор на утилизацию мусора.

Принятый Закон Санкт-Петербурга в какой-то мере заполняет этот пробел, обеспечивает определенную действенность усилий природоохранных организаций в борьбе с незаконными свалками мусора. Более того, **законы, ужесточающие ответственность за организацию несанкционированных свалок, остро необходимы**, их исполнение должно быть неотвратимо, как обязанность платить налоги на собственность. Возможно, даже стоит подумать о введении в определенных случаях уголовной ответственности за подобные деяния, когда возникает прямая угроза жизни и здоровью граждан. В противном случае, перефразируя известное выражение, «либо человек сделает так, чтобы в природе не было мест, загрязненных отходами, либо природа сделает так, чтобы на Земле не стало места для людей». Настало время для принятия решений. Альтернативы нет!

Аннотация. Наиболее распространенными правонарушениями, имеющими актуальное значение, являются загрязнение отходами и самовольный захват земель, а попросту – несанкционированные свалки. Государство в лице органов надзора в сфере экологии и природопользования предпринимает огромные усилия по сдерживанию напора на окружающую среду от все более увеличивающегося потока различного рода отходов. Разрабатываются новые законодательные и нормативные документы, к предприятиям предъявляются серьезно возрастающие требования, размеры платежей за отходы неизменно увеличиваются, расходы на борьбу с отходами в муниципальных бюджетах растут. По инициативе губернатора Санкт-Петербурга был принят Закон Санкт-Петербурга от 25 октября 2012 г. №4 87-88

²² Там же.

«О внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга “Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге”, вводящий определение «несанкционированная свалка отходов», устанавливающий право привлечения к ответственности лиц за деящееся правонарушение, а не за единичный факт, который помимо всего прочего должен быть надлежащим образом зафиксирован, а также увеличивающий размер штрафных санкций за организацию несанкционированной свалки. Законодатели поддержали предложение градоначальника. Вместе с тем в юридических дискуссиях неоднократно возникали соображения, что принятый по инициативе губернатора Санкт-Петербурга Закон Санкт-Петербурга противоречит действующему законодательству. Так ли это? Или принятый Закон Санкт-Петербурга в какой-то мере заполняет имеющийся пробел, обеспечивает определенную действенность усилий природоохранных организаций в борьбе с незаконными свалками мусора?»

Ключевые слова. Свалки, несанкционированные свалки, организация несанкционированной свалки отходов, административное законодательство, административная ответственность, полномочия органов государственной власти, вопросы местного значения, законы федеральные, законы региональные, Кодекс об административных правонарушениях, губернатор Санкт-Петербурга, Законодательное Собрание Санкт-Петербурга, прокурор Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургский городской суд, Верховный Суд Российской Федерации.

Annotation. The most widespread offences having an actual meaning, pollution by a waste and autocratic capture of the earths, and simply – not authorized dumps are. The state in the name of supervision bodies in ecology and wildlife management sphere undertakes huge efforts on pressure restraint on environment from more and more increasing stream of a various sort of a waste. New legislative and standard documents are developed, seriously increasing demands are made to the enterprises, the sizes of payments for a waste invariably increase, expenses on struggle against a waste grow in municipal budgets. At the initiative of the Governor of St.-Petersburg from October, 25th, 2012 №487-88 «Law of St.-Petersburg has been passed About modification of the Law of St.-Petersburg» About administrative offences in St.-Petersburg», entering definition« not authorized dump of a waste », establishing the right of bringing to account of persons for a lasting offence, instead of for an isolated fact which in addition should be properly fixed, and also the increasing size of penal sanctions for the organization of not authorized dump. Legislators have supported the offer of the town governor. At the same time, repeatedly in legal discussions there were reasons, that passed at the initiative of the Governor of St.-Petersburg the Law of St.-Petersburg, contradicts the current legislation. Whether so it? Or the passed Law of St.-Petersburg in any measure fills available blank, provides certain effectiveness of efforts of the nature protection organizations in struggle against illegal dumps of dust?

Keywords. The dumps, not authorized dumps, the organization of not authorized dump of a waste, the administrative legislation, administrative responsibility, powers of public authorities, questions of local value, laws federal, laws regional, the Code about administrative offences, the Governor of St.-Petersburg, Legislative Assembly of St.-Petersburg, the public prosecutor of St.-Petersburg, the St.-Petersburg city court, the Supreme court of the Russian Federation.

В. Л. Вольфсон
V. L. Wolfson

ОККУПАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС. ОБ ИНТЕРВЕНЦИИ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В ОСНОВАНИЯ ОТМЕНЫ ДЕЙСТВУЮЩИХ СУДЕБНЫХ АКТОВ

OCCUPATION PROCESS. OF INTERVENTION IN PUBLIC LAW GROUNDS TO ABOLISH EXISTING JUDICIAL ACTS

Свидетельства публично-правовой интервенции в основания и процедуры преодоления *res judicata* в российском процессуальном праве сейчас уже не менее наглядны, чем очевидна (во всяком случае – Европейскому суду) их неизбывная дефектность. Отрицать ни ту, ни другую данность нельзя; можно, как автор этой работы, или признавать между ними связь, или отрицать ее, но тогда возрастающая публичность меняться должна от дурной к благой, причем делать это очень континуально, чтобы оправдать статичность дефектности. Такой дискурс в целом и характерен для российской процессуальной литературы¹. Он, как правило, отталкивается от Рекомендаций Комитета министров Совета Европы, опубликованных еще 6 сентября 1995 г.² Те, кто ссылается на эти Рекомендации, не говорят о том, что их обязательность обладает нулевой модальностью³. Иногда поглощение публичным правом частного представляют как тенденцию в европейском законодательстве⁴. Наш анализ и этого не подтверждает⁵.

Но даже сторонникам «благой публичности» рано или поздно, как мне кажется, будет любопытно разобраться с тем, насколько публично-правовые основания пересмотра вступившего в законную силу судебного решения уместны вообще. Положительный ответ возможен лишь постольку, поскольку публично-правовой интерес вхож в свойства явле-

© В. Л. Вольфсон, 2013

¹ *Нешатаева Т. Н.* Соответствовать требованиям европейских стандартов // Арбитражная практика. 2003. № 5(26); *Борисова Е. А.* Проверка судебных актов по гражданским делам. М., 2005; *Терехова Л. А.* Надзорное производство в гражданском процессе. Проблемы развития и совершенствования. М., 2009; *Филатова М. А.* Европейские стандарты правосудия по гражданским делам и их значение для российской судебной системы // Стандарты справедливого правосудия. Международные и национальные практики / Под ред. Т. Г. Морщаковой. М., 2012. С. 35.

² В этих Рекомендациях указывалось, что «обжалование в судах третьей инстанции должно прежде всего касаться тех дел, которые заслуживают третьего судебного разбирательства, в частности, таких, решение по которым будет способствовать совершенствованию правового регулирования или обеспечению единообразного толкования закона. Допустимо также ограничить такой пересмотр делами, по которым необходимо разрешить вопросы права, имеющие принципиальное значение для общества» (подп. С) ст. 7 гл. 14 Recommendations N 5 (5) of the *Committee of Ministers to member States concerning the introduction and improvement of the functioning of appeal systems and procedures in civil and commercial case*. Adopted by the Committee of Ministers on 7 February 1995 at the 528th meeting of the Ministers' Deputies).

³ Это утверждение подробно обосновывается в моей статье «Непринужденная неустойчивость. О судьбах публичного интереса в пересмотре вступивших в законную силу судебных актов». Работа готовится к публикации в «Вестнике СПбГУ» (серия «Право») № 2 за 2014 г.

⁴ Например, Л. А. Терехова, присоединяясь к мнению Т. Н. Нешатаевой, утверждает, что «судебные системы развитых стран в качестве критериев приемлемости для пересмотра решения, вступившего в силу, предусматривают и такой, как социальная значимость спорного вопроса» (*Терехова Л. А.* Надзорное производство в гражданском процессе. Проблемы развития и совершенствования. С. 65; *Нешатаева Т. Н., Старженецкий В. В.* Надзорное производство: Соблюдение принципа справедливого разбирательства дела и принципа баланса публичных и частных интересов // Вестник ВАС РФ. 2001. № 7. С. 122–123; *Филатова М. А.* Европейские стандарты правосудия по гражданским делам и их значение для российской судебной системы. С. 68; *Балакин К. В.* Обжалование постановлений судов гражданской юрисдикции во Франции. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

⁵ С некоторыми конкретными итогами этого анализа также можно ознакомиться в упомянутой выше статье автора этой работы.

ния. Мы, однако, могли бы повести это исследование от обратного: начнем с допущения публичного интереса в эти свойства и посмотрим, насколько – и в принципе ли – он совместим с частным интересом в процессуальной деятельности по ликвидации существующего субъективного частного права. И хотя есть авторы, которые и поныне уверены в том, что надзорному производству надлежит быть триумфальным олицетворением так называемого «принципа законности», т. е. тоталитаристской идеи нормативной бескомпромиссности⁶, эта точка зрения для целей предпринимаемого исследования не нуждается в обсуждении: она выдает за действительное, которое давно нет, то желаемое, которого не должно быть никогда. Большинство российских процессуалистов полагают, что правовому институту,веряющему суду власть над субъективным частным правом, ставшим юридической реальностью, силой другого судебного решения, следует совместить в себе преобладающий публичный интерес с частным. Однако из их рассуждений далеко не всегда удается понять, каково же, или, точнее, каково бы оно ни было, *чем же задается* место пролегания границы. Что происходит, когда удается, я постараюсь показать ниже.

Порой для создания картины этой комбинации используются такие примечательные для труда правоведа изобразительные средства, как «удивительным образом сочетаются»⁷. Упоминание в этой и в ряде других работ⁸ французского «обжалования в интересах закона» – саморазоблачение, дискредитирующее отступление во имя «законности» от диспозитивности: мнение Кассационного суда ничего не поменяет в правоотношении не оспаривающих его сторон. И если утверждать, что право на «платоническую кассацию» предоставляется прокуратуре «в целях наиболее полного удовлетворения публичного интереса»⁹, хорошо бы не забыть оговориться: полнота эта – не за счет умаления противостоящего интереса в «удивительном» сочетании, а значит, и получивший удовлетворение публичный интерес пребывает во внепроцессуальном поле.

Д. Тарабрин по итогам исследования, предметно совпадающим с обсуждаемой темой¹⁰, остается безутешен: «Несмотря на устоявшиеся в теории права основания для дифференциации частноправовых и публично-правовых интересов, в теории достаточно сложно выделить бесспорные критерии для такой дифференциации», да и «в правоприменительной практике существуют некоторые сложности в соблюдении баланса частных и публичных интересов». Но хотя отделить одно от другого так и не получилось, «частноправовые и публично-правовые интересы нельзя назвать антагонистическими, поскольку им подчинены общие задачи и цели гражданского судопроизводства и судопроизводства в арбитражных судах».

⁶ Апология «принципа законности» никогда не была экзотикой в российской процессуалистике. В первой декаде века встречались, например, такие высказывания: «...государство не имеет права мириться с сохранением в силе нелегитимных судебных актов... Оно обязано преодолеть судебную ошибку не только по просьбе потерпевшего лица, но и по собственной инициативе, в рамках внутренней самопроверки...» (Воробьев Е. Г. К вопросу о несоответствии сроков материального и процессуального права для судебной защиты гражданских прав в порядке надзора // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 8. С. 33). М. Ю. Новик-Качан также убежден, что «защита публичных интересов [...] является приоритетной целью стадии производства в порядке надзора» (Новик-Качан М. Ю. Надзорное производство в гражданском процессе. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 36-37). А в текущем десятилетии эта «оппозиция справа» артикулировала свой протест: «Существующая как в зарубежной науке, так и в практике Европейского суда по правам человека точка зрения о неэффективности российского производства в порядке надзора вследствие его несоответствия теории *res judicata* (правовой определенности) является ошибочной на концептуальном, методологическом уровне» (Малешин Д. Я. Гражданская процессуальная система России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 48).

⁷ Цит. по: Борисова Е. А. Проверка судебных актов по гражданским делам. М., 2005. – В тексте автореферата диссертации никаких других попыток описать важнейшую (казалось бы) характеристику кассационного производства Франции – не только в теоретической традиции, но и в актуальном процессуальном законе – не состоялось. Цитируя и комментируя данное положение работы К. В. Балакина, Е. А. Борисова также не показывает, «чем задается» граница между частным и публичным в кассационном процессе Франции.

⁸ Ефимов А. Е. Надзорное производство в арбитражном процессе. М., 2007. С. 59; Филатова М. А. Европейские стандарты правосудия по гражданским делам и их значение для российской судебной системы. С. 67–68.

⁹ Борисова Е. А. Проверка судебных актов по гражданским делам.

¹⁰ Тарабрин Д. Баланс частноправовых и публично-правовых начал в гражданском и арбитражном процессах // Арбитражный и гражданский процесс. М., 2009. № 11. С. 6-10.

Название другого примечательного (уже не только уровнем артикулированности, но и авторством) труда («Надзорное производство: соблюдение принципа справедливого судебного разбирательства и принципа баланса, публичных и частных интересов»)¹¹ также ничем не выдает себя в содержании: ни публичные, ни частные интересы, ни баланс между обеими определены не были.

В силу ратификации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод на Россию распространилась юрисдикция ЕСПЧ, «в практике которого соблюдение баланса между публичным и частным интересами рассматривается как важная гарантия справедливого правосудия», – спустя 10 лет после ратификации замечает еще один исследователь, – «однако данная проблема имеет в большей степени общетеоретическую разработку, тогда как в правоприменительной, в том числе судебной, практике достаточно затруднительно выявить критерии, позволяющие определить публичный интерес и его соотношение с частным»¹².

Е. А. Борисова не признает иммунитета за идеями о верховенстве интересов государства в преодолении *res judicata*. Но всякий раз, когда дело доходит до изложения ее собственных взглядов, повторяет формулу «европейских стандартов» в своей версии, в которой место находится исключительно публичным интересам, без единого упоминания о каком-либо интересе частном¹³.

По-видимому, «стандарты» (в отличие от норм права) вынесены за ту черту, за которой обсуждение научной проблемы уже несовместимо с представлением о научной корректности, хотя даже в самое суровое для страны время правовые нормы не приобретали полного иммунитета против критики, хотя она и могла быть более сдержанной, чем по отношению к суждениям об их содержании. Причина, можно не сомневаться, в наднациональном происхождении стандартов, и в том, что они не имеют обязательного характера, ничего в этом их восприятии не меняет.

Намеченный нами тест на совместимость, следует, конечно, проводить предметно – применительно к отдельным этапам и субинститутам пересмотра вступивших в силу решений: к инициативе надзорного оспаривания, основаниям приемлемости жалобы (заявления), возбуждению надзорного производства, устройству и схемы работы надзорного фильтра (допуска жалобы в надзорный суд), рассмотрению по существу, порядку и основаниям для пересмотра. Но фронт дискуссии о публичном и частном чаще открывается на участках, изъятых современным законодательством из диспозитивного режима и потому словно бы по-прежнему подлежащих действию «принципа законности», под который мимикрирует качественно новая публичная парадигма, именуемая автором «правоприменительным феодализмом» (она вне предмета данной работы). Речь в этих дискуссиях, поэтому, может, например, зайти о таких чрезвычайных полномочиях судебной власти в надзорном и кассационном производстве, как надзорное оспаривание по инициативе высших чинов в иерархии (бывш. ст. 389 ГПК, ныне ст. 391-11), их же право «не согласиться» с отказом в допуске к пересмотру (ч. 3 ст. 381), проверка обжалованного судебного акта за пределами заявленных доводов (ныне ч. 2 ст. 390 ГПК). Например, по мнению С. Ю. Никонорова (который тоже считал, что «одной из целей производства в порядке надзора является защита публичных интересов, обеспечение единства судебной практики»)¹⁴, «проверка судебных постановлений в порядке надзора по представлению Председателя Верховного Суда РФ или его заместителя [...] есть самостоятельная процессуальная форма такого производства, являющаяся самостоятельной формой судебного надзора»¹⁵. Вынесенное на защиту, данное положение диссертации, утверждающее субстанциональность публично-правовой процедуры в судопроизводстве по частным спорам, не только не вписано в текст автореферата в

¹¹ Нешатаева Т. Н., Старженецкий В. В. Надзорное производство: Соблюдение принципа справедливого разбирательства дела и принципа баланса публичных и частных интересов. – Т. Н. Нешатаева, в то время судья ВАС, считается одним из авторов ст. 304 АПК.

¹² «Обеспечительные меры в практике административного производства арбитражного суда» / Под ред. В. А. Ершова. М., 2008.

¹³ Борисова Е. А. Проверка судебных актов по гражданским делам.

¹⁴ Цит. по: Там же.

¹⁵ Никоноров С. Ю. Производство в порядке надзора в гражданском процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 5-6.

какую бы то ни было концептуальную схему сочетания диспозитивности и законности, но дало диссертанту повод заметить, что «в данном случае говорить о проявлении принципа диспозитивности с точки зрения влияния материально (лично) заинтересованных лиц на возникновение процесса и его развитие также не представляется возможным»¹⁶. В таких же двусмысленных отношениях с отрицанием диспозитивности пребывает и другое положение работы – «суд надзорной инстанции должен осуществлять проверку судебных постановлений в обжалованной части и в отношении лица, подавшего жалобу, но при проверке норм материального права обязан выйти за пределы доводов жалобы»¹⁷. Здесь С. Ю. Никоноров далеко не одинок и совсем не радикален. За проверку обжалованных актов в полном объеме выступала Л. А. Терехова¹⁸, которая не скрывала разочарования в следующей монографии¹⁹, изданной после того, как ФЗ-330 признал за действующим решением иммунитет в необжалованной части, но разрешил пересмотр по модели ревизии (т. е. не стесняющий суды доводами жалобы). Впрочем, после введения в действие нового процессуального законодательства первым, если не ошибаюсь, за идею несвязанности надзорного суда не только доводами, но и предметом жалобы во благо законности заступился В. М. Жуйков, в те годы заместитель Председателя Верховного Суда РФ. И его мнение ни в коем случае не упрекнешь в дефиците или в дефектах аргументированности. Сохранение законной силы необжалованной (или обжалованной с опорой на негодные доводы), но противоправной части судебного решения недопустимо потому, что это «освящает нарушение государством прав отдельного субъекта, тогда как оно (государство), наоборот, обязано защищать их; может стать примером разрешения тех же вопросов материального права для того же или других судов, породить незаконную судебную практику и привести к нарушению прав многих субъектов»²⁰. Это – открытая и внятная апология патернализма. Категорически в частном праве, по нашему убеждению, нетерпимая, она опровергнута может быть только концептуально, т. е. демонстрацией основ этой совместной нетерпимости.

Отдельные компоненты надзорного производства системно исследовались в интересующем нас фокусе и с достаточным для выводов приближением в трудах Л. А. Тереховой²¹. В своей второй монографии она, в частности, предлагает, и в рамках дискурса – вполне аргументированно, основания приемлемости надзорной жалобы, причем последовательно повторяет свой тезис о необходимости полного соответствия между основаниями допуска к пересмотру решения и основаниями к его отмене²². Среди этих оснований находят себе место некоторые однозначно публично-правовые. При этом Л. А. Терехова твердо убеждена в недопустимости надления инициативой возбуждения надзорного производства субъектов, не являющихся сторонами дела (или третьими лицами), по которому приносится жалоба; она, в частности, критикует Конституционный Суд за то, что тот не решился на признание

¹⁶ Там же. С. 24.

¹⁷ Там же. С. 8 и 24. – Следует отметить, что диссертация С. Ю. Никонорова защищалась уже после того, как стало известно, что Верховный Суд считает допустимым, но необязательным выход надзорного суда за пределы доводов жалобы (Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за III квартал 2004 г., п. 11 // Бюллетень. 2004. № 3). Впоследствии ФЗ-330 от 14.12.2007 г. дополнил ст. 390 ГПК ч.1.1 соответствующего содержания.

¹⁸ Терехова Л. А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М., 2007. С. 127-128.

¹⁹ Терехова Л. А. Надзорное производство в гражданском процессе. Проблемы развития и совершенствования. С. 72.

²⁰ Жуйков В. М. Проблемы гражданского процессуального права. М., 2001. С. 57-60; Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РФ / Под ред. В. М. Жуйкова, В. К. Пучинского, М. К. Треушникова. М., 2003. С. 775–777. – Отметим, что по существу теми же доводами В. М. Жуйков мотивировал в свое время и необходимость сохранения пересмотра по представлению высших должностных лиц Верховного Суда (Жуйков В. М. Принцип диспозитивности в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2003. № 7. С. 17).

²¹ Не случайно Л. А. Терехова стала непосредственным разработчиком экспертного заключения, подготовленного в июне 2006 г. кафедрой гражданского процесса Уральской государственной юридической академии по вопросам, предложенным Конституционным Судом РФ.

²² Терехова Л. А. Надзорное производство в гражданском процессе. Проблемы развития и совершенствования. С. 64.

неконституционности тогдашней ст. 389²³, сохранявшей публично-правовые привилегии обжалования за высшими судебными иерархами. Но чем в принципе вызвано включение *общественно значимых* поводов к ликвидации по *частной* инициативе *частного* же правоотношения, автор не считает нужным объяснять: причины почему-то подразумеваются. И ожидаемо, именно поэтому, ни тени скепсиса не вызывает «единообразие судебной практики» как основание и к допуску, и к отмене. Автор лишь призывает объективировать это «единообразие» в определенных документах высшей судебной иерархии, что ничего не будет стоить синедриону, – в тех режимах, которым он приходится вершиной, повелители, если для того есть время, всегда объявляют единой практикой собственные предпочтения; если времени нет – в хорошо выдрессированной системе и мимолетного знака довольно, чтобы нижестоящие чины сразу же открыли для себя, в чем именно, и уже долгое время, состояла их собственная единообразная практика²⁴.

Л. А. Терехова затем обосновывает свое согласие с позицией КС о необходимости фильтров допуска к рассмотрению надзорной жалобы по существу, причем поддерживает КС и в том, что эти фильтры по природе таковы, что процессуальная процедурность им противопоставлена: т. е. вопрос об истребовании дела и передача для рассмотрения по существу должны решаться судьей единолично и без вызова сторон. И здесь Л. А. Терехова вводит проблематику в поле публично-частной дихотомии, тем самым во всяком случае отвечая на вопрос о причинах пролегания именно здесь интересующей нас границы: «Установление иной предварительной процедуры рассмотрения надзорных жалоб, представлений – с проведением судебного заседания, обеспечением присутствия лиц, участвующих в деле, заслушиванием их доводов и возражений – привело бы к существенному увеличению срока прохождения жалоб, представлений на этом этапе проверки, целью которого является лишь исключение явно необоснованных обращений из сферы рассмотрения судом надзорной инстанции»²⁵.

Но без какого-либо объяснения причин допустимости публично-правовых соображений в построении теории надзорного производства в этой логике сразу же выпадают ключевые звенья. Понятно, почему, если уж принять эти соображения за данность: именно на стадии обоснования допуска к пересмотру целесообразно включаться в процедуру государству и именно на этом этапе реализовывать свое право, уж если его за ним признали, выдавать резолюцию о возможности допуска исходя из неясных нам, но признаваемых большинством процессуалистов интересов. Это, безусловно, самый естественный для такого вмешательства момент. Л. А. Терехова, пожалуй, объяснила и то, чем именно публичный интерес столь значителен, что он полностью вытесняет частный интерес в этой процедуре. Но выступив за поле того благостного дискурса, пребывая в котором, любые вообще границы чертятся по линейке, приложенной к карте, приходится давать отчет в том, какими обстоятельствами будет обеспечиваться крепость границы именно в этом, а не в каком-либо другом месте, или, если такое место не сыскать, в том, чем эта граница заслужила право на существование.

Во-первых, вне рационального, во всяком случае юридического, мышления, пребывает способ, которым можно соединить в мотивации заявителя жалобы его частный интерес неудовлетворенной исходом дела стороны с радением об общем благе, которым он непременно должен обосновывать жалобу. Я, разумеется, ставлю вопрос не о психологическом антагонизме этих мотивов, я говорю только о том, что они несовместимы ввиду отрицания всякой возможности их совместимости фундаментальными положениями частного права. За субъективным правом, как не устают повторять автор во всех своих работах, предполагается вмененный интерес его обладателя – и только его обладателя. Субъект частного права может действовать и в своем, и в чужом интересе, в том числе безвозмездно или возмездно; действия в чужом

²³ В Постановлении № 2-П от 05.02.2007.

²⁴ Подробно теория означивания легального текста, из которой и следует недопустимость узурпации догмы «правовыми позициями», изложена в работе: «Язык догмы: обход невозможен» // Мир юридической науки. 2012. № 6. С. 8-19. – Об этом см. также в другой работе: Об обходе законов // Юридическая мысль. 2012. № 3(71).

²⁵ Терехова Л. А. Надзорное производство в гражданском процессе. Проблемы развития и совершенствования.

интересе могут, хотя это и не всегда так, отвечать собственным интересам субъекта, но, если действия субъекта в пользу третьего лица не диктуются его бескорыстными побуждениями, *так* это бывает только тогда, когда удовлетворение чужого интереса является не чем иным, как встречным предоставлением данного субъекта в обмен на удовлетворение его интересов тем лицом, в чьих интересах он действует, как в уже существующем правоотношении, так и тогда, когда такие действия в чужом интересе становятся основанием для возникновения встречного обязательства третьего лица (напр., в случаях, предусмотренных ст. 313 или гл. 50 ГК). Но никогда не бывает *так*, чтобы, действуя в своем интересе, субъект преследовал теми же самыми действиями интерес лица, не обязанного ему встречным предоставлением к моменту или в результате совершения таких действий, если только этот собственный интерес субъекта не является бескорыстным. Такие интересы не комбинируются; нельзя помыслить, говоря на философский манер, вменение не связанных (в том смысле, в каком было показано выше) интересов одному и тому же субъективному праву.

Ни одна из сделанных выше оговорок о возможности совмещения своих и чужих интересов не применима к рассматриваемой гибридной схеме принесения надзорной жалобы; и когда эта несовместимость становится вполне очевидной, стоит оценить еще одну деталь этой конструкции. Убеждать в наличии интереса, несовместимого с его собственным, заявителю надлежит то самое лицо, которое, в идеологии схемы, является этого интереса блюстителем. Инициатор пересмотра должен найти способ побудить суд порадеть о публичных интересах, забота о которых, согласно схеме, является его, суда, миссией (например, разрешить дилемму, имеющую большое значение для правовой системы, или же обеспечить «единообразие», или же просто разглядеть в споре угрозу какому-либо общественному благу и встать на его защиту), и которые, повторимся, не состоят в какой-либо связи с интересом заявителя, так что тому, чтобы все-таки добиться пересмотра решения, юридические инженеры не оставили иного пути, кроме весьма жалкого (ввиду его абсолютной транспарентности) лицемерия.

Во-вторых, признавая оправданной процедуру рассмотрения жалобы без участия сторон, Л. А. Терехова фактически выводит ее из судопроизводства по частным спорам; ведь если доводы сторон после того, как жалоба подана, настолько уже не важны, что их можно не заслушивать при разрешении вопросов об истребовании дела и допуска к пересмотру, это значит, что судья, отвечая на эти вопросы, сосредоточен должен быть только на публичных соображениях. Это уточнение границы, однако, еще далее усугубляет абсурд схемы: если процедура полностью изъята из диспозитивной процессуальности, то какой же аргумент должен позволять убедить себя в том, что подавать жалобу, – в которой будут обосновываться публичные интересы и оценку приемлемости которой следует считать исключительным внутренним делом государства, в присутствии посторонних лиц, поэтому такое дело даже не рассматривающего, тем не менее должно частное лицо, участник спора, а органы, как раз и компетентные защищать эти интересы, и реально ее, в меру своей дискреции, защищающие в этой процедуре, должны быть лишены права на инициативное возбуждение?

Итак, пересмотр вступивших в законную силу решений, как явление вне пределов допустимости комбинации публичных и частных интересов, с этой системной точки зрения может осуществляться в защиту либо одних, либо других. Иными словами, сугубо публичный интерес, благородное рвение в защите важных общественных благ, можно было бы, при незаурядном интеллектуальном дерзании, вменить частному заявителю надзорной жалобы, если полностью отказаться вменить ему какой-либо частный интерес. Но коль скоро мы пока еще не забыли о том, что интересы, защиты которых ищут в этом судопроизводстве стороны, являются *частными*, возникшими из *частного* правоотношения, выступая участниками какового, эти стороны являются *частными* лицами, то вряд ли можно надолго, или всерьез, уверовать в то, что все описанное должно вдруг утратить свою природу и конвертироваться в публичные интересы, отношения, лица. Отчего бы вдруг лицу, вовлеченному в спор о праве гражданском, и в этом споре потерпевшему поражение, так загореться идеей «развития права» или же проникнуться такой нетерпимостью к сохраняющемуся разнообразию практики, что это начисто избавило бы его от фрустраций на предмет своего поражения в тяжбе и сподвигло искать в надзорном суде исключительно защиты так своевременно благоприобретенных высоких идеалов?

Удерживаясь от дальнейшей риторики, нужно просто сказать, что никаких публичных интересов, ни в сочетании с частными, ни в чистом виде, у заявителя жалобы, конечно же, нет, не может и не должно быть. Следовательно, весь ход процедуры по преодолению *res judicata* должен быть подчинен исключительно частному интересу, оставаться в лоне диспозитивности – точно так же, как и совершенно любая процедура в судопроизводстве по частным спорам.

Мы не только видим, но и спешим привлечь внимание читателя к тому, что данный вывод противоречит Рекомендациям Комитета министров Совета Европы 1995 г., о котором мы выше уже говорили, поскольку уверены, что это должно стать «плохой новостью» не для исследователя, который пришел к такому заключению, независимо от его правильности, а для того, кто изымает из поля исследования привилегированные постулаты, обладающие, ввиду авторитетности, иммунитетом против критического взыскания.

Признание того, что интерес сторон спора может быть исключительно частноправовым²⁶, в свою очередь, не оставляет никакого места попыткам вменения публично-правового интереса в цели процессуальной судебной деятельности (т. е. правосудия) по разрешению частных споров, в том числе при решении о допуске дела к пересмотру или при рассмотрении жалобы по существу. Публичный интерес при рассмотрении жалоб на вступившие в законную силу решения у власти, конечно, имеется, но легко показать, что данный интерес иррелевантен спору и потому не может быть основанием для действий суда по его разрешению.

Публичный интерес всегда есть интерес общества в целом. Этот интерес в том числе заключается в предоставлении благ и наложении обременений. Интерес общества в предоставлении публичных благ всегда подразумевает предназначение таковых только группе лиц, обладающей социально-родовой идентичностью. Для удовлетворения этого публичного интереса общество, в лице государства, создает публичный институт. Свою миссию он выполняет не иначе, как путем вступления в правоотношения с лицами, в силу своей социально-родовой идентичности принадлежащих к группе реципиентов (бенефициаров) предоставляемого блага. Как и в любом правоотношении, возникают права и обязанности. Со стороны публичного института – это его обязанности перед обществом (в лице государства) по удовлетворению публичного интереса последнего в предоставлении публичного блага лицам соответствующей групповой принадлежности. Последние приобретают право требования исполнения этой публичной обязанности в свою пользу; такое право вполне можно называть субъективным публичным правом. Интерес в получении публичного блага его бенефициарами не назовешь публичным, поскольку этот термин закрепился в словопотреблении за общественным интересом, но было бы не точно именовать данный интерес и частным, ориентируясь лишь на то, что субъекты, о которым мы говорим, не являются публичными: тому есть три причины: во-первых, возникало бы неизбежное смешение с интересом, возникающим из частноправовых отношений; во-вторых, интерес этот направлен на публичное благо; в-третьих, есть принципиальное различие в субъектной идентичности, возникающей у частных лиц при участии в частных и публичных правоотношениях: как уже говорилось, реципиентами публичных благ они становятся благодаря своей социально-родовой идентичности (принадлежности к группе лиц), тогда как в частные правоотношения субъект всегда вступает лишь на основании собственной уникальной идентичности, своими ли действиями или же действиями третьих лиц. Наверное, этому интересу будет нелегко подыскать более подходящее имя, чем громоздкое, зато корректное по сути «интерес физических и юридических лиц в получении публичного блага», ведь даже и «частными лицами» по только что названным причинам этих субъектов в рассматриваемом контексте было бы лучше не называть.

В систему частного права издавна инкорпорированы публичные институты, существующие и действующие исключительно для оптимизации частноправовых отношений, придания им прочности, необратимости. Из них, конечно, первым должен быть назван суд,

²⁶ Если, конечно, мы не говорим о споре, вытекающем из правоотношения, в котором изначально имелся публичный интерес.

разрешающий частные споры, хотя в этом ряду судебные органы не единичны: есть еще службы государственной регистрации определенных лиц, прав, объектов, актов гражданского состояния, нотариат. Суд по частным спорам, как публичный институт, в гражданском обществе создается по воле этого общества и существует на средства налогоплательщиков, потому что миссией своей обслуживает вполне публичный интерес – едва ли, скажем, не ценнейший из всех этих интересов: в эффективном разрешении гражданско-правовых споров.

Эффективность производительной деятельности всегда определяется показателями рентабельности, отдачи вложенного: пропорцией между результатом и уровнем понесенных при этом издержек. Эффективности общепользуемой деятельности заданы принципиально иные корреляты: указанная пропорция к ней неприменима, хотя и результат, и затраты принимаются во внимание, но в разной степени, отсюда и недопустимость выяснения их соотношения. Разница в том, что производительная деятельность обслуживает интересы самого производителя, общественно полезная – внешние по отношению к ее субъекту интересы. Эффективность такой деятельности, поэтому, прежде всего должна измеряться уровнем достижения поставленных перед ней целей; результативность, или положительная эффективность судебной системы по гражданским делам определяется ее способностью обеспечивать правосудное, т. е. законное и объективное, разрешение частных споров в разумно необходимые для этого сроки; *безусловно эффективна* судебная система, обладающая такими показателями, хотя бы даже с точки зрения внутренней, производительной эффективности система показывала очень низкие результаты. Тем не менее, повторимся, производительная эффективность публичного института должна приниматься во внимание, ибо она является фактором основной эффективности. И как раз в конструкции надзорного производства этот фактор дает о себе знать.

В своей публичной миссии суд, разрешающий частные споры, является не чем иным, как служебным средством при частноправовых нуждах – причем при индивидуальных, нелишне заметить, нуждах, – т. е. именно при частных интересах, а не при публичном интересе по гармонизации системы частных отношений. Он в этом качестве является публичным учреждением гражданского общества по оптимизации отдельных частноправовых отношений, каковая осуществляется органами этого учреждения в рамках их компетенции по специальному запросу участников данных отношений. Самоценного публичного интереса у судебной деятельности по разрешению частных споров нет; есть лишь публичный интерес прикладного назначения – суду вменено стремиться быть эффективным средством разрешения индивидуальных (отдельных) споров из частных правоотношений. И все же специфика служебности публичного правоотношения, вступая в которое, суды и подобные ему органы выполняют свою публичную обязанность по защите и обеспечению частных интересов, вполне укладывается в описанную нами выше структуру правоотношений по получению физическими и юридическими лицами публичного блага в интересах общества. Как и во всех правоотношениях этой категории, судебная защита является благом, предоставляемым его реципиентам в виде публичной обязанности по удовлетворению публичного интереса, каковой заключается в том, чтобы удовлетворялся интерес участников частноправовых споров в их разрешении и в исполнении вынесенных решений. И как во всех таких правоотношениях, бенефициар блага определяется по социально-родовому критерию, т. е. описывается в социально значимых терминах: это лицо, которое по решению суда кооптировано в категорию получателей судебной защиты и связанных с ним иных публичных благ. То, что кооптация в эту категорию, в свою очередь, осуществляется по частно-правовым критериям, т. е., собственно, исходя из положений права, регулирующего частные правоотношения, участники которых всегда выступают в своей уникальной, а не родовой идентичности, – нисколько не дискредитирует утверждение, что реципиенты судебной защиты и связанных с нею публичных благ являются группой, обладающей социально-родовой идентичностью²⁷. Напротив, этим подчеркивается служебный характер деятельности по отправлению правосудия по частным спорам.

²⁷ Вторичная (служебная) ценность публичного отношения, в которое вступают тяжущиеся с судом, становится вполне ясной из теории права на иск, изложенной в монографии «Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве» (СПб., 2012. С. 121–148; М., 2013. С. 88–109).

Судебная защита – это публичное благо. В предоставленном состоянии оно наделяет истца правом требовать силового воздействия органов государства в рамках их публичной компетенции по принуждению ответчика или же освобождает ответчика от такого принуждения; но принуждаться ответчик будет к удовлетворению частного требования истца; такое принуждение, конечно, также является публичным благом. Само право на судебную защиту тоже является публичным: при совокупном наличии материально-правовых и процессуальных оснований заинтересованная сторона вправе требовать у суда ее предоставления, а у суда возникает публичная обязанность перед обществом в лице государства ее предоставить в интересах управомоченной стороны, но если это будет сделано, защищено будет, публичным средством, частное требование.

Интерес в судебной защите должен иметь место при обращении в суд с заявлением об открытии процесса по делу. Этот интерес составляет необходимое основание права на иск (прочими основаниями являются выполненные заявителем процессуальные требования к исковому или иному заявлению, которые в данном рассуждении несущественны) или, в непринципиально отличном для нас словоупотреблении, права на суд. Судебные производства по частным делам не должны открываться без признания такого интереса и такого права у заявителя, ищущего защиты²⁸.

Право на иск в этом широком смысле или право на суд сохранится за заявителем требования или за его соперником в процессе и в случае, если после решения суда первой инстанции неудовлетворенная сторона представит во вторую инстанцию апелляционную жалобу, с соблюдением соответствующих процессуальных требований и, конечно, при наличии интереса в судебной защите.

Производство в первой и во второй инстанциях – в том виде, в каком им предписано функционировать в соответствии с упомянутым законом, – объединяет то, что в обеих инстанциях оно предполагает рассмотрение дела по существу – в широком смысле этого понятия, т. е. исходя из имеющих значение для разрешения дела в данной процессуальной процедуре и с этой целью установленных обстоятельств и правовых оснований. Разумеется, поскольку такова сущность производства в этих обеих инстанциях, именно на рассмотрение спора по существу и должен быть направлен интерес заявителя (иска или жалобы), обеспечивающий его публичное и служебное право на иск (на суд).

После того, как производство в апелляционной инстанции завершено, решение вступает в законную силу, рассмотрение по существу перестает быть возможным. Следующая, кассационная инстанция рассматривать дело, ставя тем самым под угрозу *res judicata*, будет только в том случае, если из предварительного ознакомления с делом усматривается вероятность существенного нарушения норм материального или процессуального права²⁹. Итак, для того, чтобы право на суд в отношении дела в состоянии *res judicata* сохранилось, неудовлетворенная сторона должна добиться права на передачу дела в кассационную инстанцию, и это право, помимо понятных процессуальных оснований, должно опираться на то, которого не было среди оснований права на суд в первой и во второй инстанциях: необходимо, чтобы имела вероятность обнаружения кассационным судом существенных нарушений норм права. Существенными нарушениями (или ошибками) в применении норм права следует, полагаю, считать нарушения (ошибки), очевидные настолько, что для их обнаружения рассмотрение дела по существу не требуется³⁰. Интерес заявителя не просто должен быть направлен на то, чтобы требовать переоценки установленного вступившим в законную силу решением правоотношения по мотиву самоочевидной дефектности этой оценки; этому интересу вменено законом определенное значение – объективная вероятность обнаружения такого дефекта. Недостижение интересом этого значения означает отсутствие права на кассационный или на ревизионный пересмотр.

²⁸ Отметим, что наличие интереса заявителя в судебной защите на момент возбуждения любого судебного производства прямо требует французский закон, тем самым фактически статифицируя право на иск (Кодекс гражданского судопроизводства Франции. Ст. 609).

²⁹ Здесь, конечно, не имеется в виду «кассация» по версии АПК.

³⁰ Теория «существенных нарушений» разработана автором на основании детального анализа практики ЕСПЧ в новой монографии, которая готовится к изданию.

Повышение порога предоставления права на суд и, как следствие, права на судебную защиту объясняется тем, что постановление апелляционной инстанции сообщает определенность спорному правоотношению. У стороны, чей частный интерес был во второй инстанции удовлетворен, в дополнение к тому появляется еще один интерес – в устойчивости своего правового положения, на какую устойчивость эта сторона теперь уже вполне вправе рассчитывать, коль скоро судебная система, исчерпав свой внутренний ресурс разбирательства дела по существу и резерв терпимости по отношению к неопределенности положения сторон, признала необратимость результатов своей работы. Именно появление этого нового интереса победившей стороны и задает более высокую квалификационную отметку корреспондирующему интересу заявителя кассационной жалобы в публичном праве на суд. Только очевидные ошибки в правоприменении могут оправдать новое рассмотрение дела. Если же интерес заявителя кассационной жалобы «не дотягивает» до этого значения – если нижестоящие суды не допустили существенных, т. е., в нашей версии, очевидных ошибок, хотя заявитель ссылается на них в своей жалобе, – то имеет место, по точному выражению Европейского Суда, замаскированная попытка добиться очередного разбирательства по существу, – попытка, которая должна быть пресечена судьей, решающим вопрос о передаче дела в кассационную инстанцию (ст. 278 АПК, 381 ГПК).

Таким образом, тестируя состоявшиеся по делу судебные постановления на предмет вероятности обнаружения в них существенных нарушений норм права, судебный орган, компетентный признавать или не признавать за заявителем право на кассационное рассмотрение, т. е. на сохранение и на этом этапе права на суд, исходит исключительно из частных интересов сторон, которые будут соответственно обеспечены или усечены публичными инструментами, оптимизирующими их баланс. Абсолютно ничего нового для публичного интереса пребывание дела в кассационном фильтре или же в кассационной инстанции не привносит: суд по гражданским спорам остается все тем же публичным институтом, созданным обществом для обслуживания частных нужд.

Если бы реформа судопроизводства в судах общей юрисдикции, введенная ФЗ № 353 от 9 декабря 2010 г., предусматривала бы трехинстанционную систему процесса – так, как она описана выше, – то ее можно было бы считать идеальной в том смысле, что она четко фиксирует как отсутствие самоценного публичного интереса во всех трех процедурах рассмотрения дела у сторон дела и у суда, так и вменение интересу заявителя кассационной жалобы специфического значения – вероятности обнаружения очевидной правоприменительной ошибки. Однако логика нефеодалного реванша исключала такое решение, и поэтому в России появилось четыре инстанции, из которых последняя, сохранившая наименование надзорной, в полном соответствии с развернутой в этой работе парадигмой была целиком интегрирована в кастовые привилегии высшего синедриона, причем наделена исключительно публично-правовыми основаниями отмены.

Автору, если сказанное выше было прочитано не поверхностно, будем надеяться, нет нужды объясняться в связи со сделанными утверждениями, доказывая, что он сознает и признает наличие публичных интересов как в системе судопроизводства по частным делам, так и в тех параметрах правовой системы, которые суть прямые или косвенные следствия эффективности судебной системы по частным спорам. Для ответственного государства такие интересы являются постоянным приоритетом его внутренней политики.

Итак, во-первых, есть публичный интерес в эффективности системы судопроизводства по частным спорам. Этот интерес является системным: он относится не к продукту деятельности, не к производимому ею благу, а к ее стандартам и, следовательно, не может быть более ценным, чем самое благо; в частности, несоответствие стандартам не может стать причиной лишения блага того, кому оно уже предоставлено, если тот его соискатель, которому оно не досталось, не оспаривает акт его предоставления сопернику, или даже если оспаривает, но за пределами, заданными мерой терпимости к неопределенности положения соискателей блага и (или) ресурсной мощностью самой системы. Как хорошо видно, тезис о неприменимости публично-правовых критериев (здесь – системных стандартов) к рассмотрению частных дел и в том числе к допуску их к надзорному (иному подобному) пересмотру, вполне подтверждается и в терминах системного дискурса. Стандарты деятельности, о которых мы здесь говорим, –

это, конечно, законность, объективность, разумность сроков судебного разбирательства, а также (впрочем, уже во вторую очередь) производительные издержки. Для удовлетворения системного публичного интереса в обеспечении соответствия деятельности по осуществлению правосудия этим стандартам, как уже отмечалось, имеется широкий набор методов, который не имеет смысла здесь упоминать: ясно, во всяком случае, что все они являются инструментами надзора как организационно-управленческого, а не процессуального института.

Во-вторых, есть публично-правовой интерес в качественном уровне тех параметров правовой системы в целом, которые напрямую или косвенно задаются эффективностью системы правосудия по частным спорам. Это прежде всего *законность*, но совсем не «та» законность, которая, как мы видели, является одним из ведущих стандартов деятельности по осуществлению правосудия. Уровень законности судебных решений как один из параметров правовой системы в целом характеризует состояние еще более общего ее показателя – уровня правопорядка. Кроме того, законность в этом смысле прямо ответственна еще за одну фундаментальную ценность – доверие к суду, пренебрежение которой всегда ведет общество к моральной деградации, а затем к энтропии; в свою очередь, в обществе, располагающем этим благом, неизбежно возникает здоровая среда для роста гражданского оборота, ибо раскрепощается деловая активность. Но законность в контексте ценностей правовой системы в целом является не стандартом судопроизводства, а как раз его непосредственным продуктом. Именно в этом, мы уверены, кроется когнитивное объяснение вменения судопроизводству по гражданским делам публичного интереса, – вменения, как видно из предшествующего изложения, основанного на простой подмене понятий, точнее говоря, на подмене системного *стандарта* судопроизводства одной из ценностей принципиально иной, пусть и, конечно, родственной системы («правовой системы в целом»), по отношению к которой этот стандарт оказывается как раз продуктом первой системы; из-за того, что эту первую систему, т. е. судопроизводства по частным делам, начинают описывать в терминах правовой системы в целом, ей непроизвольно придают те продуктивные свойства, которых у нее нет.

К ценностям правовой системы относится и уровень неколлизионности права или отсутствия лакун в правовом регулировании. Невозможно, далее, отрицать и того, что часть вопросов права отнюдь не должна разрешаться нормативно: со многими успешно справится ответственная судебная система, но, разумеется, не путем использования частноправового спора в качестве сырья для построения новых доктрин. Подобно законности, эти ценности для правовой системы являются продуктом судебной деятельности, хотя отличие в том, что для последней они даже не являются стандартом эффективности, – они ей совершенно трансцендентны.

Россия заслужила своей историей нетерпимость к удовлетворению публичных нужд, подобным перечисленным, за счет частных интересов. Кому как не нам знать, что насаждение «законности» как самоценного и потому irrelevantного частному спору публичного интереса неминуемо предполагает тотальность контроля за функциональной эффективностью судебной системы и гарантирует ее деградацию вследствие постепенной утраты независимости. Но и практика Европейского Суда по правам человека, включая применяемые им устойчивые доктрины, по сию пору никаких поводов для вменения публичных интересов в критерии преодоления *res judicata* не дает. Единственным основанием как для допуска к пересмотру, так и для отмены решений, вступивших в законную силу, ЕСПЧ, начиная с дела Рябых, признает лишь те, что вынесены с «существенными ошибками»³¹, а в решении по делу Лучкиной к таковым были отнесены «существенные процессуальные нарушения», «злоупотребления полномочиями» и «юрисдикционные ошибки»³², причем последние включают существенные ошибки в применении норм материального права³³. Попытка же представить «существенные ошибки» как такое основание для пересмотра и для отмены

³¹ *Ryabykh v. Russia*. N 52854/99, 24 July 2003 § 52. – Данное положение десятки раз клонировалось в других решениях Суда.

³² «a jurisdictional error, serious breaches of court procedure or abuses of power» (*Luchkina v. Russia*. N 3548/04, § 21, 10 April 2008).

³³ Расширенная версия доктрины *jurisdictional error*, которая включала серьезные ошибки в применении материального права, получила признание в деле *Anisminic*. <http://www.nadr.co.uk/articles/published/Arbitration%20OlderReports/Anisminic%201968.pdf> об этом также, напр., Dr. Ian Ellis-Jones. The Doctrine of Jurisdictional Error. <http://www.slideshare.net/ianellis-jurisdictional-error>

судебных решений, которое заключалось бы в нарушении публичных интересов, как и всякое толкование, расходящееся с природой интерпретируемого понятия, неизбежно впадала бы как в расширительную, так и в ограничительную дефектность. С одной стороны, вполне ясно, что не все судебные решения, повод для отмены которых состоял бы в том, что опровергающие их постановления могли бы «способствовать совершенствованию правового регулирования или обеспечению единообразного толкования закона», а также «разрешать вопросы права, имеющие принципиальное значение для общества», должны являться ошибками, тем более существенными; с другой же стороны, ничем нельзя было бы объяснить, почему в тех случаях, когда решение считалось бы ошибочным, и даже существенно, ввиду несоответствия какому-либо из перечисленных публично-значимых критериев, следует отрицать возможность – куда, конечно же, более вероятную, ибо речь пойдет о нарушении частных интересов, – существенной ошибочности решений, для пересмотра которых нет указанных Комитетом министров в 1995 г. оснований.

Итак, когнитивная аберрация (законность, как функциональный стандарт деятельности судов по разрешению гражданских споров, в контексте правовой системы выступает как продукт этой функции, что провоцирует ошибочную конвертацию этого стандарта в цели правосудия), когнитивный пиетет (приверженность юридически инвалидным стандартам) и когнитивная косность (желаемое, тоталитарная парадигма, мнится действительным, каковым является парадигма нефеодалная) приводят юридическую науку к вменению неспособных к вменению интересов и к оправданию нарушения примордиального юридического табу на публично-правовое вмешательство в частные правоотношения. В одном иллюстративном фрагменте, чтобы показать недопустимость выхода за пределы доводов надзорной жалобы в интересах «законности»³⁴, Е. А. Борисова прибегает к возвышенной (и подкрепленной ссылками на Канта и Хайека) аргументации в терминах оппозиции частного и публичного интереса («правление... при котором подданные... неспособные различать, что для них на деле полезно, а что вредно, принуждены оставаться пассивными, ожидая от главы государства суждения о том, как им надлежит быть счастливыми, такое правление есть величайший деспотизм»), но затем благословляет выход за доводы жалобы в случаях, «которые должны быть предусмотрены нормами права... с определенным содержанием», и «в этой связи более конкретным [чем на интересы законности] является указание на интересы государства, общества, неопределенного круга лиц»³⁵. Аргумент имел бы вес, когда речь шла бы о нормативном ограничении частной свободы, желательном юридически активном на момент возникновения частного правоотношения³⁶ и, критически важно, реализуемом фактически заявленным третьим лицом (властным органом) требованием в защиту подразумеваемого публичного блага, но он неприложим к попытке обосновать поспраие по собственной инициативе суда частного правоотношения, составляющего предмет спора, для защиты любых, пусть бы и детально конкретизированных нормой права интересов. Поэтому даже если допустить, что суды высших инстанций, рассматривая надзорные жалобы, выходят за пределы их доводов для того, чтобы восполнить дефицит юридической эрудированности тяжущихся для их же блага, то такой патернализм, при всей его предосудительности, был бы куда более легкой формой деспотизма, чем инициативное вмешательство суда в спорное, причем крайне болезненное (коль скоро тяжба дошла до высшей инстанции) для сторон частное правоотношение в неприкрыто публичных целях. Но, кроме того, очевидно, что, поступаясь частными интересами в частном же споре во имя законности, высшие суды радуют отнюдь не о частном благе, а о публичном – во имя превратно понятой (или поданной) собственной миссии: законность, как это было показано выше, является стандартом судебной деятельности. И если сопоставлять перечисленные оправдания для публичного вмешательства по степени определенности, то легко видеть, что законность безусловно является более верифицируемым коррелятом, нежели интересы, преподносимые как европейские стандарты.

³⁴ Полемизируя с процитированным выше высказыванием В. М. Жуйкова.

³⁵ Борисова Е. А. Проверка судебных актов по гражданским делам.

³⁶ В ч. 2 ст. 422 ГК в нынешней редакции, как известно, допускается, пусть и в виде исключения, ретроактивное ограничение договорной свободы на уровне федерального закона.

Впрочем, как и любое носящее характер оккупации действие в силу своей волевой сущности, нынешняя публичная экспансия в частном праве (в полном согласии с учением последнего) мало нуждается в каких-либо, тем более научных, обоснованиях. Но и не препятствует пока тому, чтобы показать их полное отсутствие.

Аннотация. Нынешняя экспансия публично-правовых оснований отмены вступивших в силу судебных актов почти не встречает препятствий в современном легальном дискурсе. Однако вопрос о том, насколько такие основания терпимы в принципе, не может не поставить теория устойчивости судебных гражданских прав, над которой работает автор этой статьи. Проведенное исследование убедило его в отрицательном ответе.

Ключевые слова. Принцип правовой определенности, частный и публично-правовой интерес, устойчивость субъективных гражданских прав, пересмотр вступивших в законную силу решений, европейские стандарты правосудия по гражданским делам.

Annotation. The public-law remodeling of the grounds on which a res judicata court decision can be quashed is clearly underway in the Russian procedural law yet face little backlash in the legal studies of the day. However whether this conquest is at all tolerable is an issue by no means to be ignored within the individual rights sustainability theory the author of this article has been developing for a number of years. His answer to the proposed question is negative.

Keywords. Private and public interest in supervisory review of legally binding decisions, principle of legal certainty, sustainable rights theory, European standards of civil litigation.

И. И. Дубровская
I. I. Dubrovskaya

ПРИМЕНЕНИЕ СРОКА ИСКОВОЙ ДАВНОСТИ К ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ, СРОК ИСПОЛНЕНИЯ КОТОРЫХ ОПРЕДЕЛЕН МОМЕНТОМ ВОСТРЕБОВАНИЯ, В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

APPLICATION OF LIMITATION TO COMMITMENTS WHOSE EXECUTION DATE DETERMINED BY THE TIME DEMAND

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) содержит только одну общую норму, в которой устанавливается срок исковой давности к обязательствам, срок исполнения которых определен моментом востребования. Так, в соответствии со вторым абзацем п. 2 ст. 200 ГК РФ по обязательствам, срок исполнения которых не определен либо определен моментом востребования, течение исковой давности начинается с момента, когда у кредитора возникает право предъявить требование об исполнении обязательства, а если должнику предоставляется льготный срок для исполнения такого требования, исчисление исковой давности начинается по окончании указанного срока.

Представляется, что конструкция «с момента, когда у кредитора возникает право предъявить требование об исполнении обязательства», использованная законодателем, является неудачной, так как на практике между судами возникают споры относительно того, с какого момента следует исчислять начало течения исковой давности: с момента возникновения обязательства или с момента предъявления требования об исполнении.

С одной стороны, право требовать исполнения обязательства возникает у кредитора с момента возникновения обязательства, в таком случае исковая давность начинала бы течь с момента возникновения обязательства и составляла бы по общему правилу три года, а обязательства со сроком до востребования не отличались бы в этом смысле от обязательств с определенным сроком исполнения.

Именно так толкуют ст. 200 ГК РФ Т. В. Шпачева¹, С. Сарбаш².

При другом подходе исковая давность начинает течь с момента предъявления требования об исполнении обязательства. Тогда возникает проблема нарушения интересов должника, который находится в состоянии постоянного ожидания, и злоупотребления правом со стороны кредитора, а обязательства до востребования становятся бессрочными по своей сущности.

Данного подхода к толкованию ст. 200 ГК РФ придерживаются М. Я. Кириллова, П. В. Крашенинников³.

Разные толкования данной нормы права нашли свое отражение и в решениях судов.

Так, в постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 25 марта 2005 г. по делу № А05-7014/04-23 суд кассационной инстанции придерживается первого подхода к определению начала течения срока исковой давности⁴.

По мнению суда, срок возврата займа договором от 21 мая 1997 г. не установлен. Право требования возврата переданных Обществу денежных средств возникло 22 мая 1997 г. Срок исполнения данного исполнения наступил 22 июня 1997 г. Следовательно, срок исковой давности по основному требованию истекал 22 июня 2000 г. Иск заявлен 31 мая 2004 г., т. е. с пропуском срока исковой давности.

Таким образом, в данном случае суд не видит разницы между обязательствами с определенным сроком исполнения и обязательствами со сроком до востребования, сводя обязательства, срок исполнения которых определен моментом востребования, к обязательствам, срок исполнения которых заранее известен сторонам. Начало течения срока исковой давности суд определяет не с момента востребования исполнения со стороны кредитора, а с момента возникновения самого обязательства. Это, в свою очередь противоречит сущности исковой давности, которая применяется для защиты права по иску лица, право которого нарушено. В данном случае кредитор не мог знать о том, что его право будет нарушено сразу после заключения договора займа и до предъявления требования об исполнении обязательства.

В постановлении Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 5 июня 2001 г. № Ф03-А49/01-1/972 суд кассационной инстанции придерживается второго подхода при определении начала течения срока исковой давности по обязательствам до востребования⁵.

Суд кассационной инстанции сделал вывод о правомерном возложении судом апелляционной инстанции ответственности по уплате оставшейся части задолженности доли незавершенного строительства на ответчика согласно ст. 200, 314 ГК РФ.

Ссылаясь на ст. 314 ГК РФ, суд кассационной инстанции указал, что течение срока исковой давности начинается по истечении семидневного срока с момента востребования.

Таким образом, суды одного уровня (кассационной инстанции) сделали противоположные выводы относительно одного вида обязательств – обязательств до востребования, не только по-разному истолковав ст. 200 ГК РФ о начале течения срока исковой давности

¹ Шпачева Т. В. Обобщение судебной практики по применению исковой давности // Арбитражные споры. 2007. № 2.

² Сарбаш С. Время и место исполнения обязательства // Хозяйство и право. 2004. № 12. С. 14.

³ Кириллова М. Я., Крашенинников П. В. Сроки в гражданском праве. Исковая давность. М., 2007. С. 33.

⁴ СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Там же.

по таким обязательствам, но и по-разному интерпретировав самое существо таких обязательств и их правовую природу.

15 марта 2005 г. Верховным Судом Российской Федерации при рассмотрении искового заявления о взыскании долга на основании договора займа был сделан следующий вывод: «В обязательствах, срок исполнения которых не определен либо определен моментом востребования долга кредитором, течение срока исковой давности начинается не со времени возникновения обязательства, как ошибочно посчитал суд надзорной инстанции, а с момента, когда кредитор предъявит должнику требование об исполнении обязанности. При этом если должнику предоставляется льготный срок для исполнения такого требования, исковая давность исчисляется с момента окончания льготного срока»⁶.

Нельзя не согласиться, что второй подход представляется более правомерным исходя из следующего.

В соответствии со ст. 195 ГК РФ исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено. Согласно п. 1 ст. 200 ГК РФ течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права.

Следовательно, исходя из общего смысла применения исковой давности, исковая давность начинает течь не ранее того момента, когда право было нарушено. В случае с обязательствами до востребования кредитор может узнать о том, что его право нарушено только после того, как предъявит требование об исполнении обязательства. Поэтому и исковая давность начнет течь либо по прошествии семидневного льготного периода после получения должником требования кредитора, либо по прошествии срока, предусмотренного сторонами или применяемого законом или обычаем делового оборота, либо сразу после предъявления такого требования, исходя из сущности обязательств, в зависимости от наличия или отсутствия льготного срока.

«Согласно этому подходу в абзаце втором п. 2 ст. 200 ГК РФ под “правом предъявить требование об исполнении обязательства” следует понимать возможность предъявить иск и таким образом реализовать нарушенное право»⁷.

Однако такой подход к определению начала исчисления исковой давности ставит одну из сторон обязательства – кредитора в привилегированное положение, так как кредитор не ограничен в сроке предъявления требования к исполнению, в то время как нарушаются интересы другой стороны обязательства – должника, находящегося в постоянном ожидании исполнения. Это может привести, как было уже отмечено, к появлению бессрочных обязательств, а также к злоупотреблению кредитором своими правами, который сможет по истечении значительного периода времени после возникновения обязательства обратиться в суд с требованием о его исполнении.

При заключении международных коммерческих договоров в соответствии с Принципами международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА)⁸ риск появления бессрочных обязательств устраняется посредством предоставления стороне договора права отказаться от договора или от отдельного его условия, если в момент заключения договор или какое-либо его условие неоправданно создавало чрезмерное преимущество для другой стороны. По просьбе стороны, имеющей право на отказ от договора, суд вправе изменить договор или его условие с тем, чтобы привести его в соответствие с разумными коммерческими стандартами честной деловой практики (п. 3.10).

Несмотря на сложившуюся и поддерживаемую большинством ученых точку зрения, согласно которой бессрочные обязательства являются в некоторой степени злом, возможно применить к ним и иной подход, согласно которому иногда бессрочные обязательства могут являться всеобщим благом. Приведем некоторые примеры.

⁶ Определение Верховного Суда РФ от 15.03.2005 г. № 59-В04-8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 9.

⁷ Протокол заседания гражданско-правовой секции Научно-консультативного совета при Высшем Арбитражном Суде РФ от 15 октября 2008 г. № 8 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Закон. 1995. № 12.

Так, обязательства по защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ, а также возникающие из причинения вреда жизни или здоровью гражданина, в том числе причиненных радиационным воздействием, являются обязательствами со сроком исполнения, определенным моментом востребования, так как на требования по исполнению указанных обязательств исковая давность не распространяется (ст. 208 ГК РФ, ст. 58 Федерального закона от 21 ноября 1995 г. «Об использовании атомной энергии»⁹).

Или, например, на требования по целевым долговым обязательствам Российской Федерации исковая давность не распространяется¹⁰, так же, как она не распространяется и на требования собственника или иного владельца об устранении всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения не были соединены с лишением владения (ст. 208 ГК РФ).

Такие бессрочные обязательства являются, в свою очередь, всеобщим благом для граждан, поскольку направлены на защиту их имущественных и неимущественных прав и интересов.

Таким образом, очевидна необходимость внести изменения в действующее законодательство, а именно в нормы об исковой давности – например, ограничив право кредитора требовать исполнения обязательства посредством установления дополнительного срока исковой давности непосредственно на действие права кредитора, на востребование исполнения по обязательству с момента возникновения последнего. В таком случае действовало бы два срока исковой давности: один – на право требования исполнения, т. е. на само востребование, а другой – на предъявление иска с требованием исполнения после предъявленного требования. Это сократило бы срок судебной защиты при очень длительном непредъявлении требований исполнения обязательств, но в то же время такое видение решения проблемы предусматривает достаточный срок для защиты обязательств до востребования.

Схожего мнения придерживается С. Сарбаш, считающий, что следовало бы ограничить возможность предъявления кредитором требования определенным сроком. В противном случае вероятны ситуации, при которых при истечении разумного срока исполнения должник, не исполнивший этого обязательства в срок, получал бы от кредитора требование через весьма значительный промежуток времени (через пять, десять и более лет).

Такое положение вещей, по мнению автора, способно привести к существованию вечного обязательства. Автор предлагает такое законодательное решение данной правовой проблемы, согласно которому обязательство должно считаться просроченным с момента предъявления требования кредитором и с этого момента должен начинаться течь срок исковой давности. В законодательстве может быть установлен максимальный срок исковой давности, который исчислялся бы с момента возникновения обязательства¹¹.

Интересна в связи с этим позиция относительно рассматриваемой проблемы, отраженная в п. 7.3 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, согласно которой законодательно возможно выработать компромиссную модель регулирования, которая, с одной стороны, исключала бы судебную защиту требований, возникших значительно ранее их осуществления (десять и более лет тому назад), но, с другой стороны, не вводила бы неприемлемо краткий для оборота срок судебной защиты обязательств до востребования (три года с момента возникновения обязательства)¹².

В новой редакции ГК РФ, принятого Государственной думой Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении (27 апреля 2012 г.), п. 2 ст. 314¹³ претерпевает значительные изменения. Так, согласно данной статье в случаях, когда обязательство не предусмат-

⁹ СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4552.

¹⁰ Федеральный закон от 12.07.1999 г. № 162-ФЗ «О порядке перевода государственных ценных бумаг СССР и сертификатов Сберегательного банка СССР в целевые долговые обязательства Российской Федерации» // Там же. 1999. № 29. Ст. 3683.

¹¹ Сарбаш С. Исполнение обязательств // Хозяйство и право. 2009. № 3. С. 33.

¹² Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 г.) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

¹³ Гражданский кодекс Российской Федерации (в ред. Проекта Федерального закона № 47538-6) // СПС «КонсультантПлюс».

ривает срок его исполнения и не содержит условий, позволяющих определить этот срок, а равно в случаях, когда срок исполнения обязательства определен моментом востребования, обязательство должно быть исполнено в течение семи дней со дня предъявления кредитором требования о его исполнении, если обязанность исполнения в другой срок либо незамедлительно после предъявления требования не предусмотрена законом, иными правовыми актами, условиями обязательства или не вытекает из обычаев либо существа обязательства.

При непредъявлении кредитором требования об исполнении такого обязательства в разумный срок должник вправе потребовать от кредитора принять исполнение, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами, условиями обязательства или не вытекает из обычаев либо существа обязательства.

С одной стороны, при такой редакции статьи круг обязательств, относимых к обязательствам со сроком до востребования, расширяется. Так, к обязательствам со сроком до востребования законодатель относит в том числе обязательства, срок исполнения которых не указан и который нельзя определить.

Однако, с другой стороны, законодатель таким построением нормы права, при котором должник по истечении разумного срока вправе самостоятельно потребовать принять исполнение, фактически упраздняет существование обязательств, срок исполнения которых определен моментом востребования, так как кредитор становится обязанным потребовать исполнения в пределах разумного срока, а не в срок по своему усмотрению. Иными словами, востребование в данном случае становится равным разумному сроку и им заменяется. Должник получает право потребовать принять исполнение, что полностью противоречит правовой природе обязательств, срок исполнения которых определен моментом востребования.

Единственной возможностью для кредитора определить момент востребования по своему усмотрению здесь является диспозитивность данной нормы права, что, однако, предполагает обязанность по указанию в условиях исполнения обязательства на то, что срок исполнения таких обязательств равен востребованию со стороны кредитора.

Пункт 2 ст. 200 ГК РФ также претерпел существенное изменение. Так, законодателем четко определено, что по обязательствам, срок исполнения которых не определен либо определен моментом востребования, срок исковой давности начинает течь со дня предъявления кредитором требования об исполнении обязательства, а не с момента возникновения права предъявить требование об исполнении обязательства.

Законодатель устанавливает, что срок исковой давности во всяком случае не может превышать десяти лет со дня возникновения обязательства.

Однако возникает вопрос, что считать днем возникновения обязательства со сроком до востребования – день, с которого возникает право требования, или день, с которого возникает обязанность исполнения обязательства.

Если под днем возникновения обязательства понимать день возникновения права требования исполнить его, то, следовательно, законодатель устанавливает срок исковой давности на право предъявления требования об исполнении обязательства, т. е. на востребование. Тем самым устраняется риск появления бессрочных вечных обязательств, должник становится более защищен, так как срок его ожидания не может превышать предельно установленных десяти лет. Кредитор, в свою очередь, станет менее привилегирован, так как его право востребования ограничивается определенным сроком, в течение которого он вправе потребовать исполнения обязательства.

С одной стороны, нельзя не согласиться с правильностью подхода законодателя, который устанавливает срок исковой давности на право требования значительно больший и тем самым устраняет возможность со стороны кредитора злоупотреблять своим правом. Однако, с другой стороны, такое ограничение нарушает природу самого обязательства со сроком до востребования, которое теперь ограничено и может быть осуществлено только в пределах установленного срока.

Поэтому представляется более правильным применение изложенного выше подхода, т. е. установление в действующем законодательстве двух сроков исковой давности: один – на право требования исполнения, т. е. на само востребование, а другой – на предъявление иска с требованием исполнения после предъявленного требования.

Аннотация. В статье рассматривается применение срока исковой давности к обязательствам, срок исполнения которых определен моментом востребования. Рассмотрены такие проблемы, как определение начала течения срока исковой давности, появление бессрочных обязательств, предлагаются пути их решения. Изложены подходы авторов современности, тем или иным образом рассматривавших применение срока исковой давности к данным обязательствам, дана правовая оценка их выводам. Проанализированы основные подходы судов к применению исковой давности к данным обязательствам, нашедшие отражение в приводимых судебных решениях.

Ключевые слова. Обязательство, исковая давность, срок, требование, востребование, исполнение, кредитор, должник.

Annotation. The article deals with the application of prescription to the obligations with time performance determined with a moment of demand. The author investigates such problems as the determination of the commencement of prescription, the emergence of continuing obligations and offers the ways of their solution. She sets out the approaches of those authors who investigated the problem of the prescription applicability to these obligations, and estimates their conclusions in the article. The author analyzes the main approaches of courts to the prescription applicability to these obligations, which are reflected in the cited court decisions.

Keywords. Obligation, limitation of action, term, claim, claiming, performance, creditor, debtor.

В. А. Сапун, Я. В. Турбова
V. A. Sapun, Y. V. Turbova

НОРМАТИВНОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

NORMATIVE AND INDIVIDUAL IN LAW ENFORCEMENT

Правоприменение и его результат в виде правоприменительного акта являются необходимым правовым средством защиты человека и гражданина. Правоприменительная деятельность, как организационное выражение применения права, – это важнейший способ защиты прав человека, в котором сочетается нормативное и индивидуальное регулирование. Вот почему проблема применения права и правоприменительной деятельности в сочетании нормативного и индивидуального в центре внимания российской юридической науки с до-революционных времен. В 1913 г. опубликована книга Е. В. Васьковского «Руководство к толкованию и применению законов», где процесс применения законов представлен в виде силлогизма, большей посылкой которого «служит законодательная норма или ряд норм»¹, чем подчеркивалась нормативная основа применения права.

В первые десятилетия советской власти общетеоретические вопросы правоприменения рассматривались под углом зрения революционного правосознания и социалистической законности в условиях правового нигилизма и отношения к праву как к буржуазному явлению.

Значительный прорыв в исследовании проблем правоприменения сделан в 50–60-е годы прошлого столетия. Началом дискуссии о применении права послужили статьи И. Е. Фарбера, Д. А. Керимова, А. М. Васильева, П. И. Галанзы, опубликованные в 1954 г. в журнале «Советское государство и право»². Итоги дискуссии были подведены в 1955 г., где сделан вывод о государственно-властном характере применения права и органах, обладающих государственно-властными полномочиями, как субъектах применения права³. В 1960 г. публикуется первая крупная монография П. И. Недбайло «Применение советских правовых норм», первая глава которой посвящена характеристике норм права как нормативной основе правоприменительной деятельности⁴. В этой работе П. И. Недбайло впервые поставил вопрос о применении как способе реализации права, кроме того, сделан вывод о том, что субъектами правоприменительной деятельности могут быть не только государственно-властные органы, но и сами граждане, которые проявляют активность в процессе применения права. И хотя эти положения не были поддержаны большинством ученых, но в дальнейшем не без влияния работы П. И. Недбайло разработана новая категория в общей теории права правовой активности граждан, в том числе в процессе применения права.

В последующие десятилетия, в 70-80-е годы XX столетия наблюдается «бум» выхода в свет крупных монографий, в которых последовательно рассматриваются проблемы применения и правоприменительной деятельности, в том числе при пробелах в праве, соотношении применения права и законности. Это прежде всего работы В. В. Лазарева о применении права, правоприменительных актах, психологическом механизме применения права, деятельности правоприменителей при пробелах в праве⁵, а также монографии И. Я. Дюрягина, Н. Н. Вопленко⁶. Не обходит вниманием проблемы применения и отраслевая юридическая литература⁷. И, наконец, в предперестроечный период выходит последняя в общей теории права коллективная монография, целиком посвященная правоприменению как виду управленческой деятельности в сфере правового регулирования⁸.

В современный период исследования проблем правоприменительной деятельности в аспекте правоприменительной деятельности продолжаются. От общих проблем правоприменения исследователи переходят к специальным вопросам правоприменительной техники, правоприменительным процедурам, соотношению нормативного и индивидуального в правоприменительной деятельности, правоприменительной практики в целом⁹.

Вместе с тем настоятельно требуют специальных исследований следующие дискуссионные и нерешенные проблемы правоприменения:

– различие и особенности применения права как факультативной стадии правового регулирования и правоприменительной деятельности – организационного средства, направленного на осуществление применения права¹⁰;

² Статьи И. Е. Фарбера, Д. А. Керимова, А. М. Васильева, П. И. Галанзы о применении норм советского права (Советское государство и право. 1954. № 4-7).

³ К итогам дискуссии о применении норм советского права // Там же. 1955. № 3.

⁴ Недбайло П. И. Применение советских правовых норм. М., 1960.

⁵ Лазарев В. В. 1) Применение советского права. Казань, 1972; 2) Эффективность правоприменительных актов (вопросы теории). Казань, 1975; 3) Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982.

⁶ Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. Свердловск, 1973; Вопленко Н. Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1983.

⁷ Колмыков Ю. Х. Вопросы применения гражданско-правовых норм. Саратов, 1976.

⁸ Правоприменение в советском государстве / Отв. ред. И. Н. Кузнецов, И. С. Самощенко. М., 1985.

⁹ Загайнова С. К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М., 2002; Павлушина А. А. Теория юридического процесса: Итоги, проблемы, перспективы развития. Самара, 2005; Кашанина Т. В. Юридическая техника. М., 2007. С. 395-438; Миннирес И. А. Индивидуальное правовое регулирование: проблемы теории и практики. Иркутск, 2008; Конкретизация законодательства как технико-юридический прием правотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики / Под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2008; Логинов А. С. Правоприменительная техника. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011.

¹⁰ Исследователи проводят строгое различие между применением права как стадией правового регулирования и организационно-правовыми формами ее осуществления. «Правоприменительная деятельность, – пишет С. С. Алексеев, – это организационное выражение применения права, представляющая собой систему разнородных правоприменительных действий основного и вспомогательного характера, выраженных в правоприменительных актах» (Алексеев С. С. Право. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 367).

- соотношение и юридическая природа непосредственной реализации права и правоприменительной реализации как средства правового регулирования;
- различие между органами, должностными лицами, обладающими властными полномочиями, способными осуществлять правоприменительную деятельность, и правовой активностью граждан;
- различие в уровнях нормативности в сфере правоприменения, соотношение нормативного и индивидуального регулирования в правоприменительной деятельности.

Обратимся подробнее к некоторым из этих дискуссионных проблем.

Многие исследователи отмечают, что правоприменение в его типичном варианте представляет собой решение известного силлогизма: малая посылка (фактические обстоятельства дела) подводится под общую посылку (норма права), и в конечном счете выводится умозаключение, которое выражается в разрешении юридического дела правоприменителем¹¹. Это и есть типичная нормативная ситуация правоприменительного процесса, которая конкретизируется в следующих признаках правоприменения.

1. Правоприменительная деятельность носит в большей степени «обслуживающий», обеспечительный характер в отношении субъектов, осуществляющих собственные права и обязанности в процессе непосредственной реализации права. Субъекты правоприменительной деятельности, обладающие властными полномочиями, применяют правовые средства преимущественно не «для себя», не в собственных интересах, а в целях разрешения конкретного дела, в отношении других лиц. Применение права на самом деле является не формой реализации права, как утверждает в большинстве исследований¹², а особым способом реализации права, необходимым при особых обстоятельствах, когда права и обязанности по тем или иным причинам участники непосредственной реализации осуществить не могут своими собственными действиями и необходимо принятие в этих целях на нормативной основе индивидуально-конкретного властного предписания.

Таковыми обстоятельствами, вызывающими необходимость правоприменительной деятельности (правоприменительные ситуации) с использованием специальных нормативных средств являются преимущественно следующие:

- когда права и обязанности субъектов вообще не могут быть реализованы без вынесения правоприменительного решения с использованием регулятивных правовых средств (пенсионные правоотношения, права и обязанности по несению воинской службы и т. п.);
- когда определенные правоотношения проходят контроль со стороны правоприменительных органов (регистрационная правоприменительная деятельность);
- при официальном установлении при специальной юридической процедуре наличия или отсутствия конкретных фактов, имеющих юридическое значение;
- при применении мер правового поощрения («поощрительных санкций»), имеющих юридические последствия;
- если существуют препятствия в реализации субъективных прав и в результате правоприменительной деятельности необходимо устранить эти препятствия (например, возвратить вещь, неправомерно изъятую у собственника);
- в случаях неисполнения юридических обязанностей либо ненадлежащего их исполнения, когда к обязанному лицу применяются охранительно-обеспечительные правовые средства;
- при правовых «аномалиях», когда совершено правонарушение либо объективно противоправное деяние и в охранительных правоотношениях к конкретному лицу необходимо установить определенный вид и меру юридической ответственности или определить другие меры государственного принуждения. При этом акт применения права как результат юридической деятельности на основе санкции охранительной нормы служит обязательным основанием юридической ответственности как специального охранительного правового средства.

Таким образом, правоприменительные ситуации наглядно подтверждают факультативный, правообеспечительный характер этого вида деятельности, отличающегося высшим уровнем нормативности.

¹¹ Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М., 1996. С. 228.

¹² См., напр.: Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. С. 8-10.

2. По своему содержанию правоприменительная деятельность всегда является особой разновидностью властной юридической деятельности. Субъектами правоприменения выступают лишь те лица (индивидуальные субъекты или организации), которые наделены властными полномочиями, обладают специальной правосубъектностью. Решения субъектов такой деятельности (правоприменительные акты) – основные и вспомогательные, регулятивные и охранительные – обладают определенной юридической силой, обязательны к исполнению всеми лицами, на которые распространяются их действия, обеспечиваются различными правовыми средствами, в том числе мерами государственного принуждения. Вместе с тем требует уточнения довольно распространенная в юридической литературе точка зрения о государственно-властном характере правоприменительной деятельности, когда к субъектам применения права относят исключительно государственные органы, должностных лиц как их структурных подразделений¹³. Более точной представляется позиция В. Н. Карташова, который под правоприменением понимает не государственно-властную, а любую властную деятельность компетентных на то субъектов¹⁴. Действительно, в рамках закона и специальной компетенции правоприменительные действия и операции осуществляют муниципальные органы, а также органы управления общественных объединений, различных хозяйствующих субъектов. Не является, например, государственным органом третейский суд, который образован по соглашению сторон и в компетенцию которого может входить рассмотрение любого спора, вытекающего из гражданских правоотношений (ст. 2, 17 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации»). При этом постоянно действующие третейские суды не могут быть образованы при федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов РФ и органах местного самоуправления (ст. 3).

Вместе с тем это не означает, что субъектами правоприменительной деятельности могут быть граждане и иные «невластные» лица. В российской общей теории права можно считать преодоленным ошибочное суждение, выраженное в работах П. Е. Недбайло о гражданах как субъектах применения права¹⁵. Как показала дальнейшая углубленная проработка этой проблемы, верным оказался вывод участников дискуссии о применении норм права прошлых лет: «Норму права нельзя применять по отношению к собственному поведению, она всегда применяется по отношению к другому лицу органом, имеющим на то властные полномочия»¹⁶. В отношении граждан более корректным представляется категория правовой активности.

3. Правоприменительная деятельность осуществляется в режиме разрешительного типа регулирования с использованием императивных правовых средств регулятивного и охранительного значения в строгих процессуально-процедурных формах.

Правовое содержание правоприменительной деятельности выражается всегда в процессуально-процедурных формах ее осуществления, с применением специальных процессуальных правовых средств и юридических процедур¹⁷ и носит строгий формализованный характер. Такая формализация правоприменительной деятельности направлена, во-первых, на обеспечение реализации субъективных прав и обязанностей участников правоотношений в соответствии с нормами материального права; во-вторых, на осуществление самой правоприменительной деятельности в рамках определенных процессуальных правил и юридических процедур, выполнение которых способствует правильному и быстрому разрешению юридических дел. Процессуальные правовые средства являются

¹³ Правоприменение в советском государстве / Отв. ред. И. Н. Кузнецов, И. С. Самощенко. С. 18.

¹⁴ *Карташов В. Н.* Введение в общую теорию правовой системы общества. Ярославль, 1997. Ч. 3. С. 20.

¹⁵ *Недбайло П. Е.* Применение советских правовых норм. С. 127–133 и след.

¹⁶ К итогам дискуссии о применении норм советского права // Советское государство и право. 1955. № 3. С. 51.

¹⁷ Юридическая процессуальная форма / Под ред. В. М. Горшенева и П. Е. Недбайло. М., 1976. С. 26–40; Управленческие процедуры / Отв. ред. Б. М. Лазарев. М., 1988. С. 68–69; *Протасов В. Н.* Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991. С. 100 и след. – При этом в новейших исследованиях проводится различие между правовой процедурой как особым нормативно-установленным порядком осуществления юридической деятельности и юридическим процессом как комплексом юридических процедур (*Яковенко О. В.* Правовая процедура. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 7).

своеобразным юридическим инструментарием правоприменителей, без использования и овладения которых не могут быть обеспечены требования, предъявляемые к правоприменительной деятельности и ее результату – правоприменительным актам. При этом, закрепляя правомочия компетентных органов по осуществлению правоприменительной деятельности, законодатель в большинстве случаев предписывает активную деятельность субъектов¹⁸, без которой невозможно разрешение стоящих перед правоприменителем задач.

4. Правоприменительная деятельность по уровню использования правовых средств относится к разновидностям *профессиональной* юридической деятельности. К иным видам такой деятельности относятся правотворческая деятельность, направленная на разработку, принятие, введение в действие нормативно-правовых актов; интерпретационная деятельность по официальному нормативному толкованию правовых норм, в результате которой вырабатываются правовые положения и правовые позиции, имеющие обязательное значение для реализации правовых норм. И дело не только в том, что профессиональная юридическая деятельность «всегда связана с юридической профессией»¹⁹. Правоприменительная деятельность в любой ее разновидности (судебная, прокурорская, нотариальная, управленческая и др.) требует определенной профессиональной подготовки и квалификации, умений, навыков, готовности к применению специальных правовых средств при разрешении юридических ситуаций. Субъекты такой деятельности в некоторых случаях могут не иметь юридической квалификации дипломированного юриста-профессионала, но они должны обладать специальными юридическими знаниями, умениями, навыками для производства необходимых действий и операций по применению правовых норм. Именно в этом ее отличие от фактического правомерного поведения и правовой активности субъектов при непосредственных формах реализации права в повседневных отношениях.

Указанные признаки правоприменительной деятельности характеризуют типичные ситуации в правоприменительной деятельности и требуют двух уровней нормативности. Высший уровень нормативности проявляется при осуществлении правонаделительной и правообеспечительной функций правоприменения. Именно выполнение этих функций характеризуется всеми признаками типичных ситуаций правоприменения:

- наличием норм материального права с их логической структурой в виде гипотезы, диспозиции и санкции;
- наличием процессуальных норм, направленных на упорядочение правоприменительной деятельности, придания ей процессуально-процедурной формы;
- наличием установленных законом субъектов правоприменения;
- наступлением фактических последствий, указанных в гипотезе правовой нормы.

Все эти признаки типичной правоприменительной деятельности выражают высшую степень нормативности правоприменения.

Следующий уровень нормативности характерен для применения относительно определенных правовых норм. В этих случаях правоприменение осуществляет функцию по индивидуальному регулированию общественных отношений²⁰. Суть и содержание этой функции характеризует определенное взаимодействие нормативного и индивидуального регулирования в случаях, когда принимаются решения на основе относительно-определенных правовых норм.

И, наконец, в следующем, третьем уровне нормативности проявляются так называемые нетипичные ситуации правоприменительного процесса²¹.

¹⁸ Правоприменитель всегда должен быть активен. Поэтому «правовая активность» как специальная юридическая категория не применима к характеристике правоприменительной деятельности. Инициативная работа правоприменительных органов должна быть освещена при помощи других понятий, таких как качество, эффективность и др. (Алексеев С. С. Теория права. М., 1995. С. 261).

¹⁹ Леушин В. И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. Красноярск, 1987. С. 82–83. – Близки к этому и высказанные ранее мной положения: Сатун В. А. Социалистическое правосознание и реализация советского права. Владивосток, 1984. С. 72–73.

²⁰ Алексеев С. С., Дюрягин И. Я. Функции применения права // Правоведение. 1972. № 2.

²¹ Термин «нетипичные ситуации правоприменительного процесса» введен в обиход В. В. Лазаревым в 1974 г.

К признакам нетипичной ситуации относятся следующие:

- в большей степени они характерны для сферы частного права;
- отсутствуют либо имеются существенные пробелы в нормах материального либо процессуального права;
- по своему фактическому составу они отклоняются от идеальной модели правоприменения;
- субъекты правоприменения не обладают государственно-властными полномочиями.

Индивидуальное правовое регулирование характерно в следующих нетипичных ситуациях правоприменения:

- при значительном допущении усмотрения правоприменителя;
- при осуществлении существенной конкретизации норм права;
- при восполнении либо преодолении пробелов в праве;
- при применении оценочных понятий;
- при применении норм права субъектами, не обладающими государственно-властными полномочиями.

Таким образом, индивидуальное правовое регулирование прежде всего применяется там, где законом допускается значительное свободное усмотрение правоприменителя преимущественно в сфере частного права.

Аннотация. В статье правоприменительная деятельность рассматривается как способ защиты прав человека и гражданина, в котором сочетаются нормативное и индивидуальное правовое регулирование, выделяются уровни нормативности типичной правоприменительной деятельности. Высший уровень нормативности проявляется при осуществлении правонаделительной и правообеспечительной функций правоприменения. Индивидуальное правовое регулирование проявляется в нетипичных ситуациях правоприменительного процесса и применяется там, где законом допускается значительная свобода правоприменителя преимущественно в сфере частного права.

Ключевые слова. Применение права, правоприменительная деятельность, нормативное в правоприменительной деятельности, индивидуальное в правоприменительной деятельности, уровни нормативности, индивидуальное правовое регулирование.

Annotation. Article enforcement activities is seen as a way to protect human and civil rights, which combines the normative and legal regulation of individual, stand normativity typical levels of law enforcement. Highest level of normativity manifested in the implementation pravonadilitelnoy pravoobespechitelnoy and enforcement functions. Individual legal regulation is manifested in atypical situations, the law enforcement process and is used where the law allows considerable freedom enforcer primarily with private law.

Keywords. Application of the law, law enforcement, regulatory enforcement activities, individual enforcement activities, the level of normative, individual legal regulation.

Раздел
ПРАВО И ПОЛИТИКА

В. Э. Гончаров, В. П. Елизаров
V. E. Goncharov, V. P. Elizarov

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО
ФАНДРАЙЗИНГА: МИРОВОЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА**

**LEGAL REGULATION OF ELECTION FUNDRAISING:
WORLD EXPERIENCE AND THE RUSSIAN PRACTICE**

Ученые записки юридического факультета. Вып. 31 (41). 2013

Финансовое обеспечение избирательных кампаний в последние годы стало одним из наиболее изученных элементов правового регулирования электорального процесса. Правовые нормы, регулирующие правила электорального финансирования, меняются довольно часто, причем эти изменения привлекают внимание как широкой общественности, так и самих участников избирательных кампаний. Значимость вопроса объясняется очевидным обстоятельством: в условиях электоральной конкуренции кандидаты и партии нуждаются в финансовых ресурсах для проведения избирательной кампании. При прочих равных условиях участник электорального соревнования, сумевший привлечь больший объем финансовых ресурсов, может рассчитывать на победу с большим основанием, нежели его финансово менее состоятельный конкурент. За деньги можно провести качественные исследования общественного мнения, привлечь в кампанию лучших политических консультантов, разработать привлекательный месседж и оплатить рекламное время на популярных телевизионных каналах. Гарантии победы все это не дает, но шансы на успех, безусловно, увеличиваются.

В условиях рыночной экономики и конкурентной политики данная ситуация может приводить к увеличению политической роли тех групп интересов, которые располагают значительными финансовыми ресурсами и способны поддерживать дружественные партии и их представителей либо независимых кандидатов. Часто подобное влияние на электоральный процесс со стороны групп интересов расценивается как коррупция, искажающая базовые принципы демократической политики. В ряде случаев такая оценка вполне соответствует действительности. Трудно трактовать финансовую помощь на выборах иначе, к примеру, когда некая корпорация обещает финансировать избирательную кампанию действующего мэра в обмен на последующий контракт на закупку городом производимых ею товаров или какие-либо иные экономические преференции. Однако в случае, когда речь идет о более широких вопросах экономической политики, таких, например, как предвыборные обещания снизить налог для бизнеса в обмен на финансовую поддержку со стороны городского объединения предпринимателей, считать подобную сделку элементом коррупции нет оснований. Не будет также считаться нарушением демократических принципов выдвижение тем же объединением предпринимателей собственного кандидата на пост мэра. В этом случае, так же как и в случае выдвижения на должность мэра представителя городских профсоюзов, речь пойдет скорее о представительстве интересов во власти со стороны, соответственно, бизнеса или представителей наемного труда. Так, объединение городских профсоюзов может выдвинуть собственного кандидата на эту должность и предоставить ему имеющиеся в распоряжении профсоюзов ресурсы, в том числе по финансированию избирательной

кампании кандидата за счет профсоюзных фондов. Борьба групп интересов за влияние на власть сама по себе еще не является проявлением коррупции и не противоречит закону.

Другое дело, что на практике группы интересов, связанные с бизнесом, в течение долгого времени обладали существенно большими финансовыми возможностями, чем их оппоненты, что проявлялось и в распределении электоральных финансов. В условиях публичной политики эта практика является объектом критики со стороны широких кругов общественности, что в 60-70-е годы прошлого века во многих странах Западной Европы привело к появлению законодательных норм, цель которых заключалась в ограничении финансового влияния крупного бизнеса на электоральный процесс.

Эти нормы регулировали, прежде всего, два основных элемента электоральных финансов: ограничения на предельные расходы избирательного фонда, а также установление предельно допустимого размера пожертвований в избирательный фонд кандидата или партии (избирательного объединения). По состоянию на 2000 год ограничения на предельные электоральные расходы были установлены в 32 демократических странах мира¹. Законодательство такого рода действует, в частности, во Франции, в Италии, Канаде, Японии, Индии и Бразилии. В случае США такая практика используется выборочным образом – предельные расходы установлены для уровня президентских выборов и при условии, если кандидат претендует на частичное государственное финансирование его избирательной кампании. Установление потолков предельных расходов, как правило, дополняется ограничениями на размер максимально допустимого пожертвования в избирательный фонд кандидатов и партий со стороны физических и юридических лиц. Практика установления подобных ограничений была использована и в российском избирательном праве.

Нужно сказать, что опыт правового регулирования электоральных финансов показывает, что стратегия установления потолков предельных расходов нигде не принесла тех результатов, на которые рассчитывали авторы соответствующих законопроектов. Во-первых, соблюдение установленных законом ограничений на предельные размеры электоральных расходов на практике очень трудно проконтролировать, если расходы на избирательную кампанию проводятся за пределами избирательных фондов. Более того, при достаточно низких размерах потолков нарушения данной нормы избирательного законодательства приобретают массовый характер, что в свою очередь порождает уже вполне реальную коррупцию и переводит отрасль избирательных технологий в теневую сферу с платежами «черным налом» и углубляющейся пропастью между реальной жизнью и официальными финансовыми отчетами. Во-вторых, даже в тех случаях, когда эти нормы все же претворяются в жизнь, их применение способствует предоставлению существенных преимуществ тем кандидатам, которые имеют фору в известности. Чаще всего это касается инкумбентов (политиков, занимающих выборный пост и вновь баллотирующихся на него), но распространяется также на медийных персонажей и звезд шоу-бизнеса.

Новые кандидаты оказываются в условиях, когда им необходимо потратить значительные финансовые средства только для того, чтобы сравняться в публичной известности с инкумбентами. В условиях сверхнизких потоков на расходы это бывает просто технически невозможно сделать. Поэтому законодатели, голосующие за введение низких потолков на электоральные расходы, зачастую мотивированы не только желанием снизить зависимость политиков от денежных мешков, но и стремлением облегчить собственное переизбрание.

Тем не менее законодательные ограничения подобного рода, единожды введенные, уже, как правило, не отменяются. Дело здесь не только в институциональной инерции, но и в установках общественного мнения. Большинство избирателей не только не стремятся вдаваться в детали правового регулирования избирательного процесса, но и придерживаются точки зрения, согласно которой влияние бизнеса на власть необходимо ограничивать. Таким образом, в настоящее время во многих странах мира (включая Российскую Федерацию) действующее законодательство по-прежнему предусматривает ограничения на предельные

¹ Плассер Ф., Плассер Г. Мировая практика проведения политических кампаний: анализ деятельности профессионалов и их опыта. М. 2005. С. 207-209.

суммы расходов партий и кандидатов в избирательных кампаниях, а также вводит пределы размеров пожертвований в избирательные фонды от юридических и физических лиц.

Введение предельного размера пожертвований в избирательный фонд кандидата (или политической партии) для физических и юридических лиц определялось задачей повышения уровня независимости кандидата/партии от крупного бизнеса. Предполагалось, что введение планки для предельного размера пожертвования, с одной стороны, ограничит возможности финансовой поддержки участников электорального соревнования со стороны крупных спонсоров, а с другой – создаст стимулы для финансовой поддержки отдельных кандидатов и партий со стороны рядовых граждан. На практике, однако, этого не произошло. Единственным результатом снижения планки индивидуального пожертвования стало распространение практики обхода законодательных ограничений, причем касалось это ограничений как на предельный размер пожертвований, так и на размер избирательного фонда. Самый простой способ борьбы с предельным размером индивидуальных пожертвований заключался в разбитии крупного взноса на серию мелких. К примеру, при планке на 280 тысяч рублей делался ряд банковских переводов в размере 270 тысяч рублей от имени каждого члена семьи спонсора, а также сотрудников его компании. Эти и подобные методы обхода законодательных ограничений носили универсальный характер для всех стран с конкурентной электоральной политикой².

Более того, установленные законодательные ограничения никоим образом не сказались на повышении поддержки кандидатов/партий со стороны рядовых граждан. На протяжении всей второй половины XX в. соотношение в предвыборном бюджете между крупными и мелкими взносами всегда было в пользу крупных. Изменения в направлении увеличения доли мелких пожертвований и финансового участия рядовых граждан в электоральной политике начались относительно недавно и были связаны не с законодательными нормами, а с появлением новых техник электорального фандрайзинга. Предпосылками для этих изменений стали, прежде всего, технологические новации в сфере политических коммуникаций и появление новых платежных систем. Пионером этих изменений стали США – страна с наиболее институционально развитым рынком электоральных услуг, а также лидер продвижения интернет-технологий в банковской сфере. В начале 2000-х годов здесь произошли события, получившие позже название «стодолларовой революции» в сфере электорального финансирования.

В 2004 г. в ходе борьбы за выдвижение в качестве кандидата на пост президента США от Демократической партии штаб Говарда Дина использовал новую организационную технологию сбора средств на нужды предвыборной кампании. Если раньше традиционной стратегией наполнения электорального бюджета являлась работа с крупными спонсорами, то директор по фандрайзингу кампании Дина объявил так называемую «стодолларовую революцию», обратившись за помощью в сборе средств к рядовым избирателям. Идеологическая установка фандрайзинговой кампании была сформулирована следующим образом: пожертвование в размере 100 долларов от двух миллионов американцев сделает кандидата независимым от крупного бизнеса и повысит подотчетность кандидата перед рядовыми американцами. Неожиданно для многих наблюдателей предложенная стратегия оказалась весьма успешной. Средний размер пожертвований составил около восьмидесяти долларов. За несколько месяцев Говарду Дину удалось собрать более 41 миллиона долларов, причем большая часть средств являлась пожертвованиями, сделанными малыми спонсорами через систему интернет-платежей. Из 318 884 человек, сделавших взносы в избирательный фонд Дина, только 2851 внес максимально разрешенную американским законодательством сумму в 2000 долларов, а в целом максимальные пожертвования составили только 11% всей собранной суммы³. Более того, впервые за многие десятилетия была преодолена стратегия

² Зяблук Н. Г. Выборы, деньги, коррупция // США в 2000 году / Отв. ред. С. М. Рогов, М. Г. Носов. М., 2001. С. 107; Пшизова С. Н. Финансирование политического рынка: политические аспекты практических проблем // Политические исследования. 2002. № 2. С. 40.

³ Hindman M. The Real Lessons of Howard Dean: Reflections on the First Digital Campaign // Perspectives on Politics. March 2005. Vol. 3. N 1. P. 124.

фандрайзинговой кампании, в рамках которой основным источником финансирования избирательной кампании были крупные спонсоры. Более 61% всех средств были получены от лиц, пожертвовавших в фонд Говарда Дина не более 200 долларов каждый. Примечательно, что за этот же временной период в рамках кампании по переизбранию действующего президента Джорджа Буша было собрано 130,8 млн долларов, причем 68% этой суммы составили денежные взносы максимального размера⁴. По утверждению одного из крупнейших политических консультантов США, «Дин смог доказать, что собирать средства у широкой сети интернет-жертвователей гораздо легче, дешевле, быстрее и продуктивнее, чем у небольшой группы богатых спонсоров и групп специальных интересов»⁵. И хотя Говард Дин довольно быстро сошел с дистанции президентских праймериз, успех его фандрайзинговой кампании вдохновил многочисленных последователей. Стодолларовая революция в американском электоральном фандрайзинге началась⁶.

Следующим ее этапом стала президентская кампания Барака Обамы 2008 г. Примечательно, что первым шагом кампании Обамы стал отказ от государственного финансирования. Стратегия фандрайзинговой кампании Обамы следовала принципам работы с мелкими спонсорами Говарда Дина. Первым успехом стала победа над Хиллари Клинтон, которая до того считалась фаворитом в борьбе за президентскую номинацию от Демократической партии и пользовалась поддержкой традиционных спонсоров партии. Избирательный фонд Обамы пополнялся в среднем на миллион долларов в день, притом что средний показатель пожертвований составил 86 долларов⁷. Характерные отзывы с форумов сторонников демократической партии звучали так: «Обама будет хорошим президентом США. Вот мои 10 долларов»⁸.

Кампания Обамы широко освещалась во всем мире, вызывая энтузиазм у многочисленных сторонников концепции «демократии мелких спонсоров», ожидающих, что в новых условиях большой бизнес больше не сможет оказывать доминирующее воздействие на политический процесс⁹. Однако, как показал опыт последующих избирательных кампаний, нигде за пределами США политический Интернет-фандрайзинг пока не достиг сопоставимого эффекта. Оказалось, что распространения доступа к сети и электронных платежей еще недостаточно для того, чтобы побудить избирателей финансово поддерживать идеологически близких им политиков. В Европе избиратели привыкли к тому, что государство должно создавать равные условия для конкурирующих партий за счет прямого финансирования их избирательных кампаний и обеспечения бесплатного доступа на государственное телевидение¹⁰. Кроме того, по сравнению с США в Европе значительно меньшее число граждан имеет опыт участия в благотворительности и волонтерской деятельности. Избиратели здесь склоняются к мнению, что это, скорее, политики должны позаботиться о том, чтобы завоевать их голос, а где политики ищут для этого средства, – их проблема.

Очевидно, что и в культурном, и в институциональном отношении Россия находится ближе к странам Европейского союза, чем к США. При этом по уровню распространения Интернета и систем электронных платежей Россия по-прежнему значительно отстает от развитых стран. Таким образом, ожидать быстрого проникновения технологий интернет-фандрайзинга в Россию не было оснований.

Неудивительно поэтому, что электоральный (и, шире, политический) фандрайзинг, ориентированный на мелких спонсоров, до недавнего времени в России казался заморской диковинкой, неприменимой к местным реалиям. Даже в период достаточно острой электо-

⁴ Ibid. P. 125.

⁵ Моррис Д. Конди и Хиллари. Пути восхождения к вершинам власти. М., 2007. С. 235.

⁶ Гончаров В. Э., Елизаров В. П. Демократия мелких спонсоров: как новые технологии фандрайзинга меняют электоральную политику // Российское электоральное обозрение. 2008. № 1. С. 30-40.

⁷ Там же.

⁸ Caverly D. Obama's Online Fundraising Impresses. <http://www.webpronew.com/topnews/2008/02/08obamas-online-fundraising-impresses>.

⁹ Cmar Th. Toward a Small Donor Democracy: The Past and Future of Incentive Programs for Small Political Contributions // Fordham Urban Law Journal. 2005. Vol. 32. Issue 3.

¹⁰ Anstead N. Internet and campaign finance in the US and the UK: an institutional comparison // Journal of information technology & politics. 2008. Vol. 5. Issue 3. P. 285-302.

ральной конкуренции 1990-х годов добровольные пожертвования граждан в избирательные фонды кандидатов не играли сколько-нибудь значимой роли в формировании бюджета избирательной кампании, как политических партий, так и отдельных кандидатов. Так, на парламентских выборах 1993 г. удельный вес индивидуальных пожертвований граждан в избирательных фондах кандидатов составил около 6%. В 1995 г. этот показатель равнялся 11%. На региональных выборах за период 1997-2000 гг. в избирательные фонды кандидатов поступило средств от граждан 17,3%¹¹. К тому же необходимо учесть, что значительная часть этих пожертвований представляла собой замаскированные вклады самих кандидатов, а основная часть реального финансирования избирательных кампаний и политической деятельности в целом оплачивалась «черным налогом» помимо всяких избирательных фондов. Одним из объяснений подобного положения дел было положение о том, что в российской политической культуре превалируют патерналистские установки, согласно которым скорее кандидаты на выборные посты должны делать подарки избирателям, а не наоборот.

Тем не менее в начале 2011 г. произошло событие, позволившее говорить о возможности использования передовых методов политического фандрайзинга в Российской Федерации. Это событие было связано с деятельностью известного блогера Алексея Навального. Успешный московский юрист, получивший известность поначалу в качестве адвоката, специализирующегося на защите прав миноритарных акционеров, объявил о создании нового проекта по борьбе с коррупцией под названием «РосПил». Для финансирования проекта Алексей Навальный запустил фандрайзинговую кампанию, которая, как и рассмотренные ранее американские фандрайзинговые кампании, базировалась на обращении к мелким спонсорам. Как и в случае с Говардом Дином (о кампании которого Навальный узнал в период своего обучения в Йельском университете), так и в случае с Обамой, Навальный опирался на уже имеющуюся базу социальной поддержки. Только если в случае Говарда Дина речь шла о базах данных американских избирателей, а случае Обамы – широкомасштабной работе в социальных сетях (которую организовывал один из создателей Facebook Крис Хьюз), в случае с Навальным была задействована созданная им на протяжении нескольких предшествующих лет аудитория российских социальных сетей (преимущественно Живого Журнала). Именно на эту аудиторию опирался Навальный в ходе фандрайзинговой кампании при создании «Рос-Пила» – добровольного сетевого сообщества, главной задачей которого являлось осуществление гражданского контроля над правоприменительной практикой в сфере организации государственных закупок, регулируемых федеральным законом № 94-ФЗ¹².

Первоначально была установлена следующая планка сборов: минимальный порог в размере трех миллионов рублей за год; максимальный – пять миллионов¹³. На собранные деньги планировалось нанять профессиональных юристов, в задачу которых должно входить «обнаружение и обжалование госзакупок, содержащих признаки коррупции, а также юридические действия по привлечению к ответственности должностных лиц, причастных к коррупции в сфере госзакупок»¹⁴. «Для сбора средств был открыт счет в системе “Яндекс-деньги”. Это техническое решение сразу ограничивало круг потенциальных спонсоров той частью аудитории, которая привыкла использовать электронные кошельки и совершать платежи в интернете¹⁵. Несмотря на это, а также на то, что проект «РосПил» создавался для работы только в одной социальной сфере (борьбе с коррупцией), результат фандрайзинговой кампании превзошел все заявленные ожидания. Уже за первые сутки было собрано около миллиона рублей, а максимальный заявленный порог был достигнут за 24 дня. Всего за это время в кампании по сбору средств приняли участие порядка пятнадцати тысяч человек, а средний размер индивидуального пожертвования составил 350 рублей.

¹¹ Колюшин Е. И. Финансирование выборов: право и практика. М., 2002. С. 76-77.

¹² ФЗ № 94 «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21 июля 2005 г.

¹³ Навальный А. Не прячьте ваши денежки по банкам и углам. 02.02.2011, <http://navalny.livejournal.com/547869.html>

¹⁴ Навальный А. Юристы для РосПила. 14.02.2011, <http://navalny.livejournal.com/552963.html>.

¹⁵ Гончаров В. Э., Елизаров В. П. Казус Навального: сетевой фандрайзинг как инструмент политической мобилизации // Политэкс. СПб., 2011. № 4. С. 176.

Главным результатом кампании Навального стало крушение одного из наиболее популярных мифов о национальных особенностях российской политики. Было экспериментально доказано, что все необходимые предпосылки для осуществления массового политического фандрайзинга в российских условиях уже существуют. Впервые в новой российской истории цифры сборов на проект по организации гражданского действия оказались сопоставимы с теми цифрами, которые гражданские активисты и благотворительные организации собирали на цели благотворительности. Не менее важным результатом работы по сбору средств на проект «РосПил» стал публичный эффект фандрайзинговой кампании. В течение нескольких недель Навальный стал одним из самых популярных персонажей СМИ, а его кампания стала значимым фактом публичной жизни. По результатам его выступлений состоялись публичные дискуссии, в которых приняли участие представители академического сообщества, журналистского корпуса, политических партий и правительственных агентств¹⁶.

Не удивительно, что по стопам Навального пошли другие политики. Его фандрайзинговую стратегию более или менее успешно применил Борис Немцов, собравший за месяц около двух миллионов рублей на издание доклада «Путин. Коррупция». Резкое оживление российской политики в конце 2011 г., связанное с массовыми протестами против фальсификации выборов в Государственную думу, повлекло за собой появление целого ряда новых фандрайзинговых проектов. Наиболее известным среди них стал сбор средств на оплату инфраструктуры массовых митингов в Москве. Известная журналистка Ольга Романова собрала с этой целью на своем кошельке в системе «Яндекс-деньги» около 7 млн рублей пожертвований.

Характерно, что первые успехи интернет-фандрайзинга были немедленно использованы в качестве элемента легитимации российской политики в целом. Именно так можно постепенно освободить ее от ауры запачканности «грязными олигархическими деньгами», сформировавшейся во второй половине 90-х годов. По заявлению одного из лидеров российского демократического движения Владимира Рыжкова, который также принял участие в сборе средств на политические проекты после успешного опыта Алексея Навального, «это та новая форма, которую мы сейчас начали использовать... Ни зарубежного, ни олигархического финансирования нет. То, что у нас есть, – это сбор пожертвований граждан через “Яндекс. Деньги” и поддержка малого и среднего бизнеса, прежде всего в регионах»¹⁷.

Немногочисленные примеры использования технологии сетевого фандрайзинга в российских избирательных кампаниях пока не позволяют сделать определенного вывода о степени перспективности этой технологии. Осенью 2012 г. активист московского протестного движения эколог Евгения Чирикова, заработавшая репутацию в борьбе за спасение Химкинского леса, выдвинула свою кандидатуру на выборах мэра подмосковного города Химки. После этого она обратилась к участникам очередного московского протестного митинга, состоявшегося 15 сентября 2012 г., с просьбой о финансовой и организационной поддержке. Размер пожертвования в фонд избирательной кампании кандидата на этих выборах был ограничен двумя тысячами рублей. Это ограничение соответствовало требованиям российского избирательного законодательства, установившего довольно низкую планку на размер взносов частных лиц в фонд кандидатов на муниципальных выборах. Послание Чириковой стало быстро распространяться в социальных сетях, причем его поддержали наиболее известные представители московского протестного движения. Несмотря на вполне перспективную идею, четкий месседж и неплохую организацию, результат этой фандрайзинговой кампании оказался довольно скромным. Обусловлено это было, прежде всего, техническими условиями и процедурными требованиями избирательного законодательства. Осуществить банковский платеж в современной России – не самая простая и совсем не тривиальная задача. В случае с переводом средств в избирательный фонд кандидата гражданину, пожелавшему сделать пожертвование, необходимо самому идти в банк с готовой квитанцией. Существует также более простая процедура, подразумевающая пользование услугами интернет-банкинга, однако, по состоянию на вторую половину 2012 г.,

¹⁶ Там же. С. 177.

¹⁷ Рыжков В. Неналоговая проверка партийной кассы оппозиции. <http://www.specletter.com/politika/2011-04-22/nenalogovaja-proverka-partiinoi-kassy-oppozitsii.html>.

этими услугами в РФ пользовались не более 13% граждан России¹⁸. Кроме того, законодательство не предусматривает единой формы для отправления платежей в избирательные фонды, что на практике часто приводит к неразберихе и служит основанием для отказов в приеме платежей. Многие банковские платежи были возвращены назад спонсорам, из-за различных придинок к указанию данных отправителя и получателя. В итоге в ходе кампании Евгении Чириковой удалось собрать в избирательный фонд около 500 тысяч рублей (что соответствует всего лишь 250 максимальным переводам от частных лиц)¹⁹.

Однако, несмотря на трудности, с которыми сталкиваются политики и гражданские активисты, обращающиеся к новым методам электорального фандрайзинга, можно констатировать, что интернет-фандрайзинг в современной России превратился в работающую технологию, позволяющую мобилизовать политический потенциал социальных сетей. Впрочем, о дальнейших перспективах ее развития пока судить сложно. Предложенная президентом Д. Медведевым политическая реформа, включающая такие меры, как облегчение регистрации политических партий и возвращение прямых выборов губернаторов, может стать фактором, способствующим в обозримой перспективе ликвидации грани между «системной оппозицией» и неформальным сетевым протестным движением. Если полноценная конкурентная электоральная политика будет восстановлена хотя бы на региональном уровне, у крупного и среднего бизнеса вновь появятся веские стимулы для финансирования политической деятельности, в том числе и оппозиционной. Очевидно при этом, что бизнес способен дать оппозиционным политикам больше денег, чем сетевой фандрайзинг в его нынешнем виде. С другой стороны, привлечение большого количества мелких спонсоров помогает политическим лидерам и организациям укрепить собственную электоральную базу и обеспечить более высокий уровень независимости по отношению к крупным спонсорам. Сохранится ли сетевой фандрайзинг в новых условиях или останется краткосрочным эпизодом, станет ясно к концу следующего электорального цикла.

Таким образом, мы видим, что и в Россию постепенно проникает культура массового сетевого фандрайзинга. Однако правовое регулирование данной сферы не поспевает за произошедшими изменениями. В данной ситуации, с нашей точки зрения, следовало бы всячески способствовать политическому участию граждан, осуществляемому в форме добровольного финансирования политической деятельности. Для этого требуется, прежде всего, лишь обеспечить доступность и прозрачность этой сферы, включая обеспечение инфраструктуры в виде систем электронных платежей. Необходимо также обеспечить публикацию всех финансовых документов по сбору и расходованию средств в открытом доступе на сайтах избирательных комиссий. На данный момент доступ к этой информации крайне ограничен.

Еще одним средством, способствующим расширению политического участия граждан, осуществляемого в форме финансовой помощи политическим партиям, кандидатам и общественным объединениям, может стать введение двухуровневой системы политического финансирования. В рамках такой системы пожертвования граждан аккумулируются сначала в специальных фондах, специализирующихся на политическом фандрайзинге, а затем адресно передаются политическим партиям и кандидатам, аффилированным с этими фондами. Такая система политического финансирования по образцу американских «комитетов политических действий» на сегодняшний день действует в ряде европейских стран и доказала свою эффективность. В российских условиях введение такой системы электорального финансирования позволило бы кандидатам, в особенности на местном уровне, не создавать собственную полномасштабную инфраструктуру фандрайзинга для каждой избирательной кампании, а обратиться за содействием в идеологически близкий фонд.

Действующие ограничения на предельные размеры индивидуальных пожертвований в избирательный фонд отдельно взятого кандидата должны быть скорректированы. Так, например, 2000 рублей в качестве ограничения индивидуального пожертвования, как это

¹⁸ Интернет-банкинг пользуется всего 13% россиян. 29.08.2012 <http://newsland.com/news/detail/id/1025410/>.

¹⁹ Чирикова Е. Спасибо. 12.10.2012. <http://jenya-khimles.livejournal.com/107918.html>

было на выборах в Химках, представляется неоправданно заниженной суммой, а один миллион рублей, как на губернаторских выборах в Москве, – необоснованно завышенной.

Следует также отменить действующий сегодня принцип увязывания предельного размера пожертвования гражданина в избирательный фонд кандидата с предельным размером избирательного фонда. К примеру, в Избирательном кодексе г. Москва размер добровольных пожертвований граждан в избирательные фонды кандидатов и избирательных объединений ограничен 0,5% от предельной суммы расходов средств избирательного фонда кандидата или избирательного объединения, а пожертвований юридических лиц – 3%²⁰. При этом на выборах мэра Москвы предельные расходы кандидата ограничены суммой в размере 200 млн рублей, а на выборах депутатов местного самоуправления по одномандатному округу – суммой в размере 150 тысяч рублей (400 тысяч для балотирующегося в многомандатном округе)²¹. В соответствии с этим предельный размер пожертвования гражданина колеблется от уровня 750 рублей на муниципальных выборах до миллиона рублей на выборах мэра.

В качестве ориентира для увязывания предельного размера пожертвования гражданина в избирательный фонд партии или кандидата можно было бы рассмотреть такой общепринятый социально-экономический индикатор, как минимальный размер оплаты труда или показатель средней заработной платы. Подобный опыт в российском законодательстве уже был. Так, на парламентских выборах 1995 г. максимальное индивидуальное пожертвование не могло превышать 20 МРОТ, в 1999 г. – 200 МРОТ. Для президентских выборов 1996 и 2000 гг. предельные размеры индивидуальных пожертвований составляли, соответственно, 50 МРОТ и 400 МРОТ²². В соответствии с этой практикой можно было бы установить предельный размер взноса в пределах средней заработной платы в регионе для избирательных кампаний регионального уровня.

Верхние пределы расходов кандидатов и партий можно в таком случае безболезненно отменить, как это было сделано в США, при этом одновременно введя санкции за выявленные расходы, сделанные за пределами официального избирательного фонда кандидата/политической партии. Подобные меры могут послужить легализации российской сферы политических технологий и способствовать увеличению прозрачности электорального процесса в целом.

Аннотация. В статье анализируется опыт правового регулирования электорального фандрайзинга в России и зарубежных странах. На основании анализа феномена «стодолларовой революции в электоральном фандрайзинге» делается вывод о том, что появление технологий массового политического фандрайзинга создает предпосылки для нового качества электоральной политики. Высказаны предложения об изменении российского избирательного законодательства с целью содействия массовому электоральному фандрайзингу.

Ключевые слова. Избирательное право, финансирование избирательных кампаний, электоральный фандрайзинг, сетевой фандрайзинг.

Annotation. The article concerns with the problem of law regulation of electoral fundraising in comparative perspective. The authors find that new practices of political fundraising in Russia in are a part of a wider tendency based on an ideology of democracy of small sponsors. Some proposals for improving Russian electoral law are made.

Keywords. Electoral law, political fundraising, electoral fundraising, crowd funding.

²⁰ Избирательный кодекс Москвы (Закон г. Москвы от 06.07.2005 г. № 38 (ред. от 10.07.2013). Ст. 57, п. 3 и 4.

²¹ Там же.

²² Колюшин Е. И. Финансирование выборов: право и практика. М., 2002. С. 75.

Раздел

КОНФЕРЕНЦИИ И СЕМИНАРЫ

А. А. Ливеровский
A. A. Liverovsky

ПЕТЕРБУРГСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО КОНСТИТУЦИОННОМУ ПРАВУ¹

PETERSBURG CONFERENCES OF CONSTITUTIONAL LAW

В начале XXI в. на юридическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов² совместно с юридическим факультетом Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова стали проходить ежегодные международные конференции по конституционному праву. Прошло тринадцать лет. Сложился круг ученых, регулярно посещающих заседания конференций. В нашем городе в эти дни собирается элита российского конституционализма. Приезжают видные ученые из-за рубежа. Разумеется, регулярно публикуются сообщения участников конференции. Поддержку конференций осуществляет Администрация Санкт-Петербурга. Заседания проводились не только в ФИНЭКе (здание бывшего Государственного Банка Российской Империи), но и в Президентской библиотеке имени Б. Н. Ельцина (здание бывшего Синода) и даже в Смольном³ (Питерский «Кремль»).

Пришло время задуматься о феномене появления в Санкт-Петербурге центра конституционного права. Что это – стечение обстоятельств, случайность или нечто иное⁴? Почему на небольшом, недавно созданном (1999 г.) юридическом факультете экономического вуза (не профильного для правового образования) возник правовой центр серьезного притяжения ученых.

Сначала о личном. Я пришел в правовую науку из математики. В мире точных наук приняты широкое научное общение, обмен идеями. В юридическом мире нашего города мне пришлось столкнуться с келейностью – закрытостью, с какой-то повышенной осмотрительностью в распространении правовых идей и в то же время ревнивым отношением к московским юристам. При этом нельзя отрицать величие петербургской юридической школы. Из нее вышли многие выдающиеся ученые и практики. Но... любой изоляционизм губителен для развития науки. Необходимо отметить, что Сурен Адибекович Авакьян, ученый, безусловно занимающий лидирующие позиции в организации развития конституционного права в России, отмечал это с большой горечью. Мы познакомились, случайно

© А. А. Ливеровский, 2013

¹ Данная работа, исключая вступительные заметки, носит технический характер. Итоговый обзор за 13 лет подготовлен сотрудниками редакции журнала Р. Я. Гучмазовой и Ю. К. Мамедовой.

² С 2013 г. на базе ФИНЕКа, ИНЖЭКОНа и ГУСЭ создано новое образовательное учреждение «Санкт-Петербургский государственный экономический университет».

³ В свое время профессор В. Т. Кабышев по приезду из Санкт-Петербурга рассказывал своим саратовским коллегам: «Представляете, я делал доклад на трибуне, с которой В. И. Ленин в 1917 г. объявил: «Социалистическая революция свершилась!»».

⁴ Лексическая помпезность повествования может скрыть личные причины желания многих наших гостей посетить наш город. Например, Борис Сергеевич Крылов в Ленинграде жил, воевал (!) и служил в органах государственной власти. Валерий Валентинович Невинский, Сергей Дмитриевич Князев и Константин Викторович Арановский учились в аспирантуре и защищали диссертации в ЛГУ имени А. А. Жданова. Для них приезд в Питер всегда был свиданием с юностью.

столкнувшись (Божий промысел!) по дороге от метро «Университет» к старому зданию юрфака. Я шел делать доклад на юридическом факультете Московского университета. Первыми словами организатора всех московских конференций по конституционному праву были: «Как, вы из Питера? К нам? Удивительно! Питерские юристы приезжают или переезжают только на Старую площадь или в Кремль».

Так бывает, рядовое событие – неожиданный приезд «буйного»⁵ питерца и последующее обсуждение проблем развития конституционного права послужили толчком для возникновения у Сурена Адибековича идеи проведения совместных конференций в Санкт-Петербурге. Наверное, определяющую роль сыграло доброе слово, сказанное обо мне Александром Александровичем Белкиным, моим учителем, коренным ленинградцем, вытесненным из петербургской правовой школы в Москву⁶.

Первая конференция прошла в маленьком дворце (дача Кочубея) Царского Села⁷ 8 марта (!) 2002 г. Список приглашенных участников подготовил Авакьян. Их было совсем немного. И состоялось чудо! Замечательно поговорили! Камерный, непринужденный, теплый характер собрания стал особенностью, стилем последующих конференций. А выбранная тема – обсуждение монографии Владимира Алексеевича Кряжкова «Конституционное право субъектов Российской Федерации» стало «дискуссионной прививкой» для всех последующих обсуждений. Открытием наших конференций стала тема «конституционная экономика», заявленная П. Д. Баренбоймом и Г. А. Гаджиевым. Характер и стиль конференции сохраняются до сих пор. Достаточно отметить эмоциональный, горячо поддержанный учеными доклад Николая Семеновича Бондаря «Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии».

Безусловно, перебазирование в Санкт-Петербург Конституционного Суда Российской Федерации стало тяжелым испытанием для большинства судей: непривычный климат (в декабре совсем не белые ночи), усложнение семейных отношений, разрыв с привычным кругом общения, но для петербургского конституционного права приезд великолепных профессионалов стал большой удачей. Достаточно назвать имена известных ученых-конституционалистов, судей: К. В. Арановский, Н. В. Бондарь, Г. А. Гаджиев, М. И. Клеандров, С. Д. Князев, А. Н. Кокотов; сотрудников аппарата Суда: А. А. Джигарян, В. А. Кряжков, В. А. Сивицкий. Естественно, все они стали неперенными участниками конференций.

Собрания в Санкт-Петербурге для целого круга конституционалистов стали ожидаемым и не табельным праздником. В отличие от большинства подобного рода мероприятий, известных зачетом неукротимого числа «диссертабельных» сообщений, к нам приезжают, чтобы откровенно обсудить «конституционные печали»⁸, приобщиться к новым идеям Г. А. Гаджиева, заслушаться тончайшей аналитикой В. И. Крусса или К. В. Арановского, получить нелегкие, но честные ответы от Н. С. Бондаря и С. А. Авакьяна, узнать подлинные истоки становления конституционализма в России из документально выверенных сообщений М. А. Митюкова. И, в который уж раз, окунуться в неизъяснимо прекрасную ауру весеннего или летнего Петербурга...

В эмоциональном плане основой приязни к другому человеку становится общность чего-то основополагающего и дорогого. Одаренных творческим даром конституционалистов объединяет приверженность к конституционно-правовому мышлению, которое обусловлено соединением сердца и ума⁹, неравнодушным отношением к судьбе Человека. Не даром за десятилетие наших встреч у многих коллег, несмотря на декларируемое различие право-

⁵ «Настоящих буйных мало, вот и нету вожаков» – В. С. Высоцкий. Позднее Авакьян писал: «Вы ворвались в нашу юридическую заводь со своим человеческим, а также профессиональным энтузиазмом». Видимо, Сурену Адибековичу стало понятно, что мою творческую энергию (ему уже были известны мои научные работы) можно направить на «мирные цели».

⁶ А. А. Белкин до своего отъезда в Москву заведовал кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета СПбГУ.

⁷ Город Пушкин – пригород Санкт-Петербурга.

⁸ Образное высказывание профессор В. Г. Баева.

⁹ Интересно, что пригодность лозунга ельцинских выборов «голосовать сердцем» можно обосновать китайской мудростью: «от головы – хитрость, а ум – от сердца».

вых позиций, сложилось удивительное взаимопонимание, более того, теплые отношения, некоторые ученые стали дружить семьями.

Представляется, что проведение петербургских конференций внесло вклад в инициируемое С. А. Авакьяном образование Межрегиональной ассоциации конституционалистов. Созданное объединение не формально по существу – мы исповедуем принцип помогать тем и там, где сложная конституционная ситуация, откуда «везут конституционные печали». Наши десанты «высаживались» в Казани у талантливого и настойчивого Е. Б. Султанова, в Барнауле у блестяще основательного В. В. Невинского, в Нальчике у очаровательной умницы Л. А. Тхабисимовой, в Махачкале у безупречно профессионального и мужественного Ш. Б. Магомедова.

В заключение обязан помянуть тех ученых, которые за это время ушли из жизни: Александр Александрович Белкин, Николай Васильевич Витрук, Борис Сергеевич Крылов... О вкладе каждого из них в науку конституционного права написаны десятки статей, но отметим, что именно особенные свойства их личностей в какой-то мере сформировали стиль наших конференций: ироничная, беспощадная содержательность Белкина¹⁰, изысканная культура Витрука, нетерпимая к халтуре и политиканству интеллигентность Крылова. Низкий им поклон...

Что же впереди? Очередные петербургские конференции (обязательно во время белых ночей) по самым актуальным темам конституционного строительства («конституционные печали» мы разведем стихами), конструктивное сплочение петербургских ученых в рамках Межрегиональной Ассоциации конституционалистов, развернутая деятельность в образовательной сфере, в частности в сфере повышения квалификации государственных и муниципальных служащих, членов избирательных комиссий. В этой части чрезвычайно перспективно взаимодействие с Президентской библиотекой имени Б. Н. Ельцина (заместитель директора – известный конституционалист Константин Николаевич Княгинин).

Как известно, конституционалисты – профессиональные романтики. Действительно, мы точнее других оцениваем современную реализацию конституционных положений, при этом настойчиво убеждаем себя и своих учеников в достижении конституционных идеалов.

Международный семинар «Конституционное право субъектов Российской Федерации»

(8 марта 2003 г., Санкт-Петербург)

Теоретический семинар «Конституционная традиция в российской среде»

(22 ноября 2003 г., Санкт-Петербург)

Научно-практический семинар «Проблемы конституционного развития Российской Федерации»

(28–29 февраля 2004 г., Санкт-Петербург)

Конституционная юстиция: теория, практика, перспективы. Конституционная экономика.

(19–20 марта 2005 г., Санкт-Петербург)

Конституционные основы экономических и социальных отношений. Конституционная юстиция.

(31 марта – 1 апреля 2006 г., Санкт-Петербург)

Конституционная и административная реформы в Российской Федерации

(20–22 апреля 2007 г., Санкт-Петербург)

¹⁰ Посмотрите, пожалуйста, еще раз мою заметку «Памяти учителя и друга» (Ученые записки юридического факультета. Вып. 18(28) / Под ред. А. А. Ливеровского. СПб.: Издательство СПбГУЭФ, 2010. С. 107).

Конституция и экономическое развитие: проблемы России и опыт зарубежных стран

(11–13 апреля 2008 г., Санкт-Петербург)

Особенности развития конституционных отношений в России

(24–25 апреля 2009 г., Санкт-Петербург)

Общее и особенное в современном экономическом и конституционно-правовом развитии постсоветских государств

(28–30 мая 2010 г., Санкт-Петербург)

Представительство как конституционная ценность: возрождение, развитие, современное состояние

(25–26 марта 2011 г., Санкт-Петербург)

Личность, власть, экономика: правовые проблемы

(20–21 апреля 2012 г., Санкт-Петербург)

Российская конституционная модель: замысел, реализация, перспективы

(24–25 мая 2013 г., Санкт-Петербург)

Ведущие

Авакьян С. А. – заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Доктор юридических наук, профессор

Бернацкий Г. Г. – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Богданова Н. А. – профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Доктор юридических наук, профессор

Ливеровский А. А. – декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Доктор юридических наук

Зарубежные участники**Республика Армения**

Арутюнян Г. Г. – Председатель Конституционного Суда Армении. Доктор юридических наук, профессор

Республика Абхазия

Смыр С. М. – Государственный советник юстиции 1-го класса. Кандидат юридических наук, доцент

Республика Беларусь

Василевич Г. А. – заслуженный юрист Республики Беларусь. Доктор юридических наук, профессор

Чудаков М. Ф. – заведующий кафедрой международного и сравнительного права. Доктор юридических наук, профессор. Судья Конституционного Суда Республики Беларусь в отставке

Республика Казахстан

Малиновский В. А. – член Конституционного Совета Республики Казахстан. Доктор юридических наук, профессор

Италия

Иван Марино – координатор проекта «Osservatorio sul sistema politico-costituzionale della Federazione Russa» (Италия). Кандидат юридических наук

Республика Украина

Шаповал В. Н. – Председатель ЦИК. Заслуженный юрист Украины. Доктор юридических наук, профессор

Российские участники**Барнаул**

Невинский В. В. – проректор по международным связям, заведующий кафедрой конституционного и международного права Алтайского государственного университета. Доктор юридических наук, профессор

Владикавказ

Цалиев А. М. – Председатель Конституционного Суда Республики Северная Осетия – Алания, генерал-лейтенант юстиции. Доктор юридических наук, профессор

Воронеж

Зражевская Т. Д. – заведующая кафедрой конституционного права России и зарубежных стран Воронежского государственного университета. Доктор юридических наук, профессор

Старилов Ю. Н. – заведующий кафедрой административного и муниципального права Воронежского государственного университета. Доктор юридических наук, профессор

Екатеринбург

Безруков А. В. – начальник кафедры конституционного права Уральского юридического института МВД России. Кандидат юридических наук, доцент

Денисов С. А. – доцент кафедры публичного права Гуманитарного университета г. Екатеринбурга. Кандидат юридических наук, доцент

Несмеянова С. Э. – директор Института государственного и международного права Уральской государственной юридической академии. Доктор юридических наук, профессор

Саликов М. С. – проректор по учебной работе Уральской государственной юридической академии. Доктор юридических наук, профессор

Казань

Султанов Е. Б. – доцент кафедры конституционного права и прав человека юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета. Кандидат юридических наук

Махачкала

Магомедов Ш. Б. – декан юридического факультета Дагестанского государственного университета. Доктор юридических наук, профессор

Пирбудагова Д. Ш. – заведующая кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Дагестанского государственного университета. Кандидат юридических наук, доцент

Москва

Баренбойм П. Д. – первый вице-президент Международного Союза (Содружества) адвокатов. Кандидат юридических наук

Васильева С. В. – доцент кафедры конституционного и муниципального права НИУ – Высшей школы экономики. Кандидат юридических наук

Комарова В. В. – профессор кафедры конституционного и муниципального права РФ МГЮА им. О. Е. Кутафина. Доктор юридических наук

Кряжков В. А. – профессор кафедры международного и муниципального права Национального исследовательского университета ВШЭ, заслуженный юрист России. Доктор юридических наук, профессор

Лазарев В. В. – научный руководитель юридического факультета Международного института экономики и права. Доктор юридических наук, профессор

Лебедев В. А. – профессор кафедры конституционного и муниципального права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина. Доктор юридических наук, профессор

Нудненко Л. А. – профессор кафедры конституционного и муниципального права Российской академии правосудия. Доктор юридических наук, профессор

Митюков М. А. – председатель Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий. Кандидат юридических наук

Умнова (Конюхова) И. А. – руководитель отдела конституционного права Российской академии правосудия. Доктор юридических наук, профессор

Нижний Новгород

Баранов В. М. – заместитель начальника Нижегородской академии МВД РФ по научной работе. Доктор юридических наук, профессор

Новосибирск

Кравец И. А. – заведующий кафедрой конституционного и муниципального права СибАГС. Доктор юридических наук, профессор

Омск

Костюков А. Н. – заведующий кафедрой государственного и муниципального права Омского государственного университета. Доктор юридических наук, профессор

Орел

Астафичев П. А. – директор института, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права ФГБОУ ВПО «Государственный университет – учебно-научно-производственный комплекс». Доктор юридических наук, профессор

Пермь

Кочев В. А. – профессор кафедры конституционного и финансового права Пермского государственного университета. Доктор юридических наук, профессор

Петрозаводск

Чернов С. Н. – заведующий кафедрой международного и конституционного права, декан юридического факультета Петрозаводского государственного университета. Доктор исторических наук. Доктор юридических наук, профессор

Пятигорск

Тхабисимова Л. А. – проректор по научной работе, заведующая кафедрой государственного муниципального управления Северо-Кавказского института РАНХ при Президенте РФ. Доктор юридических наук, профессор

Ростов

Овсепян Ж. И. – заведующая кафедрой государственного (конституционного) права Ростовского государственного университета. Доктор юридических наук, профессор

Санкт-Петербург

Аврутин Ю. Е. – профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД РФ. Доктор юридических наук, профессор

Ачкасов В. А. – заведующий кафедрой международных политических процессов факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета. Доктор политических наук, профессор

Гриценко Е. В. – профессор кафедры государственного и административного права Санкт-Петербургского государственного университета. Доктор юридических наук, профессор

Ескина Л. Б. – заведующая кафедрой конституционного права СЗАГС. Доктор юридических наук, профессор

Княгинин К. Н. – заместитель генерального директора ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина». Кандидат юридических наук, доцент

Красовская Л. П. – заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин Юридического института Генеральной прокуратуры РФ. Кандидат юридических наук, доцент

Мамонов В. В. – и. о. декана юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Доктор юридических наук, профессор

Сапун В. А. – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Доктор юридических наук, профессор

Сивицкий В. А. – профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского филиала НИУ «Высшая школа экономики». Кандидат юридических наук

Саранск

Дудко И. Г. – заведующий кафедрой государственного и административного права Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. Доктор юридических наук, профессор

Саратов

Заметина Т. В. – профессор кафедры конституционного права Саратовской государственной юридической академии. Доктор юридических наук

Кабьшев В. Т. – заведующий кафедрой конституционного и международного права Саратовской государственной юридической академии. Доктор юридических наук, профессор

Колесников Е. В. – профессор кафедры конституционного права Саратовской государственной юридической академии. Доктор юридических наук, профессор

Комкова Г. Н. – заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Доктор юридических наук, профессор

Самара

Боброва Н. А. – заместитель председателя комитета по культуре, спорту и молодежной политике Самарской губернской Думы. Доктор юридических наук, профессор

Полянский В. В. – заведующий кафедрой государственного и административного права юридического факультета Самарского государственного университета. Кандидат юридических наук, профессор

Северодвинск

Баранов П. М. – Судья Северодвинского городского суда

Тамбов

Баев В. Г. – заведующий кафедрой конституционного права Тамбовского государственного университета им. Г. Д. Державина. Доктор юридических наук, профессор

Тверь

Крусс В. И. – заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета. Доктор юридических наук, профессор

Томск

Барнашов А. М. – заведующий кафедрой конституционного и международного права Томского государственного университета. Кандидат юридических наук, доцент

Тюмень

Матейкович М. С. – директор Института государства и права Тюменского государственного университета. Доктор юридических наук, профессор

Уфа

Самигуллин В. К. – заведующий кафедрой государственного права Института права Башкирского государственного университета. Доктор юридических наук, профессор

Республика Саха (Якутия)

Миронов Д. Н. – Председатель Конституционного Суда Республики Саха (Якутия). Доктор юридических наук, профессор

Судьи КС

Арановский К. В. – судья Конституционного Суда РФ. Заслуженный юрист России. Доктор юридических наук, доцент

Бондарь Н. С. – судья Конституционного Суда РФ. Заслуженный юрист РФ. Доктор юридических наук, профессор

Гаджиев Г. А. – судья Конституционного Суда РФ. Заслуженный юрист РФ. Доктор юридических наук, профессор

Клеандров М. И. – судья Конституционного Суда РФ. Заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент РАН. Доктор юридических наук, профессор

Князев С. Д. – судья Конституционного Суда РФ. Заслуженный юрист РФ. Доктор юридических наук, профессор

Кокотов А. Н. – судья Конституционного Суда РФ. Доктор юридических наук, профессор

Мы храним память...

Белкин А. А. – доктор юридических наук, профессор

Витрук Н. В. – заслуженный деятель науки РФ. Доктор юридических наук, профессор

Крылов Б. С. – заслуженный деятель науки. Доктор юридических наук, профессор

Абрамова О. К. Бюджетный федерализм и конституционная ответственность на рубеже XX–XXI веков (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Абрамова О. К. О некоторых проблемах регулирования публичной собственности в условиях российского федерализма (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)

Авакьян С. А. Вопросы конституционной экономики («Ученые записки юридического факультета». Вып. 4(14). 2005 г.)

Авакьян С. А. Конституционные основы экономических отношений: развитие проблемы (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Авакьян С. А. Некоторые проблемы совершенствования конституционного правосудия Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 4(14). 2005 г.)

Авакьян С. А. Общее и особенное в современном конституционно-правовом регулировании экономического и политического развития постсоветских государств (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2010 г.)

Авакьян С. А. Особенности развития конституционных отношений в России («Ученые записки юридического факультета». Вып. 16(26). 2009 г.)

Аврутин Ю. Е. К вопросу о конституционности экономики и конституционной экономике (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Аничкин Е. С. Законодательное регулирование в свете совершенствования разграничения полномочий по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Антонов В. Н. О роли моделирования при определении тенденции конституционного развития («Ученые записки юридического факультета». Вып. 1(12). 2005 г.)

Андрианова В. В. Приоритет прав и свобод человека и гражданина в работе представительной власти в России («Ученые записки юридического факультета». Вып. 20(30). 2011 г.)

Арановский К. В., Князев С. Д. Экономический либерализм конституции в контроверзах и компромиссах с экономикой «холодного социализма» («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)

Артемова С. Т. Конституционно-правовые основы института собственности в Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)

Арутюнян Г. Г. Некоторые деформации в конституционно-правовом развитии постсоветских государств (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2010 г.)

Астафичев П. А. Компетенция народного представительства в экономической сфере: проблемы правового регулирования («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)

Ачкасов В. А. Федерализм–концепция, оспариваемая по существу («Ученые записки юридического факультета». Вып. 1(12). 2005 г.)

Ачкасов В. А. Институциональные перемены – культурный контекст: можно ли разрешить дилемму? (Материалы X Международной научной конференции по конституционному праву 2012 г.)

Ачкасов В. А. Институциональный подход к исследованию политических трансформаций (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Баев В. Г. Формирование основ экономической конституции в Германии в эпоху Бисмарка («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)

Баев В. Г. Представительство как ценность и проблема ее осознания действующими политиками («Ученые записки юридического факультета». Вып. 20(30). 2011 г.)

Баев В. Г., Шуняева А. Е. Доктрина экономической конституции в США (на примере «Нового курса» Ф. Рузвельта) («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)

Баранов П. М. К вопросу о концепции публичной собственности («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)

Баранов П. М. К вопросу о пределах реализации права муниципальной собственности (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)

Баренбойм П. Д. Конституционная экономика и конституционализм («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)

Баренбойм П. Д. Конституционная экономика и отдельные тезисы В. Д. Зорькина «О правовой реформе в России» («Ученые записки юридического факультета». Вып. 4(14). 2005 г.)

Баренбойм П. Б. Правовое государство как произведение искусства и защитник Культуры в концепции Николая Рериха (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2010 г.)

Безруков А. В. Единство властной вертикали и обеспечение прав человека в современной России (Материалы X Международной научной конференции по конституционному праву 2012 г.)

Безруков А. В. Народное представительство и законодательная власть в системе разделения властей («Ученые записки юридического факультета». Вып. 20(30). 2011 г.)

Безруков А. В. Проблемы разграничения компетенции между Российской Федерацией и ее субъектами в зеркале современных федеративных реформ (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)

Белкин А. А. К реорганизации российской федеральной конституционной юстиции («Ученые записки юридического факультета». Вып. 4(14). 2005 г.)

Бернацкий Г. Г. Ежегодная научная конференция преподавателей юридического факультета СПбГУЭФ («Ученые записки юридического факультета». Вып. 7(17). 2007 г.)

Бернацкий Г. Г. Законность и целесообразность в конституционной юстиции Российской Федерации (теоретический аспект) («Ученые записки юридического факультета». Вып. 4(14). 2005 г.)

Бернацкий Г. Г. К вопросу о концептуальной модели анализа уровня гарантий прав и свобод человека и гражданина («Ученые записки юридического факультета». Вып. 1(12). 2005 г.)

Бернацкий Г. Г. Право как функция социального управления («Ученые записки юридического факультета». Вып. 1(11). 2004 г.)

Бернацкий Г. Г., Кауров В. Г., Потемкина Е. В. Студенческая ежегодная научная конференция («Ученые записки юридического факультета». Вып. 5(15). 2006 г.)

Бобракова Н. В. Защита интересов парламентской оппозиции в деятельности Государственной Думы Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 30(40). 2013 г.)

Боброва Н. А. Коррупционные и иные деструктивные факторы формирования органов государственной и муниципальной власти (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2010 г.)

Богатырев В. Н. Квалифицированная юридическая помощь как конституционная ценность: современное состояние и перспективы развития («Ученые записки юридического факультета». Вып. 22(32). 2011 г.)

Богданова Н. А. Общество как объект конституционно-правового регулирования (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Богданова Н. А. Статусное право субъектов Российской Федерации: проблемы системной включенности («Ученые записки». Вып. 10. 2003 г.)

Бондарева Е. А. Правовые пределы воздействия государства на экономические отношения в России (конституционно-уставной аспект) («Ученые записки юридического факультета». Вып. 4(14). 2005 г.)

Бондарь Н. С. Конституционное правосудие и развитие конституционного права: проблема обеспечения единства теории и практики конституционализма (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2010 г.)

Бондарь Н. С. Социально-экономическое развитие общества в зеркале конституционного правосудия (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Бурмистров А. С. Конституционно-правовой статус контрольных органов (на примере счетных палат) (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)

Бурьянов В. Ф., Кочев В. А. Об образовании нового субъекта Российской Федерации Пермского края («Ученые записки юридического факультета». Вып. 1(12). 2005 г.)

Бутусова Н. В. Проблема цивилизованно-ценностного подхода в конституционном регулировании экономики на постсоветском пространстве (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)

Василевич Г. А. Конституционные нормы и принципы – основа регулирования общественных отношений в Республике Беларусь (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Васильева С. В. Взаимодействие государства с коммерческим и некоммерческим секторами: общественное участие – конституционно-правовая ценность («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)

Васильева С. В. Влияние политической конкуренции на уровень социально-экономического развития государства и обратная зависимость (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)

Васильева С. В. Содержание отношений народного представительства: от идеализма к реальности, поддержанной правовым регулированием («Ученые записки юридического факультета». Вып. 21(31). 2011 г.)

Велиева Д. С. Практика деятельности Конституционного Суда РФ по защите на благоприятную окружающую среду (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Велиева Д. С. Экономическое регулирование охраны окружающей среды в Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)

Виноградов В. А. Конституция и налоговая компетенция Российской Федерации, субъектов Федерации и местного самоуправления («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)

Витрук Н. В. Конституционное правосудие на постсоветском пространстве: общее и особенное (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)

- Витрук Н. В.* Конституционно-правовые основы модернизации взаимоотношений личности, экономики и власти (Материалы X Международной научной конференции по конституционному праву 2012 г.)
- Власенко Н. А.* О региональном праве в Российской Федерации («Ученые записки». Вып. 10. 2003 г.)
- Воробьева О. А.* Муниципальная власть в России («Ученые записки юридического факультета». Вып. 20(30). 2011 г.)
- Гаврюсов Ю. В.* Основные направления оптимизации законодательства, регулирующего деятельность конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)
- Гаджиев Г. А.* Конституционно-правовая аксиология (проблемы согласования конституционных принципов) («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)
- Гаджиев Г. А.* Об эластичности конституционных принципов и конституционной политике (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)
- Гаджиев Г. А.* Романтизм и реализм, или об инновациях в развитии конституционного права (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2010 г.)
- Гончаров А. А.* Социально-экономические и правовые аспекты взаимодействия субъектов федеративного государства («Ученые записки юридического факультета». Вып. 20(30). 2011 г.)
- Гулина В. В.* Наказы как форма взаимодействия избирателей и выборных лиц местного самоуправления («Ученые записки юридического факультета». Вып. 21(31). 2011 г.)
- Гюлумян В. Г.* Форма правления России в контексте конституционной экономики («Ученые записки юридического факультета». Вып. 4(14). 2005 г.)
- Гюлумян В. Г., Стюповой А. Г.* О соотношении некоторых принципов судопроизводства, определяющих деятельность органов конституционной юстиции («Ученые записки юридического факультета». Вып. 4(14). 2005 г.)
- Денисов С. А.* Имитации народного представительства («Ученые записки юридического факультета». Вып. 20(30). 2011 г.)
- Денисов С. А.* Конституционность решений Конституционного Суда РФ («Ученые записки юридического факультета». Вып. 29(39). 2013 г.)
- Денисов С. А.* Конституционные требования относительно права частной собственности, свободы предпринимательства и экономическая политика административного государства («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)
- Денисов С. А.* Новый «священный союз» (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)
- Денисов С. А.* Принцип разделения властей в Конституции РФ и его реализация («Ученые записки юридического факультета». Вып. 30(40). 2013 г.)
- Джагарян А. А., Джагарян Н. В.* Формирование представительного органа муниципального района в конституционном измерении («Ученые записки юридического факультета». Вып. 20(30). 2011 г.)
- Дитятковский М. Ю.* Использование органами местного самоуправления материальных ресурсов и финансовых средств, переданных для осуществления отдельных государственных полномочий («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)
- Дорская А. А.* Общее и особенное в конституционно-правовом регулировании свободы совести в постсоветских государствах (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2010 г.)
- Дорская А. А.* Представительство как конституционная ценность в России XX века: уроки истории («Ученые записки юридического факультета». Вып. 20(30). 2011 г.)
- Дорская А. А.* Экономическая составляющая государственно-конфессиональных отношений в России: правовой анализ (Материалы X Международной научной конференции по конституционному праву 2012 г.)
- Дудко И. Г.* К вопросу о «новой доктрине» Конституционного Суда России (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)
- Егупова М. А.* Финансово-экономическое наполнение социальных прав: конституционный императив равенства и реальное состояние (Материалы X Международной научной конференции по конституционному праву 2012 г.)
- Ермолович Г. П.* Представительство государств на международной арене и разведка («Ученые записки юридического факультета». Вып. 22(32). 2011 г.)
- Ескина Л. Б.* К материалам «Круглого стола» «Конституционное право субъектов Российской Федерации» («Ученые записки». Вып. 10(20). 2003 г.)
- Ескина Л. Б.* О конституционной экономики и ее российской специфике (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)
- Ескина Л. Б.* О содержательной динамике учебной дисциплины «Конституционное (государственное) право Российской Федерации» в ходе преобразований в советском и постсоветском пространстве конца XX – начала XXI века России («Ученые записки юридического факультета». Вып. 10(20). 2008 г.)
- Ескина Л. Б.* О тенденциях конституционного развития современной России («Ученые записки юридического факультета». Вып. 3(13). 2005 г.)
- Ефремов А. А.* Свободное перемещение финансовых средств как конституционный принцип регу-

лирования финансового рынка Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 4(14). 2005 г.)

Жакаева Л. С. Теоретические и правовые вопросы участия парламента Казахстана в бюджетном процессе («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)

Железнов Б. Л., Железнов В. Б. Проблемы межбюджетных отношений в контексте конституционного законодательства («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)

Зайцева Е. Р. Гарантии исполнения обязанностей в конституционном праве (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Захаров И. В. Результаты муниципально-правовой реформы как неотъемлемой части конституционной реформы в Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 9(19). 2007 г.)

Зражевская Т. Д., Бондарева Е. А. Соотношение понятий «законодательство субъектов Российской Федерации» и «региональное законодательство»: их роль в формировании единого экономического и правового пространства («Ученые записки». Вып. 10(20). 2003 г.)

Иванюженко А. Б. О некоторых этнорелигиозных противоречиях современного российского законодательства на Северном Кавказе («Ученые записки юридического факультета». Вып. 5(15). 2006 г.)

Иванюженко А. Б. Уголовная ответственность за незаконную банковскую деятельность: pro et contra («Ученые записки юридического факультета». Вып. 16(26). 2009 г.)

Кабышев В. Т. Власть, культура и психология в системе конституционных отношений в России: конституционное измерение («Ученые записки юридического факультета». Вып. 16(26). 2009 г.)

Кабышев С. В. Конституционно-правовой режим реализации приоритетных национальных проектов («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)

Кабышев С. В. Конституционные принципы экономического строя России: регулирование, проблемы реализации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)

Кауров В. Г. Дискриминация в сфере труда и занятости («Ученые записки юридического факультета». Вып. 5(15). 2006 г.)

Кауров В. Г. Трудовое право России – прошлое и настоящее («Ученые записки юридического факультета». Вып. 10(20). 2008 г.)

Кашо В. С. Конституционное регулирование ответственности органов местного самоуправления за социально-экономическое развитие территории («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)

Кашо В. С. Общее и особенное во взаимоотношениях государства и местного самоуправления на постсоветском пространстве (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)

Киреев В. В. К вопросу об определении границ исследования процесса кардинальной конституционной реформы (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2010 г.)

Киреев В. В. Концепция суверенной демократии: проблемы развития конституционно-ценностных основ экономической системы («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)

Киреева Е. А. Конституционные основы экономической системы и современные социальные приоритеты российского общества («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)

Клеандров М. И. Проблема статуса современного юрисконсульта (Материалы X Международной научной конференции по конституционному праву 2012 г.)

Клеандров М. И. Развитие механизма российского правосудия: конституционное измерение («Ученые записки юридического факультета». Вып. 1(12). 2005 г.)

Княгинин К. Н. Бюджетный федерализм: некоторые вопросы теории и российская практика («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)

Княгинин К. Н. Правовые режимы натурализации: искусство конструирования (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)

Козлова Е. А. Конституционное законодательство антибольшевистских правительств в период гражданской войны в России («Ученые записки юридического факультета». Вып. 22(32). 2011 г.)

Кокотов А. Н. Законодательная модель разграничения объектов публичной собственности между уровнями власти в Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)

Кокотов А. Н. Преодоление внутривососсийского отчуждения как залог эффективности конституционной реформы в современной России («Ученые записки юридического факультета». Вып. 9(19). 2007 г.)

Кокотов А. Н. Решения Конституционного Суда РФ как источник права (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Кокотов А. Н. Совершенствование федерального законодательства о статусе субъектов Российской Федерации («Ученые записки». Вып. 10(20). 2003 г.)

Колесников Е. В. О совершенствовании российского законодательства об информации и информационной сфере (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Комарова В. В. Конституционные основы экономической системы (Материалы VIII Международ-

ной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)

Комарова В. В. Представительная власть и определение ее эффективности («Ученые записки юридического факультета». Вып. 20(30). 2011 г.)

Комкова Г. Н. Социальное государство и демократия: проблемы соотношения (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Кондрашев А. А. Конституция и актуальные проблемы федеративного устройства в контексте экономического развития Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)

Кондрашев А. А. Правовые проблемы института президентства как формы народного представительства в России: суперпрезидентская республика или смешанная? («Ученые записки юридического факультета». Вып. 21(31). 2011 г.)

Коновалова Л. Г. Значение свободного и императивного мандата депутата для обеспечения представительного правления («Ученые записки юридического факультета». Вып. 21(31). 2011 г.)

Конюхова И. А. О динамике развития институтов и подотраслей конституционного права Российской Федерации («Ученые записки». Вып. 10(20). 2003 г.)

Конюхова И. А. (Умнова). О конституционном принципе субсидиарности как основе гармонизации экономических интересов федерации и ее субъектов («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)

Костылева Е. Д. Проблемы нормативно-правового обеспечения инновационного развития в России (Материалы X Международной научной конференции по конституционному праву 2012 г.)

Костюков А. Н. Конституционное представительство – резерв модернизации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 21(31). 2011 г.)

Костюков А. Н. Конституционная экономика в России: некоторые направления совершенствования («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)

Котельникова Е. А. Отстранение судьи от участия в деле в конституционном судопроизводстве («Ученые записки юридического факультета». Вып. 4(14). 2005 г.)

Кочев В. А. Заметки на методологическом поле книги «Конституционная экономика» (М., 2006. – 528 с.) (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Кочев В. А. О международной правосубъектности субъектов Российской Федерации («Ученые записки» Вып. 10. 2003 г.)

Кочетыгина И. Н. Конституционное право субъектов Российской Федерации: иллюзия или реальность (обзор выступления) («Ученые записки». Вып. 10. 2003 г.)

Кравцов А. К. Экономика и право: к вопросу о конституционных основах российской экономики (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Крайнова Н. А. К вопросу использования педагогической технологии «кружок по дисциплинам специализации» в вузе («Ученые записки юридического факультета». Вып. 10(20). 2008 г.)

Крамской В. В. Представительство как превратно понятая ценность («Ученые записки юридического факультета». Вып. 22(32). 2011 г.)

Красовская Л. П. Разграничение полномочий по предметам совместного ведения органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов и равноправие граждан («Ученые записки». № 10. 2003 г.)

Крицкая С. Ю. CONSTITUTIO RUTILIANA – первый опыт римского права («Ученые записки юридического факультета». Вып. 20(30). 2011 г.)

Крусс В. И. Конституционная «модель» и перспективы конституционализации «частного» права в Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 30(40). 2013 г.)

Крусс В. И. Конституционные основания, формы и пределы участия российского государства в экономической практике («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)

Крусс В. И. Экономическая свобода и социальная ответственность с позиции конституционного правопонимания (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Крусс В. И., Смирнова А. А. Государственные (публичные) функции и услуги с позиций теории конституционного правопользования («Ученые записки юридического факультета». Вып. 9(19). 2007 г.)

Крылов Б. С. Конституционный Суд Российской Федерации и проблемы обеспечения законности в Российской Федерации (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Крылов Б. С. Проблема соблюдения Конституции Российской Федерации остается актуальной («Ученые записки юридического факультета». Вып. 1(12). 2005 г.)

Крылов Б. С. Свобода мысли и слова. Как следует к ней относиться (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)

Крылов Б. С. Что угрожает будущему Российской Федерации («Ученые записки». Вып. 10. 2003 г.)

Кряжков В. А. Автономный округ: трансформация конституционного статуса («Ученые записки юридического факультета». Вып. 1(12). 2005 г.)

Кряжкова О. Н. Применение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации

Верховным Судом Российской Федерации и Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 4(14). 2005 г.)

Кудрина К. Ю. Социально-экономические показатели и иные статистические характеристики, влияющие на процесс создания и реализацию нормативных предписаний («Ученые записки юридического факультета». Вып. 4(14). 2005 г.)

Кузнецов П. А. К вопросу о юридизации конституционных гарантий прав и свобод личности в Российской Федерации (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)

Кузнецов С. А. Правотворчество как форма народовластия («Ученые записки юридического факультета». Вып. 21(31) 2011 г.)

Кузьмин А. Г. Обеспечение единообразия судебной практики как фактор модернизации российской модели правосудия («Ученые записки юридического факультета». Вып. 30(40). 2013 г.)

Куленко О. И. Проблемы обеспечения социально-экономических прав граждан в сфере исполнительного производства («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)

Курячая М. М. Оценка эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в сфере социально-экономического развития («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)

Кушаков М. Н. Избирательная система и некоторые результаты выборов в Приднестровской Молдавской Республике: общее и частное (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Лазарев В. В. Обеспечение свободы экономической деятельности Конституционным Судом Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)

Ларичев А. А. К вопросу о целевом назначении административно-территориального деления субъектов Российской Федерации (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)

Ларичев А. А. Правовое регулирование и практика объединения муниципальных образований: сравнительный опыт Российской Федерации и Канады (Материалы X Международной научной конференции по конституционному праву 2012 г.)

Ларичев А. А. Представительные органы местного самоуправления: проблемы и тенденции развития конституционно-правового статуса («Ученые записки юридического факультета». Вып. 21(31). 2011 г.)

Лебедев В. А. Проблемы развития концепции прав человека в современной России: конституционные идеи и социальные ценности (Материалы X Международной научной конференции по конституционному праву 2012 г.)

Лебедев В. А. Экономическая парадигма конституционной идеи суверенной демократии («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)

Либанова С. Э. Конституционный институт прямого народовластия за отправлением правосудия («Ученые записки юридического факультета». Вып. 21(31). 2011 г.)

Либанова С. Э. Проблемы конституционной юстиции и профессиональное представительство (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)

Ливеровский А. А. Проблемы создания и функционирования органов конституционного контроля в субъектах Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 4(14). 2005 г.)

Лобанов И. В. Участие представительных органов муниципальных образований в законодательном процессе субъекта Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 21(31). 2011 г.)

Логачева Н. Ю. Конституционно-правовой статус юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 4(14). 2005 г.)

Лукьянова Е. А. Закон о законах: быть или не быть (Опыт России и СНГ) (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2010 г.)

Магомедов Ш. Б., Азизова В. Т. Правовые аспекты противодействия экстремистской деятельности в Дагестане (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2010 г.)

Малая Т. Н. Развитие законодательства об объектах права собственности (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2010 г.)

Маликов М. Ф. К вопросу о концепции правовой экономики на современном этапе (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Малый А. Ф. Влияние судебных решений на развитие законодательства субъектов Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 9(19). 2007 г.)

Малый А. Ф., Малая Т. Н. Экономическая составляющая реформы местного самоуправления («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)

Малый А. Ф., Цвиль В. С. Презумпция знания закона: проблемы реализации (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)

Малфлет К. Конституция и экономическое развитие: взгляд из Бельгии («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)

Маслов К. В. Налоговое правоприменение и экономическое развитие («Ученые записки юридиче-

ского факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)

Матейкович М. С. Социальные обязательства и ответственность за их неисполнение (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Мионов Д. Н. Конституционное законодательство Республики Саха (Якутия): становление и развитие («Ученые записки». Вып. 10. 2003 г.)

Мионов Д. Н. Конституционность и «реконструкция» российского и регионального законодательства («Ученые записки юридического факультета». Вып. 4(14). 2005 г.)

Мионов Д. Н. К вопросу о развитии нормативной базы конституционных (уставных) судов (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Митюков М. А. Конституция Российской Федерации 1993 г. и модернизация полномочий Конституционного Суда Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 1(12). 2005 г.)

Митюков М. А. Некоторые штрихи к истории региональной конституционной юстиции (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Митюков М. А. О некоторых путях интенсификации деятельности Конституционного Суда Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 4(14). 2005 г.)

Митюков М. А. Проблемы предварительного судебного конституционного контроля (По материалам подготовки и принятия проекта ФКЗоКС) (Материалы X Международной научной конференции по конституционному праву 2012 г.)

Митюков М. А. Региональное право – реальность («Ученые записки». Вып. 10. 2003 г.)

Митюков М. А. Решение конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации (1992–2008 гг.): опыт статистического осмысления (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2010 г.)

Мокшина М. А. Институт уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 9(19). 2007 г.)

Мокшина М. А. Некоторые проблемы создания и функционирования конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Мокшина М. А. Понятие права на осуществление местного самоуправления (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)

Мосин Е. Ф. Борьба с налоговым нигилизмом – важная составляющая процесса преподавания налогового права («Ученые записки юридического факультета». Вып. 10(20). 2008 г.)

Мосин Е. Ф. Направления совершенствования правового регулирования налоговых отношений в рамках Российской Конституционной модели («Ученые записки юридического факультета». Вып. 30(40). 2013 г.)

Мосин Е. Ф. Проблемы установления правового режима общего имущества нежилого здания («Ученые записки юридического факультета». Вып. 5(15). 2006 г.)

Мусалова Э. М. Особенности регулирования экономических отношений в конституциях (уставах) субъектов российской Федерации (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2010 г.)

Муфтиев Р. Г. Обеспечение продовольственной безопасности – приоритетное направление деятельности российского государства (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Нарутто С. В., Солдатенков О. О. Институт публичной собственности: конституционно-правовые аспекты («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)

Невинский В. В. Конституционные принципы и статус личности в России (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Невинский В. В. Права личности и федерализма в России («Ученые записки». Вып. 10. 2003 г.)

Некрасов С. И. К вопросу о деформации идеи народного представительства в условиях партийной вертикализации представительных учреждений («Ученые записки юридического факультета». Вып. 22(32). 2011 г.)

Некрасов С. И. Объект конституционного контроля и субъекты обращения в Конституционный Суд Российской Федерации в его правовых позициях (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Некрасов С. И. Территориальная организация власти на постсоветском пространстве: региональный и местный уровни (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)

Несмеянова С. Э. Некоторые вопросы развития конституционного судебного контроля на постсоветском пространстве (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2010 г.)

Несмеянова С. Э. О роли органов конституционной юстиции в развитии социальных отношений (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Несмеянова С. Э. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в развитии экономических основ конституционного строя («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)

Нильсен Х. Всемирный проект «Верховенство права». Инициатива Американской ассоциации адвокатов

- и Международной ассоциации юристов («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)
- Новиков А. Б.* Государственные услуги как административно-правовой институт («Ученые записки юридического факультета». Вып. 9(19). 2007 г.)
- Новиков А. Б.* Конституционные основы административной реформы в Российской Федерации (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)
- Новиков А. Б.* О концепции корпоративной налоговой службы налогоплательщика (Материалы X Международной научной конференции по конституционному праву 2012 г.)
- Нудненко Л. А.* Влияние правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации на развитие законодательства о депутатской неприкосновенности («Ученые записки юридического факультета». Вып. 4(14). 2005 г.)
- Нудненко Л. А.* К вопросу о концепции Федерального закона «Об основах приграничного сотрудничества в Российской Федерации» (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)
- Нудненко Л. А.* Права человека и экономические гарантии их реализации в Российской Федерации (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)
- Нудненко Л. А.* Право частной собственности на памятники истории и культуры («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)
- Нудненко Л. А.* Тенденции развития непосредственной демократии в системе местного самоуправления («Ученые записки юридического факультета». Вып. 1(12). 2005 г.)
- Нурмагамбетов Р. Г.* Об исследовании подходов к пониманию предмета конституционного регулирования в Российской Федерации (Материалы X Международной научной конференции по конституционному праву 2012 г.)
- Овсепян Ж. И.* К вопросу о понятиях и их намерениях. Основы конституционного строя как критерии юриспруденции, институт конституционного права Российской Федерации (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)
- Пажетных Д. В.* Парламентская неприкосновенность: российский и зарубежный опыт («Ученые записки юридического факультета». Вып. 22(32). 2011 г.)
- Петров М. В.* К вопросу об особенностях разграничения подведомственности органов конституционной (уставной) юстиции субъектов Российской Федерации (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)
- Пирбудагова Д. Ш.* Общее и особенное в развитии прав человека в постсоветских государствах (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)
- Пресняков М. В.* МРОТ как инструмент экономического регулирования: соотношение принципов равенства и справедливости («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)
- Пресняков М. В.* Право равного доступа к государственной службе и усмотрения представителя нанимателя (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)
- Полянский В. В.* Приватизация и национализация: конституционные основы в России и зарубежных странах («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)
- Полянский В. В.* Роль конституционного права в обеспечении целостности и единства российского федеративного государства («Ученые записки». Вып. 10. 2003 г.)
- Порошин Е. Н.* Народное представительство как цель государственной политики в Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 22(32). 2011 г.)
- Потемкина Е. В.* История советского права как основа преподавания конституционного права («Ученые записки юридического факультета». Вып. 10(20). 2008 г.)
- Пугин А. А., Матвеев И. В.* Представительство стран – членов Европейского Союза в структуре международного сообщества нового типа («Ученые записки юридического факультета». Вып. 22(32). 2011 г.)
- Пугина О. А.* Народное представительство и народный суверенитет в истории развития российской правовой системы («Ученые записки юридического факультета». Вып. 22(32). 2011 г.)
- Пугина О. А.* Экономическая интеграция и самоограничение суверенитета Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)
- Пылин В. В.* Как сделать так, чтобы все равные перед законом уважали принципы верховенства права? (Материалы X Международной научной конференции по конституционному праву 2012 г.)
- Пылин В. В.* Конституционная модель местного самоуправления России: цели, проблемы, перспективы («Ученые записки юридического факультета». Вып. 30(40). 2013 г.)
- Рассказов М. А.* Федеральное Собрание Российской Федерации: сумма своих палат или нечто большее? («Ученые записки юридического факультета». Вып. 22(32). 2011 г.)
- Ратманов А. Н.* Соотношение способов ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 26(36). 2012 г.)
- Решетников С. Н., Закариев Я. А.* Место и роль прокуратуры по обеспечению единого правового пространства в Российской Федерации (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)
- Ромашов Р. А.* Государственная власть и частная собственность: проблема соотношения в контексте генезиса российского конституционализма («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)
- Ромашов Р. А.* Конституционная юстиция: проблемы понимания, структурирования, функциони-

рования («Ученые записки юридического факультета». Вып. 4(14). 2005 г.)

Ромашов Р. А. Фактор цикличности в государственной истории России («Ученые записки юридического факультета». Вып. 3(13). 2005 г.)

Романовская О. В. Конституционно-правовые проблемы делегирования государственной власти субъектам частного права (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)

Романовский Г. Б. Конституционно-правовые проблемы развития биоэкономики на постсоветском пространстве (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2011 г.)

Салиева Р. Н. Конституционно-правовые гарантии защиты прав субъектов предпринимательской деятельности при осуществлении государственного контроля (надзора) (Материалы X Международной научной конференции по конституционному праву 2012 г.)

Саликов М. С. О некоторых проблемах распределения полномочий в рамках предметов совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации («Ученые записки». Вып. 10. 2003 г.)

Саликов М. С. Социальное государство и конституционные социальные права в современной России: фикция, цель, утопия? (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Самигуллин В. К. К материалам семинара «Конституционное право субъектов Российской Федерации» («Ученые записки». Вып. 10. 2003 г.)

Самигуллин В. К. О статусе конституционного права в системе права постсоветской России («Ученые записки юридического факультета». Вып. 1(12). 2005 г.)

Самигуллин В. К. Экономический анализ права: некоторые вопросы теории (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Самодова А. А. Проблемы реализации парламентского контроля в субъектах Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 9(19). 2007 г.)

Сапун В. А. Конституция Российской Федерации и уровень доверия к праву («Ученые записки юридического факультета». Вып. 30(40). 2013 г.)

Сапун В. А. Тенденции становления и развития правовой системы современной России («Ученые записки юридического факультета». Вып. 1(12). 2005 г.)

Сапун В. А. Формирование нетипичных источников российского права (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Сапун В. А., Турбова Я. В. Теория государства и права в условиях новой социально-правовой парадигмы («Ученые записки юридического факультета». Вып. 10(20). 2008 г.)

Саченко А. Л., Субботин Ю. В. Атрибуция понятий интеллектуальной собственности: ноу-хау, секрет производства, коммерческая тайна, производственная тайна («Ученые записки юридического факультета». Вып. 20(30). 2011 г.)

Сергеев А. П. Совершенствование преподавания гражданского права в современных условиях («Ученые записки юридического факультета». Вып. 10(20). 2008 г.)

Сергиенко А. М. Участие органов местного самоуправления в производстве общественных благ на муниципальном уровне: правовые и экономические аспекты («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)

Сивицкий В. А. Административная реформа на региональном и муниципальном уровне и бюджетный федерализм: есть ли коллизия («Ученые записки юридического факультета». Вып. 9(19). 2007 г.)

Сивицкий В. А. Информационные технологии в конституционной правореализации (Материалы X Международной научной конференции по конституционному праву 2012 г.)

Сивицкий В. А. К вопросу о конституционной модели местного самоуправления в Российской Федерации и ее перспективах («Ученые записки юридического факультета». Вып. 30(40). 2013 г.)

Сивицкий В. А. «Маятник» российского федерализма («Ученые записки» Вып. 10. 2003 г.)

Сивицкий В. А. Некоторые тезисы о народном представительстве в условиях ограниченности публичного ресурса («Ученые записки юридического факультета». Вып. 23(33). 2011 г.)

Сивицкий В. А. Реформы разграничения полномочий и местного самоуправления: эффективность в рамках Конституции Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 1(12). 2005 г.)

Симинягин Ю. Н. Конституционный Суд Российской Федерации в системе сдержек и противовесов (к вопросу о порядке назначения председателя Правительства) (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Смелов С. А. К вопросу о разработке административных регламентов на федеральном и региональном уровне («Ученые записки юридического факультета». Вып. 26(36). 2012 г.)

Смирнова М. Г. Правовые позиции Конституционного Суда и противоположения судебной практики как нетипичные источники права (сравнительно-правовой аспект) («Ученые записки юридического факультета». Вып. 20(30). 2011 г.)

Соболев С. А. Трудовой договор в правильном регулировании отношений в сфере труда России: история и современность («Ученые записки юридического факультета». Вып. 5(15). 2006 г.)

Соломатина Н. Н. Сбережения населения: сквозь призму конституционной экономики («Ученые

записки юридического факультета». Вып. 4(14). 2005 г.)

Спицына В. А. К вопросу о конституционно-правовых основах финансовой деятельности субъекта Российской Федерации: теоретико-правовой аспект (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2010 г.)

Станкин А. Н. Контрольные полномочия Федерального Собрания Российской Федерации: проблемы реализации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 23(33). 2011 г.)

Станских С. Н. Зарубежная конституционная экспертиза как направление сравнительного конституционного права: к постановке проблемы («Ученые записки юридического факультета». Вып. 16(26). 2009 г.)

Старков Б. А. Проблемы формирования правового сознания в преподавании курса отечественной истории у студентов юридического факультета СПбГУЭФ («Ученые записки юридического факультета». Вып. 10(20). 2008 г.)

Стовповой А. Г. «Конституционная традиция в российской среде»: обзор («Ученые записки». Вып. 1(11). 2004 г.)

Стовповой А. Г. Окончателность решений конституционных (уставных) судов Российской Федерации (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Стовповой А. Г. Правовая защищенность интересов потерпевшего («Ученые записки юридического факультета». Вып. 5(15). 2006 г.)

Стовповой А. Г., Стовповая Н. В. Обзор материалов научно-практического семинара «Проблемы конституционного развития Российской Федерации» (28–29 февраля 2004 г.) («Ученые записки юридического факультета». Вып. 1(12). 2005 г.)

Суворова С. А. К вопросу о конституционно-правовой сущности усыновления (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Тепляшин И. В. Предпринимательское сообщество в системе экономического развития современной России: правовые аспекты («Ученые записки юридического факультета». Вып. 20(30). 2011 г.)

Тепляшин И. В. Участие общественности в механизме противодействия коррупции: вопросы теории («Ученые записки юридического факультета». Вып. 23(33). 2011 г.)

Титова Е. В. Представительная власть в контексте конституционной экономики («Ученые записки юридического факультета». Вып. 23(33). 2011 г.)

Тихон Е. А. Конституционные полномочия Президента РФ в области стратегии социально-экономического развития российского государства («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)

Тхабисимова Л. А. Становление и развитие конституционного правосудия в Кабардино-Балкарской Республике (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Тюнин В. И. Организация незаконной миграции (юридический анализ состава преступления) («Ученые записки юридического факультета». Вып. 5(15). 2006 г.)

Тюнин В. И. Уголовное право в современный период времени и проблемы его преподавания («Ученые записки юридического факультета». Вып. 10(20). 2008 г.)

Уваров А. А. Конституционно-правовой принцип свободы экономической деятельности в России («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)

Уваров А. А. Конституционно-правовые аспекты реализации права граждан на юридическое образование («Ученые записки юридического факультета». Вып. 30(40). 2013 г.)

Уваров А. А. Правотворчество представительных органов местного самоуправления («Ученые записки юридического факультета». Вып. 23(33). 2011 г.)

Уваров А. А. Территориальное общественное самоуправление как субъект социальных и экономических отношений (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Умнова И. А. Конституционализация экономики и правовая стратегия устойчивого развития в контексте задач обеспечения безопасности личности в Российской Федерации (Материалы X Международной научной конференции по конституционному праву 2012 г.)

Усманова Р. М. Организация местного самоуправления в соответствии с Конституцией Российской Федерации (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Фальков В. Н., Чеботарев Г. Н. Предмет конституционного права субъектов Российской Федерации («Ученые записки». Вып. 10. 2003 г.)

Филатова А. В. Государственная экономическая политика в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)

Хабриева Т. Я. Конституционный надзор и конституционный контроль в свете концепции современной конституции («Ученые записки юридического факультета». Вып. 4(14). 2005 г.)

Харламов А. В. Зачем юристу современная экономическая наука? («Ученые записки юридического факультета». Вып. 10(20). 2008 г.)

Цалиев А. М. О необходимости оптимизации Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования для юристов («Ученые записки юридического факультета». Вып. 30(40). 2013 г.)

Чабановская В. С. Судебная практика по возмещению судебных расходов по налоговым сборам

(«Ученые записки юридического факультета». Вып. 5(15). 2006 г.)

Чаннов С. Е. Конституционно-правовые пределы экономической самостоятельности местного самоуправления (на примере оплаты труда должностных лиц местного самоуправления) («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)

Чернов С. Н. Место особых экономических зон в общем экономическом пространстве Российской Федерации (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Чернов С. Н. Народное представительство в демократическом государстве: идеи, реализация, опыт, проблемы («Ученые записки юридического факультета». Вып. 23(33). 2011 г.)

Чернов С. Н. О территориальном суверенитете Великого княжества Финляндского и Палестинской национальной автономии (Материалы X Международной научной конференции по конституционному праву 2012 г.)

Чернов С. Н. Пути правового преодоления диспропорции в социально-экономическом положении между регионами Российской Федерации («Ученые записки юридического факультета». Вып. 11(21). 2008 г.)

Чиркин В. Е. О некоторых возможностях и пределах экономической роли современного права (конституционные аспекты) («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)

Чиркин В. Е. Российская Конституция как ценность («Ученые записки юридического факультета». Вып. 30(40). 2013 г.)

Чудаков М. Ф. Закрепление экономических и социальных отношений в основном законе. Некоторые вопросы теории (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Шаповал В. Н. К вопросу о выборе формы государственного правления в постсоветском пространстве: из опыта Украины (Материалы VIII Международной научной конференции по конституционному праву 2010 г.)

Шаповал В. Н. О сущности народного представительства («Ученые записки юридического факультета». Вып. 23(33). 2011 г.)

Шарнина Л. А. Критерии допустимости ограничений личных и экономических прав и свобод при реализации социальных прав личности (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Шишкина О. Е. Конституционно-правовые проблемы процессов централизации и децентрализации публичной власти (Материалы X Международной научной конференции по конституционному праву 2012 г.)

Шишкина О. Е. Финансово-экономическая основа местного самоуправления: конституционная модель и ее реализация в РФ («Ученые записки юридического факультета». Вып. 30(40). 2013 г.)

Шугрина Е. С. Защита права на местное самоуправление в Конституционном Суде Российской Федерации (Материалы IV Всероссийской научной конференции по конституционному праву 2006 г.)

Щербакова Н. В. О реализации принципа свободы экономической деятельности в России («Ученые записки юридического факультета». Вып. 12(22). 2008 г.)

Щербанюк О. В. Народный суверенитет как основа представительной демократии в Украине: проблемы, теории и практики («Ученые записки юридического факультета». Вып. 30(40). 2013 г.)

АНДРЕЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА

Родилась в г. Великие Луки Псковской области. Окончила Калининградский государственный университет по специальности «юриспруденция».

Доцент кафедры финансового и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Кандидат юридических наук.

Контактная информация для переписки:
elenaandreeva09@mail.ru

ANDREEVA ELENA

Was born in Velikie Luki of the Pskov region. In 1965 has ended the Kaliningrad State University, majoring in «Jurisprudence».

The senior lecturer of chair of financial and administrative law of St.-Petersburg State University of Economy, faculty of Law.

Candidate of jurisprudence.

E-mail: elenaandreeva09@mail.ru

БЕРНАЦКИЙ ГЕОРГИЙ ГЕНРИХОВИЧ

Родился в 1950 г. в Ленинграде. Окончил философский факультет Ленинградского государственного университета и юридический факультет Санкт-Петербургской Академии МВД России.

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Доктор юридических наук, профессор.

Контактная информация для переписки: gberg@yandex.ru

BERNATSKY GEORGE

Was born in 1950 in Leningrad. Has ended faculty of philosophy of the Leningrad State University and faculty of law of St.-Petersburg Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The head of chair of the theory and history of the state and the right of the St.-Petersburg State University of Economy.

Doctor of jurisprudence, professor.

E-mail: gberg@yandex.ru

БРОДСКИЙ МИХАИЛ НАУМОВИЧ

Родился в 1948 г. в Ленинграде. Окончил экономический факультет Ленинградского государственного университета им. Жданова, Университет права Экс-Марсель и Северо-Западную Академию государственной службы. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Член правительства Санкт-Петербурга, представитель Губернатора Санкт-Петербурга в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга. Заведующий кафедрой правового регулирования экономики Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Доктор экономических наук, доктор юридических наук, профессор.

Контактная информация для переписки: 1151679@mail.ru

BRODSKY MICHAEL

Was born in 1948 in Leningrad. Has ended faculty of economics of the Leningrad State University of A. A. Zhdanova, the University of Law of Aix-Marseille and the North-West Academy of Public Administration. A member of the St. Petersburg government, the representative of the Governor of St. Petersburg Legislative Assembly of St. Petersburg. The head of chair of a regulation of the economy of St.-Petersburg State University of Economy.

Doctor of economic sciences, doctor of jurisprudence, professor.

E-mail: 1151679@mail.ru

БРОДСКАЯ ОКСАНА СЕРГЕЕВНА

Родилась в Санкт-Петербурге. Окончила в 2002 г. Академию государственной службы при Президенте Российской Федерации по специальности «юриспруденция». Помощник судьи Уставного Суда Санкт-Петербурга.

Кандидат юридических наук.

Контактная информация для переписки: 1151679@mail.ru

BRODSKAYA OKSANA

Was born in St.-Petersburg. Graduated from the Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation in the specialty «Jurisprudence» in 2002. The assistant referee of Charter Court of the St.-Petersburg.

Candidate of jurisprudence.

E-mail: 1151679@mail.ru

ВОЛЬФСОН ВЛАДИМИР ЛЕОНОВИЧ

Родился в 1965 г. Доцент кафедры гражданского права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Кандидат юридических наук.

Контактная информация для переписки: vwolfson@mail.ru

WOLFSON VLADIMIR

Born in 1965. The senior lecturer of chair of civil law, faculty of law of the St.-Petersburg State University of Economy. Candidate of jurisprudence.

E-mail: vwolfson@mail.ru

ГОНЧАРОВ ВАДИМ ЭДУАРДОВИЧ

Доцент кафедры социально-политических наук Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. Кандидат политических наук.

Контактная информация для переписки:
newideal@yandex.ru

GONCHAROV VADIM

The senior lecturer of chair of social and political sciences of the St.-Petersburg State University of Telecommunications by M. A. Bonch-Bruyevich.

Candidate of jurisprudence.

E-mail: newideal@yandex.ru

ДУБРОВСКАЯ ИРИНА ИГОРЕВНА

Родилась в г. Геленджик Краснодарского края. Окончила экономический факультет Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

Аспирантка кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Юрист в ЗАО «ЛексКледере консалтинг».

Контактная информация для переписки:
dubrovskaya-88@mail.ru

DUBROVSKAYA IRINA

Born in Gelendzhik of Krasnodar Region. Graduated from the faculty of economics of the St.-Petersburg University of Economy and Finance. Postgraduate of chair of civil law of the St.-Petersburg State University of Economy.

Lawyer in ЗАО «LeksKledere consulting».

E-mail: dubrovskaya-88@mail.ru

ЕЛИЗАРОВ ВИТАЛИЙ ПАВЛОВИЧ

Доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Кандидат политических наук.

Контактная информация для переписки:

summo-jure@yandex.ru

ELIZAROV VITALY

The senior lecturer of chair of theory and history of State and Right of the St.-Petersburg State University of Economy.

Candidate of political science.

E-mail: summo-jure@yandex.ru

КРАЙНОВА НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА

Родилась во Владивостоке. Окончила юридический факультет Дальневосточного государственного университета.

Доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Кандидат юридических наук, доцент.

Контактная информация для переписки:

kna1976@rambler.ru

KRAINOVA NADEZHDA

Was born in Vladivostok. Graduated from the Far Eastern State University, faculty of law. The senior lecturer of chair of criminal law and criminal procedure of the St.-Petersburg State University of Economy.

Candidate of jurisprudence, senior lecturer.

E-mail: kna1976@rambler.ru

КОСТЕНКО СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ

Родился в 1956 г. в Украине. Окончил Туркменский политехнический институт (инженер-электрик) и Ташкентскую Высшую партийную школу (политолог). В 2001 г. – юридический факультет Северо-Западной академии государственной службы.

Кандидат технических наук. Действительный государственный советник Санкт-Петербурга 2-го класса. Изобретатель СССР. Член-корреспондент Российской академии естественных наук.

Начальник Аппарата члена Правительства Санкт-Петербурга, представителя Губернатора Санкт-Петербурга в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга.

Контактная информация для переписки:
kostenko@vg.gov.spb.ru

KOSTENKO SERGEY

Was born in 1956 in Ukraine. In 1979 has graduated from the Turkmen Polytechnic Institute (Electrical Engineer), in 1989 – the Tashkent Higher Party School (analyst), in 2001 – faculty of law of the North-West Academy of Public Administration.

The candidate of technical sciences. State Councilor of St.-Petersburg of 1st class. Inventor of the USSR. Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences. The chief of the Device of a member of the Government of St.-Petersburg, a representative of the Governor of St.-Petersburg Legislative Assembly of St.-Petersburg.

E-mail: kostenko@vg.gov.spb.ru

ЛИВЕРОВСКИЙ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился в 1947 г. в Ленинграде. Окончил математико-механический и юридический факультеты Ленинградского государственного университета. Доктор юридических наук. Профессор кафедры конституционного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Научный руководитель юридического факультета, заведующий кафедрой конституционного права СПбГЭУ.

Контактная информация для переписки: pravo@finec.ru

LIVEROVSKY ALEXEI

Was born in 1947 in Leningrad. Has ended faculty of law and faculty of mathematics and mechanics of the Leningrad State University. Doctor of jurisprudence, professor of chair of constitutional law of the St.-Petersburg State University of Economy. Scientific director of the faculty of law, Head of the chair of constitutional law of St.-Petersburg State University of Economy.

E-mail: pravo@finec.ru

МАКСУРОВ АЛЕКСЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ

Родился в 1976 г. в поселке Балакирево Александровского района Владимирской области. Окончил юридический факультет Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Заместитель прокурора Ярославской области.

Кандидат юридических наук, доцент.

Контактная информация для переписки:

maxurov78@yandex.ru

MAKSUROV ALEXEI

Was born in 1976 in the Balakirevo village of Alexander's district of Vladimir region. Graduated from the Yaroslavl State University by P. G. Demidov, faculty of law.

Deputy Prosecutor of the Yaroslavl region.

Candidate of jurisprudence, senior lecturer.

E-mail: maxurov78@yandex.ru

РАДОШНОВА НАТАЛИЯ ВАЛЕРЬЕВНА

Родилась в Ленинграде. Окончила дефектологический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена и юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

Аспирантка кафедры уголовного права и уголовного процесса юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Юрист в ООО «Меридиан».

Контактная информация для переписки:

radoshnova@bk.ru

RADOSHNOVA NATALIA

Was born in Leningrad. Has ended faculty of defectology of the Leningrad State Pedagogical University of A. I. Herzen and faculty of law of the St.-Petersburg State University of Economy and Finance. Postgraduate of chair of the criminal law and criminal procedure of faculty of law of the St-Petersburg State University of Economy.

A lawyer in LTD «Meridian».

E-mail: radoshnova@bk.ru

САПУН ВАЛЕНТИН АНДРЕЕВИЧ

Родился в 1942 г. в Харькове. Окончил историко-правовой факультет Дальневосточного государственного университета. Профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Доктор юридических наук, профессор.

Контактная информация для переписки: tigp@finec.ru

SAPUN VALENTIN

Was born in 1942 in Kharkov. Graduated from Far Eastern State University, faculty of historic and legal. Professor of theory and history of state and right of the St.-Petersburg State University of Economy.

Doctor of jurisprudence, professor.

E-mail: tigp@finec.ru

СТРУКОВА МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА

Родилась в г. Грозный ЧИАССР. В 2007 г. окончила бакалавриат юридического факультета Российского университета дружбы народов по специальности «юриспруденция». В 2010 г. окончила магистратуру юридического факультета по специальности «уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право».

Аспирант кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Российского университета дружбы народов.

Контактная информация для переписки: marina-strukova@mail.ru

STRUKOVA MARINA

Was born in Grozny CHIASSR. In 2007 graduated from the faculty of law of Russian University of Peoples' Friendship majoring in law. In 2010 graduated from the faculty of law master's specialty majoring in criminal law, criminology, penal law.

Graduate student of criminal law and process law faculty of the Russian University of Peoples' Friendship.

E-mail: marina-strukova@mail.ru

ТУРБОВА ЯНА ВАЛЕНТИНОВНА

Родилась в Ленинграде. Окончила юридический факультет Санкт-Петербургского экономического университета.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Кандидат юридических наук.

Контактная информация для переписки:

yaturbova@inbox.ru

TURBOVA YANA

Was born in Leningrad. Graduated from St.-Petersburg State University, faculty of Law.

The senior lecturer of chair of theory and history of State and Right of the St.-Petersburg State University of Economy.

Candidate of jurisprudence.

E-mail: yaturbova@inbox.ru

ТЮНИН ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

Родился в 1955 г. в г. Воронеже. Окончил юридический факультет Высшего политического училища имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР.

Заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Доктор юридических наук, профессор.

Контактная информация для переписки:

v-tunin@rambler.ru

TYUNIN VLADIMIR

Was born in 1955 in Voronezh. Has ended the Higher Political School of 60th anniversary of the Komsomol of the USSR of the Ministry of Internal Affairs. The head of chair of the criminal law protection of economic relations of the St.-Petersburg State University of Economy.

Doctor of jurisprudence, professor.

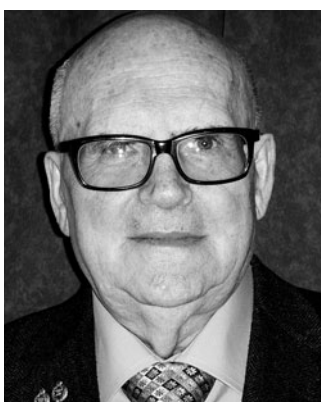
E-mail: v-tunin@rambler.ru

Мы храним память...

Белкин Александр Александрович —
доктор юридических наук, профессор

Витрук Николай Васильевич —
*заслуженный деятель науки РФ.
Доктор юридических наук, профессор*

Крылов Борис Сергеевич —
*заслуженный деятель науки.
Доктор юридических наук, профессор*

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Ученые записки юридического факультета» Санкт-Петербургского государственного экономического университета приглашает к сотрудничеству авторов научных работ – правоведов, юристов-практиков, сотрудников органов государственной власти и местного самоуправления.

Присланные авторами статьи проходят обязательное рецензирование. Материалы студентов, аспирантов и соискателей принимаются при наличии рекомендации научного руководителя.

Для публикации необходимо представить в редакцию рукопись в двух формах – на бумажном и электронном носителях. Средний объем рукописи 0,5–1,0 авторских листа (20 000–40 000 знаков, включая пробелы). Текст рукописи должен быть представлен в формате: Word for Windows, формат страницы А4 (210x297), поля – 20 мм, шрифт Times New Roman, размер шрифта (кегель) – 14, интервал – полуторный. Пристатейный библиографический список оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Кроме файла с основным текстом статьи, должен быть представлен отдельный файл с информацией об авторе/ах:

- фамилия, имя, отчество автора;
- год и место рождения;
- образование (с указанием высшего учебного заведения и факультета);
- место работы, должность;
- ученое звание, ученая степень (если имеются);
- контактная информация (почтовый адрес, контактный телефон и адрес электронной почты).

В приложении к тексту статьи должны быть представлены следующие сведения **на русском и английском языках:**

- фамилия, имя, отчество автора;
- название статьи;
- ключевые слова (5-6 слов) и аннотация, отражающая содержание статьи (50–250 слов).

Фотография автора/ов (отдельным файлом в формате jpeg с высоким разрешением) обязательна.

Редакция оставляет за собой право не рассматривать рукописи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями.

Контактная информация:

Почтовый адрес: 190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 6/8

Телефон: (812) 602-23-65

E-mail: zapiski@finec.ru; pravo@finec.ru

Научное издание

**УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
юридического факультета**

Научный редактор А. А. Ливеровский
Выпуск 31 (41)

Редакторы *Ю. К. Мамедова, Р. Я. Гучмазова*
Компьютерная верстка – *С. В. Павлова*

Свидетельство ПИ № 2-7308 от 11 июня 2004 г. выдано Северо-Западным окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Лицензия № 040050 от 15.08.96.

Подписано в печать 25.12.2013 г. Формат 60x84¹/₈ Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,5. Уч.-изд. л. 13,0.

Тираж 500 экз. Заказ 710.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ
191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21